

история / география / этнография

Евгений **Беляев**

Арабский Халифат в раннее Средневековье

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Евгений **Б**еляев

Арабский Халифат
в раннее
Средневековье

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2018

УДК 94(53)
ББК 63.3(0)4
Б44

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибиловой

Территория современных арабских стран в начале Средних веков входила в состав двух могущественных держав того времени — Византии и сасанидского Ирана.

Византийская, или Восточная Римская империя со столицей Константинополем с 395 года, после окончательного политического распада Римской империи, стала вполне самостоятельным государством. Из четырнадцати диоцезов империи в состав Византии вошло восемь.

Кризис рабовладельческого строя в восточных провинциях Римской империи не имел такого острого и бурного характера, как на Апеннинском полуострове, где происходили мощные восстания рабов. Восточная Римская империя, в которую вошли страны древневосточных цивилизаций, достигшие еще в глубокой

древности и в период эллинизма высокого уровня развития общественного производства и культуры, обладала гораздо большими экономическими ресурсами по сравнению с Западной Римской империей.

В общественном производстве ранней Византии большую роль играли свободные общинники, имевшие свои земельные наделы. При этом рабовладение здесь не только сохранялось, но и имело большое экономическое значение. В этом заключалось существенное отличие социально-экономического строя ранней Византии от Западной Римской империи, в которой кризис рабовладельческого строя и установление военно-политического господства германских и других варварских завоевателей открыли путь для беспрепятственного развития новых, феодальных отношений.

Восточная Римская империя, сумевшая сдержать варваров на своей дунайской границе, отстояла государственную независимость. Она сохранила и управленческий аппарат, образовавшийся в результате реформ императоров Диоклетиана и Константина. Этот административно-фискальный аппарат, основной обязанностью которого была налогово-податная эксплуатация населения, совместно с многочисленным наемным войском обеспечивал господство крупной землевладельческой аристократии. Византийский император, обладавший деспотической властью, и окружавшая его аристократия (преимущественно греческая) старались сохранить старые рабовладельческие отношения, всемерно препятствуя развитию феодализма.

Самодержавной власти императора подчинялась и православная церковь. Служа опорой императорского самодержавия, церковь (в лице константинопольского патриарха, а также на вселенских и поместных соборах) беспрепятственно допускала вмешательство императора не только в сферу церковного управления, но и в область вероучения, признавая его верховный авторитет при разрешении различных догматических споров.

В переходный период, который переживала ранняя Византия, во владениях крупных землевладельцев (как светских, так и церковных) начали применять новые способы ведения

хозяйства и эксплуатации непосредственных производителей. В крупных земельных владениях, обрабатываемых рабами, стали использоваться такие формы, при которых основной производитель был заинтересован в повышении производительности своего труда. С этой целью многим рабам давали земельные наделы и сельскохозяйственный инвентарь, оставляли им некоторую часть выработанного ими продукта. Часть рабов переводили на положение вольноотпущенников, предоставляя им относительную свободу трудовой деятельности, но оставляя их в личной зависимости от своих господ.

Гораздо большее значение в сельскохозяйственном производстве стал иметь труд колонов. Это были юридически свободные земледельцы, не только обрабатывавшие участки, полученные от крупных землевладельцев, но и имевшие свою мелкую земельную собственность и свой инвентарь. Наряду с такими «свободными» колонами имелось немало так называемых приписных колонов (энапографов), которые не обладали личной земельной собственностью. Их положение почти не отличалось от положения рабов, посаженных на землю. К тому же они и их потомки были прикреплены к земле, лишены права перехода от одного землевладельца к другому.

Колоны, как и посаженные на землю рабы, были обязаны отдавать от одной пятой до половины урожая. Сверх этого они были обременены барщиной, будучи обязаны безвозмездно работать в страдную пору сева и уборки урожая.

Крупнейшим землевладельцем был византийский император, который бесконтрольно распоряжался огромным фондом государственных земель. Императора окружала многочисленная паразитическая придворная знать, состоявшая преимущественно из крупных землевладельцев. В ранней Византии еще сохранялись свободные земледельческие общины, члены которых платили подати в государственную казну и не зависели от землевладельцев. Но землевладельцы часто безнаказанно захватывали общинные земли и ставили свободных до того общинников в положение приписных колонов, а то и безземельных арендаторов ранее им же принадлежавшей земли.

Географическое положение Византии и сравнительно высокий уровень ее экономического развития благоприятствовали внешним торговым сношениям. В отличие от Западной Римской империи, завоеванной варварами и перешедшей уже в раннем Средневековье к натуральному хозяйству, в ранней Византии были развиты товарное производство и товарно-денежные отношения. Основанные еще в эпоху древности и в период эллинизма города быстро росли за счет притока сельских жителей; города были центрами ремесленного производства и торгового обмена.

Крупнейшим городом Византийской империи был Константинополь. Немногим уступали ему по своему экономическому и культурному значению Антиохия в Сирии и Александрия в Египте. Другие крупные города имели большое значение как торговые порты (например, Фессалоники, Бейрут, Триполи Сирийский) или как пункты скрещивания караванных путей (например, Дамаск). Иерусалим был объектом религиозного паломничества для всего обширного христианского мира.

Ранняя Византия продолжала вести торговлю со странами Востока, используя внешнеторговые связи и торговый опыт древних римлян. Но караванная торговля с Китаем была сопряженной с препятствиями и убытками, поскольку усилившиеся кочевники взимали непомерные поборы за безопасное прохождение караванов, а иногда попросту грабили купцов. При сокращении торговли с Китаем повысилось значение торговых сношений с Индией через Красное море, по которому греческие, сиро-ливанские и египетские торговые корабли выходили в Индийский океан. Преимущественным предметом спроса византийских купцов был шелк.

На этом же морском торговом пути находилась Южная Аравия, поставлявшая в Византию благовония. Товары из Южной Аравии доставлялись также верблюжьими караванами через Западную Аравию по древнему «пути благовоний». Проводником византийской политики в районе Красного моря выступала христианская с IV века Эфиопия (Аксумское царство). От аксумитов христианство приняли йеменцы (главным образом жители Саны и особенно Неджрана), ко-

торые, став ревностным союзником единой Византии, обеспечивали безопасность ее торговли с Индией¹.

Византийская торговля на Средиземном море значительно расширилась в правление императора Юстиниана I (527—565 годы), когда частично была осуществлена политика восстановления Римской империи. В результате успешных, но изнурительных войн с готами и вандалами византийские войска и флот завоевали Италию, острова Западного Средиземноморья, часть Пиренейского полуострова и Северной Африки (современная территория Туниса и Восточного Алжира). В завоеванных государствах на территории бывшей Западной Римской империи византийский император и окружавшая его знать пытались произвести реставрацию рабовладельческих отношений. Это вызвало массовые восстания, вследствие чего новые территориальные приобретения Византии оказались очень непрочными. В Северной Африке византийская армия легко разбила вооруженные силы вандалов, но встретила упорное сопротивление со стороны коренного берберского населения. Византийцы закрепились только на побережье и не были сброшены в море лишь благодаря непримиримой вражде между оседлыми берберами (земледельцами и горожанами) и берберами-кочевниками².

Завоевательные походы приводили к истощению сил и средств империи. Время от времени бунтовали солдаты, которые подолгу не получали жалованья. Изыскивая необходимые средства, византийское правительство увеличивало налоги. Вследствие этого положение народа подчас становилось совершенно невыносимым. В царствование Юстиниана мощная волна восстаний прокатилась как по Балканскому полуострову, так и по восточным провинциям. Во время наиболее крупного восстания, известного под названием «Ника» (532 год), дошло до того, что император Юстиниан и его свита собирались бежать на кораблях в африканские владения Византии. Однако восстание все-таки удалось подавить: в резне, устроенной солдатами правительственных войск в Константинополе, только на ипподроме и в его окрестностях было убито более 35 тыс. человек.

При преемниках Юстиниана, в конце VI века, империя стала слабеть. От нее отпали завоеванные территории на западе. Крупные восстания сотрясали Сирию, Палестину и Египет, опять поднялся плебс в Константинополе, то и дело бунтовала дунайская армия.

Наиболее крупные события внешней политики Византии были связаны с византийско-иранскими войнами. В 611 году войска сасанидского шахиншаха Хосрова II завоевали Сирию, взяв Антиохию и Дамаск, в 614 году вторглись в Палестину и взяли приступом Иерусалим. После этих завоеваний иранское войско, пройдя по Малой Азии, достигло восточного берега Босфора. Другое иранское войско в 618–619 годах вторглось в Египет и взяло Александрию. В ответ византийская армия в 622–628 годах предприняла три «персидских похода». В 627 году византийцы нанесли решительное поражение иранским силам у развалин Ниневии, под современным Мосулом, и осадили иранскую столицу Ктесифон. Однако сил на то, чтобы взять город, у них не хватало. Обе стороны были обескровлены и сочли за лучшее заключить мир.

Затяжные и упорные войны Ирана и Византии привели их к крайнему ослаблению. Поэтому и те, и другие оказались бессильны в борьбе с новыми завоевателями — арабами.

Глава I Аравия и арабы в V–VI веках

Источники

Основным источником наших сведений и представлений об экономическом состоянии, общественном строе и быте арабов V–VI веков является древнеарабская — доисламская — поэзия. Ценность этой поэзии как исторического источника заключается в том, что она «с фотографической точностью отражает все стороны жизни арабского племени с окружающей его природой»³.

Также при изучении географической среды Аравии V–VI веков, чтобы дополнить картины аравийской природы, нарисованные арабскими доисламскими поэтами, не только допустимо, но и обязательно использование обильных и разнообразных материалов, собранных путешественниками Нового времени. Сведения же социально-экономического характера, которые дают путешественники XIX и XX веков, мы вправе привлекать только для констатации пережитков прошлого, равно как для сравнений и аналогий путем исто-

рической ретроспекции. Это вызывается тем обстоятельством, что природа Аравии, в общем, осталась неизменной за истекшие полторы тысячи лет, а экономическое состояние этой страны и общественные отношения ее населения такой неизменностью не отличались. Хотя для них и характерна известная застойность, они тем не менее пережили процесс изменения и развития, особенно начиная со второй половины XIX века.

Доисламская поэзия арабов была создана как раз в изучаемый нами период, и ее произведения, дошедшие до нас, подверглись, как можно полагать, только незначительным изменениям, внесенным в них собирателями и редакторами VIII–X веков.

При изучении этой поэзии как исторического источника, для которого характерна «насыщенность жизнью», исключительное значение приобретает вопрос о подлинности ее произведений. В основном этот вопрос сводится к следующему: действительно ли произведения доисламской поэзии созданы в V–VI веках поэтами арабских племен (как утверждает арабская историко-литературная традиция) или же авторами этих произведений являются более поздние поэты и ученые-филологи, жившие в культурных центрах Халифата в VIII–IX веках; другими словами, не являются ли эти произведения искусной литературной подделкой? Этот вопрос был поставлен в западноевропейской науке в 1850–1870-х годах и впоследствии неоднократно поднимался применительно к отдельным доисламским поэтам и к целым антологиям. Европейские исследователи по-разному подходили к этому вопросу, но подлинность доисламской поэзии в целом оставалась неопороченной. Весьма остро этот вопрос был вновь поставлен в 20-х годах XX века английским ориенталистом С. Марголиусом и египетским ученым Таха Хусейном. Оба этих ученых объявили всю доисламскую поэзию продуктом литературного творчества более позднего времени. Но такое крайнее утверждение осталось личным убеждением двух названных ученых, а наука по-прежнему признает доисламскую поэзию арабов подлинной в смысле времени и места ее происхож-

дения, не отрицая в то же время подложности некоторых ее произведений. В частности, академик И. Ю. Крачковский, крупнейший специалист по истории арабской поэзии, вполне определенно считает ее подлинной. Следовательно, при современном состоянии интересующего нас научного вопроса нет достаточных оснований для того, чтобы отказываться от использования доисламской поэзии арабов в качестве исторического источника при изучении периода, предшествовавшего возникновению ислама.

В обширных трудах многочисленных средневековых арабоязычных историков и географов, отличающихся, как правило, обилием и разнообразием фактов политической, военной и религиозной жизни, мы не находим таких обильных и ярких материалов, какие содержатся в доисламской поэзии, отразившей социально-экономический строй и общественный быт арабов V–VI веков. Особое положение как источник для изучаемого нами периода занимает труд Шахрастани (умер в 1153 году) «Китаб алмилал ван-нихал» («Книга религиозных сект и философских школ»), в котором имеется специальная глава, посвященная описанию религиозных верований, обрядов и обычаев доисламских арабов; в этой главе автор сообщает (что для нас представляет особый интерес) о пережиточных формах семьи и брака.

Другим трудом, заслуживающим особого внимания при изучении первобытно-общинного строя арабов, является «Мукаддима» Ибн Халдуна. В этом выдающемся произведении арабской феодальной историографии содержатся наряду с интересными познавательными материалами ценные обобщения и выводы. Великий автор «Мукаддимы» проявлял особый интерес к хозяйству и общественному быту арабских племен, видя в них наиболее типичных представителей кочевых народов.

В отличие от арабских источников сведения об арабах V–VI веков, содержащиеся в сочинениях писателей и в документах сопредельных с Аравией цивилизованных стран, имеют случайный характер и не всегда достоверны. Это объясняется тем, что для этих писателей и для их осведомителей внутренние области Аравии в то время оставались недоступ-

ными, а следовательно, и неизвестными. Некоторый интерес у историка арабов могут возбуждать только сирийские хроники и юридические материалы.

Географическая среда

Невозможно представить Аравию без арабов. Уже исторические источники, относящиеся к глубокой рабовладельческой древности, сообщают об арабах как об исконных обитателях Аравийского полуострова.

Аравия — огромный полуостров, площадь которого достигает 3 млн квадратных километров. Сами арабы всегда называли Аравию «Джазират алараб», что значит «остров арабов». Такое название они обосновывали тем, что моря и реки окружают Аравию со всех сторон. При определении северной границы Аравии всегда наблюдались значительные колебания. Знаменитый средневековый арабский географ Йакут ар-Руми (1179—1229) говорит, что нет единого мнения при определении северной границы Аравии. Другой арабский географ, ал-Хамдани (умер в 945 году), специально занимавшийся изучением географии Аравийского полуострова, считает северо-восточной границей этого полуострова Евфрат в его нижнем течении, а северо-западной — палестинское побережье Средиземного моря. Такое определение северных границ Аравии, за исключением Палестины, вполне приемлемо для V—VI веков. Несомненно, Сирийская пустыня (Бадийат ашшам) тогда входила в состав Аравийского полуострова, составляя его неотделимую часть. В V—VI веках политические границы с Византийской империей и Иранским царством Сасанидов проходили так, что оставляли все пространство Сирийской пустыни в полном обладании населявших ее арабов.

Длина береговой линии Аравийского полуострова более 5500 километров, причем эта линия отличается весьма малой изрезанностью, напоминая в этом отношении соседнюю Африку.

Деление Аравии на отдельные области всегда было неопределенным, а нередко необоснованным. Ал-Хамдани

и Йакут предлагают разделение «острова арабов» на пять частей: Тихама, ал-Хиджаз, ал-Неджд, ал-Аруд и ал-Йемен.

Территория каждой из этих основных областей Аравии определялась только приблизительно, так что почти каждый арабский географ считал возможным высказывать собственное мнение о ее границах. Абу-л-Фида (1273—1331), ссылаясь на сочинения своих предшественников, так определяет каждую из этих областей: «Тихама — южная часть Хиджаза; Неджд — страна, расположенная между Хиджазом и Ираком. Что касается Хиджаза, то это горная страна, которая простирается от Йемена до Сирии; Медина и Амман входят в его состав, Аруд — не что иное, как Йемама, то есть страна, которая простирается до Бахрейна»⁴.

Для историка, изучающего прошлое Аравии, отдаленное от нас почти на полтора тысячелетия, исключительно важным является вопрос: изменились ли географические условия (и прежде всего климат) в этой стране за последние полторы-две тысячи лет. Современная географическая наука отвечает на этот вопрос отрицательно. Можно вполне определенно сказать, что за это время никакого уменьшения осадков и никакого усыхания почвы в Аравии не произошло⁵. Поэтому для изучения географической среды Аравии V–VI веков мы вполне можем пользоваться не только средневековой литературой, но и современными сведениями.

Географическое обследование Аравии было завершено только в период между двумя мировыми войнами. Еще в конце XIX столетия о некоторых внутренних областях этого обширного полуострова европейцы имели менее точное представление, чем о видимой стороне Луны.

В XVIII веке историк Эдуард Гиббон, отражая наивные представления современных ему европейцев об Аравии, писал: «В страшной аравийской пустыне беспредельная песчаная равнина перерезывается остроконечными и обнаженными горами, а лишенную всякой тени или прикрытия степь опаляют жгучие лучи тропического солнца. Ветры... не только не освежают, но распространяют вредные и даже смертоносные туманы; они то вздымают, то развевают по воздуху песочные горы, которые можно сравнить с высоко

вздымающимися волнами океана... Вода... служит там предметом желаний и споров»⁶. И даже в начале XX столетия итальянский арабист Л. Каэтани сообщал: «Аравия — скалисто-песчаная пустыня, только изредка покрытая скудной растительностью... Мрачная и негостеприимная страна, без рек, без лугов, без деревьев; на нее страшно смотреть, и в ней ужасно жить; кажется, что почва пылает от двойного огня, ибо жар раскаленного неба соответствует ослепительное отражение пылающих песков и скал»⁷.

С другой стороны, датский ученый-путешественник Карстен Нибур, побывавший в юго-западной части этой страны в 1762—1763 годах и открывший эпоху ее научного изучения, писал: «Пересеченная песчаными пустынями и широкими цепями гор Аравия, с одной стороны, являет собой картину полного запустения в его наиболее страшном виде; в то же время, с другой стороны, она разукрашена всеми красотами наиболее плодородных стран»⁸.

Наименее привлекательными районами Аравийского полуострова являются его побережья. Это бесплодные песчаные низменности на западе и востоке и столь же бесплодные обрывистые скалы на юге. Дурная слава о почве и климате Аравии как раз и происходит от того, что европейцы в течение столетий могли судить обо всем полуострове преимущественно на основании впечатлений, полученных мореплавателями по Красному морю и Персидскому заливу.

Наиболее изученной и известной частью Аравии поэтому оказывалась, начиная с раннего Средневековья, гористопустынная область, прилегающая к Красному морю. Крайне неблагоприятные почвенные и климатические особенности этой области, которую ежегодно посещали десятки и сотни тысяч мусульманских паломников из многих стран, были приписаны (без всякого на то основания) всем другим областям полуострова. Сведения европейцев о Центральной Аравии основывались почти исключительно на сообщениях англичанина В. Палгрева, который в 1862—1863 годах предпринял путешествие через Аравийский полуостров по диагонали, от Мертвого моря до побережья Персидского залива. Но, как окончательно выяснилось во втором десятилетии

XX века, Палгрев дал неточные сведения о ряде внутренних районов Аравии, которые он, возможно, и не посещал⁹.

Только в XX столетии с Центральной и Южной Аравии сошел покров незнания и устранились связанные с этим превратные представления. Исследования англичан Гарри Филби и Бертрама Томаса открыли последнюю главу в книге научного изучения Аравии.

По рельефу Аравия — обширное, массивное плато или плоскогорье. Оно круто поднимается за прибрежной полосой Красного моря и понижается к востоку в виде непрерывной покатости в сторону Ирака и Персидского залива. Высокие горы у берега Красного моря постепенно переходят в низкие холмы у берега Персидского залива. Такой наклон с запада и юго-запада к востоку и северо-востоку нарушается только тремя исключениями: 1) на крайнем востоке, в Омане, возвышаются гранитные горы Джебел Ахдар, достигающие 3020 метров высоты к западу от Маската; 2) на севере горная цепь Джебел Шаммар (около 1400 метров над уровнем моря) и 3) цепь Джебел Тувейк, в виде полукруга, охватывающего Центральное Аравийское плоскогорье с востока.

Горный хребет, проходящий по Западной Аравии параллельно берегу Красного моря, начинается на севере гористой области Мадан. Горы между Мааном и Акабой достигают высоты 1600–1700 метров над уровнем моря. Горы вплотную подходят к берегу Акабского залива, а затем цепь гор постепенно отступает к востоку, уступая место низменному песчаному побережью, которое расширяется по мере продвижения на юг. Расстояние между берегом моря и западными подошвами гор редко превышает 20 километров, а иногда уменьшается до 8,6 и даже 2 километров.

К югу от Акабского залива, приблизительно до района города Таифа, тянутся Хиджазские горы, не представляющие непрерывной цепи, поскольку они несколько раз пересекаются (в широтном направлении) глубокими долинами, которые служат проходами, соединяющими побережье с Центральной Аравией. В районе Таифа горная цепь имеет название Сарат; ее средняя высота — не более 2000 метров; наиболее высокая вершина — около 3000 метров. Название

Сарат арабы нередко прилагают к цепи гор Западной Аравии на всем протяжении этой цепи. Поскольку Сарат (в широком смысле этого названия) отделяет Центральное Аравийское плато Неджд от приморской низменности Тихамы, или Гаура, арабы дали этой горной цепи название Хиджаз, что значит «преграда» или «барьер».

Город Таиф, расположенный на высоте около 1500 метров над уровнем моря, считался одной из наиболее привлекательных местностей Аравии, особенно вследствие того разительного контраста, который создавали обильные влагой и богатые растительностью его живописные окрестности с соседними песчаными и каменистыми пространствами. В окрестностях Таифа плодородные и хорошо орошаемые долины чередовались с зеленеющими склонами гор, а поля, засеянные злаками, находились рядом с фруктовыми садами и рощами финиковых пальм; соседние горы были известны своими пастбищами¹⁰. Таиф славился на всю Аравию красотой своих садов; они раскинулись у подошвы гор, окружающих песчаную равнину, среди которой расположен город¹¹. Хребет Сарат между Таифом и Меккой вызывает своими красотами величественного горного пейзажа восхищение европейских путешественников. Вид с Джебел Куры на панораму гор напоминает «желтый окаменевший океан»¹².

Юго-Западная Аравия, отделяемая от Африки Баб-эль-Мандебским проливом, известна под названием ал-Йемен. Эта горная страна, весьма плодородная, в древности славилась высокой культурой. Обычно Йемен отождествляют со «Счастливой Аравией» древнегреческих и латинских писателей. Такое отождествление теперь вполне можно рассматривать как недоразумение... Арабский корень «й-м-н» означает пребывание справа, на правой стороне. В свое время арабы (как и все народы, поклонявшиеся солнцу) ориентировались на солнечный восход, то есть на восток. Поэтому юг был у них правой стороной, а север — левой. Это получило выражение в географической номенклатуре: южная страна стала называться правой — Йеменом, а северная страна, то есть расположенная к северу от Аравии, — левой, по-арабски — Шам (Сирия). По первобытным верованиям, правая сторона

считалась счастливой, а левая связывалась с представлением о несчастье, злополучии.

Система гор Йемена по имени страны называется Йеменскими горами. Они являются завершением станового хребта Западной Аравии и наиболее высокой частью этого хребта. Высочайшей точкой страны является Джебел Хадур (около 3200 метров над уровнем моря) к западу от Саны, которая расположена на высоте 2250 метров над уровнем моря. Склоны гор покрыты пышной и разнообразной растительностью. Отсюда второе название Йемена — ал-Хадра — «зеленая страна».

Йемен разделялся на две основные зоны: 1) Тихама, равнина шириной от 40 до 70 километров, и 2) горная зона (или нагорный Йемен), более возвышенная в южной половине страны.

Итак, Западная Аравия состоит из двух обширных областей: Йемен на юге и Хиджаз на севере. Самый Хиджаз по признаку рельефа можно подразделить на три полосы, или зоны, идущие параллельно с запада на восток: 1) приморская зона — Тихама, песчаная низменность, совершенно пустынная, если не считать очень редко встречающиеся акации и мимозы; 2) зона гор с крутыми, часто обрывистыми и совершенно голыми склонами и с глубокими ущельями; 3) волнообразная пустынная поверхность с уклоном на восток, являющаяся зоной перехода от горной цепи к Центрально-аравийскому плато. Протяженность Хиджаза с запада на восток колеблется от 100 до 200 километров; его протяженность с севера на юг — около 1000 километров.

Тихамой арабы называли всякую низменную местность с жарким и нездоровым климатом. Поэтому взятое в широком смысле это название прилагалось к низменным побережьям как на западе, так и на востоке и на юге Аравийского полуострова. Для большей точности арабы различали Хиджазскую Тихаму и Йеменскую Тихаму. Западное побережье Персидского залива, равно как и южное побережье полуострова, они тоже называли тихамами (но только в нарицательном смысле).

Центральное плоскогорье Аравии — Неджд (что и значит «плоскогорье») состоит в значительной своей части из из-

вестняковых образований, но встречаются также гранитные скалы. Высота этого плоскогорья — от 600 до 900 метров над уровнем моря. Вся площадь его перерезана долинами, расходящимися в разных направлениях. С севера Неджд ограничивается гранитной горной цепью Джебел Шаммар (около 1400 метров над уровнем моря), с востока — песками ад-Дахны, или Малого Нефуда, а с юга — Великой пустыней. Арабы противопоставляли Неджд как «высокую страну» прибрежной равнине — Тихаме; Северный Неджд — довольно суровая каменистая страна, местами песчаная; Южный Неджд не так страдает от песков и сравнительно обильно снабжен водой, местами имеет богатую растительность.

Полоса песков, простирающаяся к востоку от Неджда, отделяет это плоскогорье от низменного побережья Персидского залива. Эта приморская область, с песчаной почвой у побережья, с холмистой поверхностью на западе, известна под названием ал-Хаса, или ал-Ахса; сокращенно — Лахса.

Ал-Хаса в большей своей части представляет безотрадную пустыню. Отрадным исключением являются несколько оазисов. От самого побережья Персидского залива расстилается волнистое море песка, печальное однообразие которого немного оживляют карликовые пальмы; растущие на них маленькие и тощие финики могли есть только часто голодавшие кочевники. Сравнительно обильная растительность имеется по склонам песчаных гряд и во впадинах между ними; преобладают различные сорта пустынных трав¹³. Западная часть ал-Хасы представляет собой преимущественно бесплодное известняковое плато, на котором изредка встречаются пятна колючего кустарника.

К востоку от Йемена, от моря на юге и до Великой пустыни на севере расположена обширная страна Хадрамаут. Восточная часть этой страны, граничащая с Оманом, известна под названием Махра. Хадрамаут по рельефу можно разделить на три зоны, идущие, в общем, параллельно берегу моря: 1) побережье — сахил, 2) горы — джибал и 3) внутренние долины. В западной половине сахила горы очень близко подступают к морскому берегу, будучи отделены от него узкой и неровной полосой песчаной тихамы. Склоны

гор, обращенные в сторону побережья, обрывисты и совершенно голы. Сахил значительно расширяется в Восточном Хадрамауте, в области Дуфар. По мнению Бертрама Томаса, Дуфар после Йемена имеет наибольшее право на название «Счастливой Аравии». Это «Аркадия роскошных лесов, которыми покрыты крутые горы, возвышающиеся над морем; область непересыхающих потоков и солнечных лугов, красивых ландшафтов и зеленых долин»¹⁴.

Юго-восточную часть Аравийского полуострова составляет Оман. Это массивное плато, имеющее наклон к северо-востоку в виде круто спускающихся склонов. Склоны гор, обращенные в сторону моря, мрачны и бесплодны, лишены растительности, а склоны внутренних долин покрыты сравнительно густыми лесами и сочными лугами и вполне заслуживают названия «Зеленые горы». Побережье представляет собой равнину шириной до тридцати километров. Оманское плато опоясано оазисами, почти непрерывные линии которых тянутся у подошв гор как на прибрежной равнине, так и вдоль границы Великой пустыни.

Вади

Значительное своеобразие придают аравийскому рельефу многочисленные большие и малые вади, пересекающие полуостров в различных направлениях. В большинстве случаев вади представляет собой сухое русло потока, проходящее по долине.

Из наиболее значительных и известных вади, идущих в северо-восточном направлении, прежде всего следует упомянуть Вади-р-Румма и Вади Давасир. Первый из них берет начало на возвышенностях к востоку и юго-востоку от Медины, у северного тропика. Далее он идет без значительных отклонений в северо-восточном направлении и достигает окрестностей Басры. Его общее протяжение — около 950 километров. В некоторых местах арабы затрачивали целый день, чтобы пересечь этот вади. В годы, отличающиеся исключительно обильными дождевыми осадками, Вади-р-

Румма на короткое время превращается в настоящую реку; но это случается всего два-три раза в столетие. Обычно же этот вади имеет сухое дно, но богат подпочвенными водами, которые местами выходят на поверхность.

Вади Давасир начинается двумя долинами с целым рядом более мелких ответвлений. Одна из этих долин начинается на восточных склонах Сарата, южнее Мекки. Другая берет начало в Северном Йемене. Немного южнее тропика обе эти долины соединяются в одну, уже значительно более широкую, которая пересекает тропик и направляется на северо-восток, к Персидскому заливу.

Вади-л-Хумс, имеющий многочисленные ответвления, проходит по Северной Аравии. Этот вади извивается между возвышенностями, имея в основном направление на север. Затем он поворачивает на запад и направляется к Красному морю. Сирийскую пустыню пересекают два больших вади, идущих с запада на восток, к Евфрату. Это Вади Сирхан, который проходит через оазис Джауф (Джоф), и Вади Хаураи.

Помимо этих больших вади в каждой области Аравии насчитываются десятки, а то и сотни более мелких и совсем маленьких вади. Каждая система возвышенностей имеет несколько вади, которые разрезают склоны гор или холмов и расходятся от их подошв в разных направлениях. Арабы образно называли такие вади «хвостами ущелий».

В далеком геологическом прошлом на месте нынешних вади протекали многоводные реки и ручьи, питавшие обильную растительность. В наше время русла очень многих вади почти совершенно лишены растительности, для которой нет питания в их каменистом или песчаном грунте. Многие вади, по определению доисламского поэта, «голы, как брюхо осла»¹⁵. Нередко бесплодное ложе вади ограничено с обеих сторон скалистыми, обрывистыми, иногда совершенно отвесными берегами, что придает им вид мрачных, даже зловещих ущелий, вызывающих у путника жуткое чувство.

Большую часть года вади служили дорогами, и караваны верблюдов оживляли их дикое безмолвие. Для арабов вади представляли более надежные гарантии не сбиться с пути, чем небесные светила. В период дождей вади «оживают»,

когда по ним проносятся бурные потоки. Конечно, далеко не все вади бесплодны и безжизненны: там, где подпочвенные воды близко подходят к поверхности земли, встречается богатая и довольно разнообразная растительность, в том числе рощи финиковых пальм.

Из печатных трудов европейских путешественников по Западной и Центральной Аравии можно сделать вывод, что многие вади были средоточием земледельческой культуры и значительного скопления оседлого населения. Так, английский путешественник Ч. Доти пишет, что Вади Давасир снабжал финиками кочевников, живших к югу от него. Посадки финиковых пальм в этом вади тянулись с небольшими перерывами на протяжении трех дней пути на быстром верблюде. Вади Давасир, равно как и соседний с ним вади, имел много хороших деревень¹⁶. Филби сообщает, что в вади Юго-Восточного Неджда имеются поля, засеянные пшеницей и ячменем, и рощи финиковых пальм¹⁷.

Однако некоторые вади производили на путешественников гнетущее впечатление своей пустынностью и безлюдьем. «В этом вади нет ничего, кроме змей»¹⁸, — передает Доти слова араба-проводника о Вади Фатима. Еще более безотрадное чувство вызывает вади Сирхан, проходящий по Северной Аравии. «Нам сильно надоел Сирхан, — пишет Лоуренс Аравийский. — Его ландшафт порождает больше безнадежности и тоски, чем все открытые пустыни, через которые мы раньше проходили... Было что-то зловещее и зловредное в этом кишасщем змеями Сирхане, изобилующем соленой водой; бесплодными пальмами и кустарником, который не годится ни на корм, ни на топливо»¹⁹.

Пустыни

Только по незнанию или недоразумению возможно представлять Аравию как сплошную песчано-каменистую пустыню, лишенную воды и растительности, а следовательно, необитаемую. На самом деле значительная часть тех обширных пространств, которые на школьных картах еще до сих

пор окрашены в цвет пустыни, — это степи или полупустыни. Аравийские полупустыни при наличии достаточных осадков (то есть в период дождей и некоторое время после него) превращаются в степи. Географические области Аравии, за которыми утвердилось название «пустыни», можно разделить на три вида: 1) дахна, 2) нефуд и 3) харра.

Дахна (что значит «красная», «багряная») занимает огромное пространство, приблизительно 1 млн квадратных километров, простираясь от Неджда до Хадрамаута и Махры и от Йемена до Омана. Это обширное море песка известно под названием Руб ал-хали («пустая четверть»); местные арабы называли его ар-Римал («пески»); его западную часть иногда выделяют под названием ал-Ахкаф (что значит «дюны») или Бахр ас-сафи.

Руб ал-хали, или Великая южная пустыня Аравии, долгое время представлялась в виде особенно страшной и таинственной области. Считалось, что зыбучие или летучие пески непременно засосут или занесут любого безрассудного смельчака, который отважится углубиться в эти необозримые безводные пространства. Даже в XIX веке некоторые арабы (очевидно, полагаясь на легкоеверие иностранцев) уверяли, что сыпучие пески в ал-Ахкафе способны поглотить целые караваны.

Немецкий путешественник фон Вреде, более ста лет назад положивший начало научному изучению Хадрамаута, сообщил о предательских пропастях в песках Бахр ас-сафи. С лотом, прикрепленным к веревке в 12 метров длиной, он подошел к одному из белых пятен, выделявшихся на песчаной поверхности. «С величайшей предосторожностью, — рассказывает он, — я приблизился к краю, чтобы рассмотреть песок, который оказался мельчайшим порошком, и забросил лот насколько мог дальше; он непрерывно погружался с убывающей быстротой, и через пять минут конец веревки исчез в этой всепоглощающей могиле»²⁰.

Однако известно, что арабы-кочевники еще в XIII веке проходили через страшный Руб ал-хали (возможно, следуя по его окраинам), провозя товары из Ирака в приморские города Махры.

Первым европейским исследователем Руб ал-хали был англичанин Бертрам Томас, который зимой 1930/31 года с небольшим отрядом арабов на верблюдах за 58 суток пересек эту пустыню с юга на север, от Дуфара до Катара. Вторым исследователем южноаравийского «песчаного океана» был Филби, обследовавший в январе — марте 1932 года с арабами на верблюдах пустыню, пройдя по ней с севера на юг и с востока на запад.

Рельеф Руб ал-хали разнообразен. Его образуют песчаные холмы и дюны, которые напоминали Б. Томасу то многочисленные мечети с тысячью куполов, то огромные амфитеатры, а некоторые своей изящно округлой формой — девичью грудь. Ветер легко перекачивает сухие песчинки или переносит их в воздухе. Поэтому в некоторых местах создается впечатление, что гребни высоких дюн курятся. Верхний слой песка находится в постоянном движении, вследствие чего следы людей и животных быстро исчезают с поверхности, и даже местные опытные и искусные проводники-следопыты лишены возможности «читать пески». Сильный ветер со свистом и воем поднимает тучи песка, который слепит глаза путника, проникает в уши, нос, засоряет весь багаж.

Растительность и животный мир в Руб ал-хали весьма скудны. Вследствие крайнего недостатка влаги в этой пустыне постоянно могут произрастать только наиболее засухоустойчивые травы и кустарники. Однако достаточно самого маленького зимнего дождя, чтобы мертвая пустыня ожила. Но бездождие может продолжаться семь-восемь лет подряд. Тогда, как пишет Филби, «засуха и голод шествуют по стране с обнаженным мечом пылающего огня»²¹.

Зыбучие пески Руб ал-хали совершенно непроходимы для лошади, и даже верблюдов на склонах некоторых дюн проваливается по брюхо. Но наибольшее препятствие порождается отсутствием пресной воды: в очень редких колодцах далеко не всегда можно обнаружить хотя бы солоноватую воду, которую отказывается пить даже крайне неприхотливый верблюд. Страх смерти от жажды, по выражению Филби, «превращает мужчин в женщин»²². Но при наличии молочной верблюдицы песчаные пространства Руб ал-хали

вполне проходимы; верблюжье молоко восполняет отсутствие воды.

Фантазия арабов населила эту труднодоступную пустыню сказочными джиннами, голоса которых якобы нарушают временами ее безмолвие. Б. Томас слышал такой «голос пустыни» и сравнивает его с пароходной сиреной. Но Руб ал-хали вовсе не так безжизнен и недоступен, как это представляли до недавнего времени. Европейские путешественники обнаружили в нем немало различных растений и животных, особенно в его южной и восточной частях, которые во время дождя превращаются в степи. Даже в наиболее бесплодных районах центральной части Руб ал-хали встречаются лисица, заяц, волк, дикая кошка и песчаная крыса.

На север от Руб ал-хали расположена Дахна (собственное имя), иногда называемая Малый Нефуд. Начавшись к северо-востоку от Джебел Шаммара, она обтекает, подобно широкой песчаной реке, Джебел Тувейк с востока и как бы впадает в песчаное море Руб ал-хали. В Дахне, между песчаными грядами и на холмах, немало травы и низкорослого кустарника. Поэтому в ней находятся излюбленные пастбища местных кочевников. Местные арабы часто пересекают ее пешком, не беря в дорогу ни пищи, ни воды²³.

В Дахне имеются хорошие пастбища даже летом. Еще до сезона дождей здесь можно увидеть зеленые пятна высокой травы, а колючие кустарники, служащие кормом для верблюдов, встречаются в изобилии. Конечно, в ней немало и таких мест, где нет ни пастбищ, ни воды и путник чувствует под ногами затвердевшую почву и видит над головой пылающее небо²⁴.

Большой Нефуд, чаще называемый просто Нефудом, расположенный к северу от горной области Джебел Шаммара, значительно беднее Дахны растительностью и животными. По рельефу Нефуд представляет собой беспорядочное сочетание песчаных гор, холмов и хребтов, местами достигающих высоты 100 метров и больше. Нефуд является обширной областью дюн, которые образовались в результате наносной деятельности целой сети вади, спускающихся с Джебел Шаммара и с Хиджазских гор во впадину Северной Аравии.

Массы песка, нанесенные дождевыми потоками вади, сформированы в высокие горы дюн западными и восточными ветрами. При постоянном участии этих ветров образовались фулджи, придающие характерную особенность ландшафту Нефуда. Фулдж (которому более соответствует его другое название — кар — углубление, яма, дыра) представляет собой глубокую воронку, проходящую через толщу песка до твердого (скалистого или глинистого) грунта. Своей внешней формой фулдж напоминает след огромного лошадиного копыта. Если посмотреть с высоты гребня любого фулджа-кара на расстилающееся вокруг песчаное море Нефуда, создается впечатление, будто по нему с востока на запад прошел табун гигантских лошадей. Крупные фулджи имеют 450–500 метров в диаметре, а самые большие из них — около 2 километров; глубина их колеблется от 30 до 70–80 метров²⁵.

Песчаная пустыня Нефуда изобилует кустарником и даже деревьями, а после дождей она богата пастбищами, на зеленеющей поверхности которых верблюды и овцы находят обильный корм. После дождливой зимы Нефуд становится «раем для скотоводов», которые особенно охотно пасут стада в покрытых травой впадинах между дюнами²⁶.

На север от Нефуда находится Сирийская пустыня (Бадийат ашшам), представляющая собой обширную наклонную плоскость, постепенно понижающуюся к северо-востоку в сторону Евфрата. Западная, более возвышенная, половина этой плоскости также носит название ал-Хамад. Восточная же называется «страной вади», так как вся она перерезана многочисленными вади, проходящими в северо-восточном направлении, к правому берегу Евфрата. Зимой Бадийат ашшам превращается в настоящую степь. Но и в жаркие и засушливые летние месяцы в многочисленных вади ее восточной части сохраняется немного растительности. В течение нескольких недель после зимних дождей вода встречается здесь почти повсеместно на поверхности, а подпочвенную воду можно найти на небольшой глубине в любое время года.

Третий тип аравийских пустынь представлен районами, известными под названием «харра». По определению сред-

невековых арабских ученых, харра — это земля, покрытая черными камнями и как будто обожженная огнем.

Название этих каменистых местностей происходит от арабского корня «х-р-р», имеющего значение «быть горячим», «жарким». Это отражает представление арабов о харрах как об областях огня или жара. Харры образовались в результате вулканических явлений.

Последнее извержение вулкана, засвидетельствованное арабской исторической литературой, произошло в 1256 году под Мединой. Оно длилось четверо суток; потоки раскаленной лавы подошли почти к самому городу; яркий свет, исходящий из кратера, превратил безлунную ночь в светлый день²⁷.

Районы харр разбросаны в виде лавовых островов и островков на территории от Юго-Восточного Хаурана до Мекки. На лавовых полях каждой харры возвышаются своеобразные холмы, обычно имеющие форму усеченных конусов или многогранников, суживающихся к вершине. Обилие камней делает переход по харре исключительно утомительным и весьма опасным предприятием. Кроме того, летнее солнце нагревает камни настолько, что они кажутся горячими, как раскаленные угли. Только верблюд, выросший в районе харры, способен совершать переходы по ней, не рискуя покалечить свои конечности. Песок из соседних степей, постоянно перекатываемый ветром по поверхности харры, местами отполировал ее настолько, что она ослепительно блестит под лучами солнца.

На Доти харра произвела впечатление «железной пустыни»²⁸. Другой европеец, проезжавший по району харры к востоку от Хаурана, определяет ее как безотрадную и страшную каменистую пустыню, как море лавы, в окаменевших волнах которой вода и растительность исключительно редки²⁹.

Однако харра не абсолютно бесплодна. В углублениях и лощинах, где скапливается достаточно влаги, могут попадаться различные представители пустынной флоры: деревья акации и безлистный кустарник, похожий на воткнутые в грунт метлы. В расщелинах лавового покрова почти всегда (а особенно в дождливый период) можно нарвать охапку тра-

вы на корм верблюду и наломать хвороста для костра. В тех исключительно редких случаях, когда в харре есть источник, значительное пространство по соседству с ним бывает покрыто зеленой травой. Всюду, где имеются клочки земли, орошаемые дождем или подпочвенной водой, глаз приятно поражает наличие травы и цветов, которые не выжигает даже июльское солнце. Как ни скудны ресурсы харры, их оказывается вполне достаточно, чтобы прокормить верблюдов и мелкий скот некоторых племен, проводящих в харре большую часть года.

Климат

Аравия находится в жарком поясе, то есть в той температурной зоне, северной и южной границами которой служит годовая изотерма +20 градусов. Если же принять деление Земли на пять термических зон, то почти вся Аравия оказывается в субтропической зоне. В этой зоне среднемесячная температура опускается ниже 20 градусов в течение от одного до четырех месяцев, и наблюдается вполне определенная разница между временами года. Только самая южная часть Аравии — побережье Индийского океана — находится в тропической зоне, которая характеризуется высокой температурой с крайне незначительными температурными колебаниями в продолжение года.

Если исходить из гидрологической схемы классификации климатов, то климат Аравии следует отнести к группе сухих, в которых испарение поглощает все выпадающие осадки. Сухие климаты подразделяются в основном на климат степей и климат пустынь. Исходя из такого деления, большую часть Аравии следует отнести к климату степей, а Руб ал-хали, отчасти Дахну и в меньшей степени Нефуд — к климату пустынь. В странах с климатом пустынь за год выпадает в среднем не больше 250 миллиметров осадков, и сухой период без дождей продолжается не меньше восьми месяцев.

Термический экватор, пересекая Африку, выходит через Эфиопию и Сомали в Индийский океан. Под действием

тепла, образуемого песками великой пустыни Руб ал-хали, он изгибается к северу и идет вдоль южного побережья Аравийского полуострова.

В Западной Аравии, на восточном берегу Красного моря, в Тихаме, большую часть года господствует тяжелая жара, только иногда умеряемая ветрами. Температура часто превышает +45 градусов и редко опускается ниже +15. Красное море, этот узкий и горячий коридор, отличается очень высокой испаряемостью. Европейец даже в октябре здесь чувствует себя как в бане. Горячий и неподвижный воздух сильно насыщен водяными парами. В Джидде, например, влажность воздуха настолько велика, что в сентябре, в жаркий день, при совершенно безоблачном небе одежда, оставленная вне дома, через два часа становится совсем мокрой.

На побережье Омана действие исключительно высокой температуры воздуха усиливается отражением солнечных лучей от темных отвесных склонов гор, являющихся как бы зеркалом для палящего солнца. В Маскате термометр показывает +87 градусов на солнце и даже ночью не опускается ниже +42. Искатель приключений и наживы голландский парусный мастер Стрейс, бывший проездом в Маскате в 1673 году, писал: «В августе и сентябре здесь стоит невероятная жара... По вечерам с берега дуют такие знойные ветры, что чувствуешь, как будто на тело льют кипяток»³⁰. Температура Омана стала предметом явных преувеличений в Средние века. Так, один перс писал в середине XV века: «Жара была настолько сильной, что сжигала мозг в костях, меч в ножнах размягчался, как воск, а драгоценные камни, украшающие рукоять кинжала, превращались в уголь. На равнинах охота была исключительно легким делом, так как пустыня была наполнена жареными газелями»³¹.

Вообще в климатическом отношении (как и в отношении рельефа) побережья Аравии являются наиболее безотрадными и тяжелыми районами полуострова. Уже в восточной части Хиджаза, защищенной горной цепью от испарений, идущих с Красного моря, климат значительно суше. Правда, здесь большую часть года царит палящая жара, но нет в дополнение к ней гнетущей влажности.

Следует заметить, что температура Аравии подвержена очень резким колебаниям не столько в продолжение года, по сезонам, сколько в течение суток. Европейские путешественники по Аравии чаще жаловались на холод ночью, чем на жару днем. Так, Элдон Реттер без всякого удовольствия вспоминает о жестоком, пронизывающем холоде, который он ощущал в декабрьское утро, перед восходом солнца, в горах Сарата, недалеко от Таифа. Даже в апреле в районе Медины ночи бывают довольно прохладными. В знойной песчаной пустыне Руб ал-хали ночной холод (по крайней мере в декабре и январе) — обычное явление, и местные кочевники сильно страдают от него, когда нет под рукой топлива для костра. Здесь целую неделю может держаться по ночам довольно низкая температура (до +8 градусов).

В Северо-Западной Аравии (в частности, к юго-востоку и востоку от Мертвого моря) в декабре и январе ртуть термометра подолгу держится ниже нуля. Снег может выпадать (с некоторыми перерывами) в течение нескольких дней, чередуясь с холодным дождем. Грязь сильно затрудняет движение; ее верхний слой затвердевает от мороза. Иногда опускается густой туман; камни становятся как бы седыми от инея. Временами снег несколько часов покрывает землю и лежит на крышах домов, создавая впечатление зимнего пейзажа, характерного для более северных широт. Крайне неприятное ощущение, вызываемое такой погодой, становится особенно скверным, когда по голым равнинам дуют ветры с севера или востока. Такая зимняя погода обычно приводит арабов в состояние полной безнадежности; если у них нет возможности спастись под крышей или развести костер, они пытаются избавиться от мучительного ощущения холода, плотно прижимаясь к бокам своих верховых животных.

Вообще арабы (и особенно кочевники) очень чувствительны к холоду. Даже в теплые августовские вечера и ночи в Сирийской пустыне можно наблюдать, как местные кочевники тесным кольцом окружают ярко пылающий костер. Доисламская арабская поэзия сохранила образ витязя, который бросает свой лук и стрелы в костер, потухающий от недостатка топлива; он готов скорее остаться беззащитным,

чем страдать от ночного холода. Только исключительно сильные телом и духом арабские витязи, такие как бесстрашный, неутомимый и неукротимый Шанфара, могли сказать о себе:

Не в одну злосчастную ночь, когда владелец сжигает свой лук
и стрелы, которыми он запасся,
Я шел под мраком и дождем, а моими спутниками были холод,
голод, страх и дрожь³².

В наиболее суровые зимы снег на некоторое время покрывает тонким белым покровом районы харры, расположенные на высоте около 1000 метров. В горном районе, находящемся в двух днях пути на юго-восток от Маана, снег подолгу лежит почти каждую зиму. В Центральной Аравии снег — уже гораздо более редкое явление: по утверждению местных жителей, он выпадает здесь раз в сорок лет, но, выпав, может лежать в течение трех суток.

В остальной Аравии мороз и снег исключительно редки. Известны только две местности, где замерзает вода: эта гора близ Таифа и город Сана в Йемене. В Йемене же имеется гора, на которой снег выпадает почти каждую зиму. По непроверенным слухам, в весьма жарком Омане в одном месте, удаленном от моря, земля иногда покрывается тонким слоем снега.

Важными факторами, вызывающими изменение температуры, являются ветры, облачность и выпадение осадков.

Арабы называли ветры по странам света. Страшным и жестоким обитатели Сирийской пустыни и Хиджаза считали шималь — северный ветер. В Хиджазе он вытеснял приток теплого воздуха, поступающего из Эритреи и с Индийского океана. Арабская поэзия сохранила яркие картины бедствий, которым подвергались хиджазцы от ветра. Толпа детей и вдов осаждала палатку предводителя племени, прося помощи, дрожа от холода. Северный ветер (даже когда по окончании зимы он бывал теплым) считался у арабов вредным для здоровья людей и животных. Западный ветер, который чаще всего дул летом, не пользовался такой плохой репутацией. Южный ветер арабы и вовсе считали благотворным — он, по их мнению, способствовал росту трав. В то же время горячий восточный ветер самум высушивал бурдюки, вызывая

почти моментальное испарение содержащейся в них воды, и поэтому считался губительным. Люди, застигнутые им в пустыне, часто погибали от жажды.

Но в общем, за исключением самума, который нередко приносил гибель людям и животным, ветры в Аравии играли положительную роль, поскольку приносили дождевую влагу в страну, где (если не считать Йемена) не было ни постоянно текущих рек, ни пресноводных озер. Правда, осадки (дождь и роса) выпадали неравномерно. Пожалуй, только в нагорном Йемене регулярно шли дожди.

В Хиджазе дожди идут обычно зимой и в начале весны — неравномерно, через большие промежутки времени. Но бывали и такие годы, в которые не выпадало ни капли дождя, а иногда дождей не было три-четыре года подряд. Такие годы арабы называли «серыми», так как лишённые влаги пространства приобретали серый цвет.

В Недже дожди выпадают летом и зимой — иногда это обильные ливни, сопровождаемые грозами. Они обладают исключительной разрушительной силой, порождая обильные многоводные стремительные потоки, способные смыть с лица земли и занести песком земледельческую культуру целых областей. Голые скалы с крутыми склонами, лишёнными земли и растительности, не могут ни впитать, ни задержать массу воды, стремительно падающую с неба. С шумом и ревом вода устремляется в сухие вадии, несется по долинам и ущельям, все захватывая и сокрушая на своем пути. При особенно сильном и продолжительном дожде широкие и глубокие вадии ненадолго превращаются в реки, напоминающие Нил и Евфрат³³.

Нередко неудержимый и всесокрушающий сель, катящий камни и куски лавы и несший стволы деревьев, сметал на своем пути целые становища кочевников, захватывая в свой бурный водоворот людей, животных и палатки. На расстоянии двух переходов к востоку от Медины в XI веке печальной известностью пользовалось место, о котором рассказывали, что «один год там собралось очень много паломников, внезапно хлынул горный поток, и все они погибли»³⁴.

Дожди оказывали исключительно благотворное влияние на аравийскую флору. Степи к концу дождливого периода

покрывались пестрым ковром трав и цветов; кустарники оживали, одевались листвой, пускали свежие побеги; дикорастущие деревья получали новый запас влаги; в траве появлялись в изобилии съедобные споровые растения.

Во впадинах почвы, куда стекала дождевая вода, образовывались временные пруды и озера. Наиболее значительные из таких естественных водоемов арабы называли гадирами. Известен гадир, длина которого доходила до 15 километров. Но сухость воздуха и действие солнечных лучей способствовали быстрому испарению воды, и уже через несколько недель все мелкие резервуары совершенно высыхали. Только наиболее крупные гадиры сохраняли постепенно убывавшую воду в течение трех месяцев после прекращения дождей.

Далеко не во всех гадирах вода была пригодна для питья. Высокое содержание соли и других минеральных частиц, принесенных дождевыми потоками, делали ее не просто неприятной на вкус, но и вредной для человеческого организма.

С твердой, высушенной солнцем и особенно с каменистой поверхности вода быстро стекала, но в песчаных местах она уходила под почву и держалась там сравнительно долго, так как слой песка служил надежной защитой от испаряющего действия солнца. Эти подпочвенные запасы воды иногда находятся так близко к поверхности почвы, что достаточно разгрести песок руками, чтобы до них добраться. В степях Хиджаза существует разветвленная сеть подпочвенных потоков, которые питают многочисленные колодцы. По своему составу и на вкус грунтовая вода обладает высоким качеством, поскольку фильтруется через толстый слой песка. Поэтому арабы предпочитали запасаться водой из колодцев и избегали пить из наземных открытых бассейнов.

Кочевое скотоводство

В изучаемый нами период подавляющее большинство населения Аравии составляли кочевники-скотоводы. Они населяли обширные пространства аравийских степей и полупустынь, известных под общим названием «бадв» или

«бедв» Отсюда произошло название аравийского кочевника — «бадави» или «бадауи», перешедшее в европейские языки в форме арабского множественного числа — бедуин. Это слово не является синонимом слов «араб» и «аравитянин». Оно вполне соответствует русскому слову «степняк» и приложено только к обитателю степи и полупустыни, следовательно, это название не распространялось ни на земледельцев, ни на горожан.

Бедуины занимались скотоводством, преимущественно верблюдоводством; коневодство и овцеводство имели у них, в общем, второстепенное значение, а козоводство было развито мало. Своеобразные климатические условия пустынно-степной Аравии (и прежде всего режим осадков) и специфические особенности растительного мира придавали аравийскому скотоводству своеобразные формы.

Бедуин всецело зависел от окружающей его природы. После зимних дождей наступала весна — раби, сезон изобилия и благоденствия для бедуинов и их стад. В это время люди и скот нагуливали жир, служивший резервом организма на будущие скудные и тяжелые времена года. После непродолжительной весны бедуины попадали в пекло аравийского лета. Тропическое солнце быстро выжигало весенний ковер зелени, еще быстрее испарялись надпочвенные воды. Тогда бедуины были вынуждены искать новые пастбища, так как вследствие недостатка корма верблюдицы переставали давать молоко. В конце лета бедуины все чаще прибегали к такому средству борьбы с голодом, как привязывание плоского камня к впалому животу.

С наступлением зимы бедуины все внимательнее всматривались в горизонт в надежде обнаружить признаки приближающихся дождей, все чаще спрашивали каждого встречного, шедшего с севера, в каком состоянии там небо. Получив благоприятное известие, а то и просто под влиянием слухов бедуины быстро снимались с места и гнали стада в поисках пастбищ, орошенных дождем. Когда после жаркого лета зимние дожди запаздывали, бедуины буквально металась по степям и пустыням в поисках воды и корма для скота.

Географическая среда давала возможность жителям аравийских степей и полупустынь заниматься только скотоводством и только в форме кочевничества. Кочевое скотоводство было основным источником существования, основной отраслью производства у подавляющего большинства населения пустынно-степной Аравии.

Та же географическая среда поставила бедуина в полную зависимость от верблюда. Вполне правильно мнение, что большая часть Аравии осталась бы необитаемой, если бы там не было верблюдов. Австрийский востоковед Алоис Шпренгер назвал бедуина «паразитом верблюда»³⁵. Верблюд может оставаться без воды пять суток летом и двадцать суток зимой. Имея сравнительно сочный корм на весенних пастбищах, он обходится без воды несколько недель. Не только соленая и горькая вода, но также зловонная жидкая грязь, добываемая со дна почти совершенно пересохшего колодца, может служить ему пойлом. Летом и зимой, во время длительных перекочевок или утомительных переходов по глубоким пескам, с тяжелым грузом на спине, верблюд питается жесткими, горькими и колючими растениями пустыни.

В районах, где много фиников, верблюдов кормили толчеными косточками этих плодов, а на побережье Южной Аравии — сардинами и саранчой.

Требую очень мало, верблюд давал бедуину очень много: обслуживал и кормил его в тяжелых условиях пустыни; пищу одежду, обувь, жилище, топливо и многое другое житель пустынно-степной Аравии мог получить только от верблюда. Верблюжье молоко наряду с финиками было основным и часто единственным питанием аравийского кочевника. Для него хлеб и прочие мучные изделия были слишком дорогой, а следовательно, очень редкой пищей. На пастбищах, расположенных далеко от колодцев, верблюжье молоко оказывалось единственным средством утоления жажды.

Правда, верблюжати́на не могла служить постоянной пищей бедуина — поголовье верблюжьих стад было ограниченным; верблюды размножаются сравнительно медленно, поскольку верблюдица приносит не более одного верблюжонка в два года. Поэтому ели верблюжати́ну только в особых случаях.

Бедуин одевался в ткани, сотканые из верблюжьей шерсти. Из этого же материала изготовлялся войлок для палаток, служивших его жилищем. Поэтому бедуинов называли «людьми войлока» и противопоставляли «людям глины», то есть оседлым жителям, обитавшим в мазанках.

Кожа верблюда шла на изготовление обуви. Из нее же изготовляли седла, сбрую и ремни для упаковки товаров, перевозившихся в большом количестве караванами. Помет верблюда служил топливом, а моча употреблялась как косметическое средство и лекарство — арабская народная медицина рекомендует принимать ее при лихорадке; она также служила как средство против паразитов. Верблюжьей мочой, при отсутствии воды, бедуинки подмывали младенцев и мыли себе волосы для придания им пушного блеска. Желудочный сок, извлеченный из молодого верблюда, считался очень хорошим средством при болезнях желудка.

В Аравии распространен только одногорбый верблюд, или дромадер. Другой вид этого животного — двугорбый (бактрийский) верблюд здесь никогда не встречался.

Зоологи не относят верблюда к числу умных животных; его считают равнодушным, глупым и трусливым. Арабы же всегда высоко ценили верблюда, считая его не только самым полезным, но и красивым животным. В арабской доисламской поэзии обычны сравнения телесных достоинств красавицы с частями тела верблюдицы. В твердо установленной композиционной форме касыды арабский поэт изображает себя едущим по пустыне на верблюде и дает его описание. «Иногда он делает это так подробно, — пишет академик И. Ю. Крачковский, — что нужно быть действительно знатоком и любителем благородного животного, чтобы по достоинству оцепить описание»³⁶. Верблюд наряду с конем давал арабскому поэту неиссякаемый запас эпитетов.

В Аравии всегда отличали верхового верблюда (дромадера в узком смысле слова) от вьючного, который был наиболее распространен. Обычный верблюжий караван идет по шесть часов в день со скоростью 5,5 километра в час, а хороший дромадер пробегает до 130 километров в сутки без остановок. Обычный груз, который несет вьючный верблюд, не

превышает 270 килограммов, хотя наиболее сильные могут нести более 450 килограммов. Арабы очень давно обнаружили у верблюда такое, казалось бы, неожиданное качество, как музыкальность. Оказывается, верблюд более музыкален, чем кавалерийская лошадь. На этом основании возникла «верблюжья» теория происхождения арабской поэзии. Некоторые востоковеды считают, что арабские стихотворные размеры сложились в непосредственной зависимости от ритмичного движения верблюда, когда ехавший на нем бедуин принаравливал свое пение к размеренному шагу животного; в то же время ритм этого пения вызывал соответствующий ритм шага у музыкально восприимчивого верблюда.

Тем не менее в своем отношении к верблюду бедуин никогда не проявлял такой трогательной заботы и нежности, какие характерны для его обращения с лошадыю. Хорошая лошадь всегда являлась предметом гордости и славы не только для ее владельца, но и для всего рода и племени. Особенно ценились быстроходные кобылицы, бег которых обычно сравнивался с ветром. «Она поджара и горяча, — говорит арабский поэт о своей лошади, — и когда разгорячится, храп ее подобен кипению котла. У нее подвздошная часть газели, голени страуса, бег волка, а скак лисенка». Каждый владелец хорошей лошади гордился чистотой ее крови и твердо хранил в памяти ее самую подробную генеалогию.

В западноевропейской беллетристике и живописи еще недавно склонны были изображать арабов неотделимыми от их коней, своего рода кентаврами. На самом деле бедуины в массе своей верблюжатники, а не конники. Лошади были сравнительно редки в Аравии, и только немногие арабы имели возможность ездить и сражаться на конях. Районы распространения лошадей в Аравии были ограничены природными условиями. В отличие от нетребовательного верблюда лошадь необходимо поить чистой и свежей водой два-три раза в сутки. Основным кормом для лошади в Аравии служит ячмень, производство которого там тоже ограничено. Овес же в Аравии редок. При скудных фуражных ресурсах, которыми могли располагать аравийские коневоды в Центральной и Восточной Аравии, лошадей кормили финиками,

смешанными с сушеным клевером, в Неджде лошадей приучали есть мясо, как сырое, так и вареное, и даже жареное. Такой невероятный, по нашим понятиям, корм значительно увеличивал их выносливость. В некоторых местах в Аравии лошадей кормили саранчой и считали, что этот корм укрепляет мышцы. В Хадрамауте кормом для лошадей служила даже сушеная рыба. Во многих местах вследствие недостатка воды основным лошадиным пойлом стало верблюжье молоко. Наиболее зажиточные владельцы лошадей обычно «прикрепляли» молочную верблюдицу к определенной лошади, которая и становилась единственной потребительницей ее молока. Рядовой бедуин, владевший конем, поил своего коня верблюжьим молоком часто в ущерб питанию своей семьи. Вообще выращивание и содержание лошади в пустынно-степной Аравии были чреватые серьезными трудностями. Недаром у арабов сложилась пословица: кто имеет жену и лошадь, тот никогда не знает покоя.

Лошадь в Аравии никогда не имела хозяйственного значения. Ее роль ограничивалась областью военных предприятий и состязаний.

Земледелие

Сравнительно с бедуинами, кочевниками-скотоводами, оседлое население в Аравии в V–VI веках составляло меньшинство. Хотя, конечно, для этого времени совершенно невозможно добыть хотя бы самые приблизительные статистические данные о численном соотношении кочевников и оседлых.

Оседлое население занималось преимущественно земледелием — выращиванием злаков, финиковой пальмы, виноградарством. В большей части Аравии это было возможно только при условии искусственного орошения.

Наиболее развитой земледельческой областью Аравии, с весьма продолжительной традицией оседлой жизни, был Йемен. Еще в I тысячелетии до н. э., то есть во времена существования рабовладельческих цивилизаций в Передней

Азии и Северо-Восточной Африке, Южная Аравия была процветающей страной. В этой стране наряду с земледелием (высокий уровень которого обеспечивала сложная система ирригации) получили развитие ремесленное производство и торговля.

Население древнего Йемена, говорившее на особом языке семитской группы, создало свою оригинальную культуру, в том числе самобытную буквенную письменность; ее памятники сохранились до наших дней в виде надписей на камне и металле. Помимо этих эпиграфических произведений о былой высокой культуре древнего Йемена свидетельствуют развалины великолепных дворцов и храмов и остатки грандиозных оросительных сооружений — плотин и водоемов.

По ряду причин, не вполне еще выясненных, в рассматриваемый период материальная и духовная культура Йемена вступила в период упадка. Это произошло во время правления царей южноаравийского второго (позднего) государства химьяритов (гомернтов греко-латинских писателей), существовавшего с 300 до 525 год; это государство включало в свой состав не только Йемен, но и Хадрамаут. Важнейшими событиями, способствовавшими упадку Химьярского царства, следует признать переселение йеменских кочевых племен на север и нашествие эфиопов из Аксумского царства. Эфиопские нападения на Южную Аравию, начавшиеся еще во II веке н. э., приводили к установлению временного господства аксумитов в отдельных частях государства химьяритов. Ко второй четверти VI века династия химьярских царей, носивших титул тубба, прекратилась, и Йемен перешел под управление наместника эфиопского негуса до появления военно-морской экспедиции сасанидского шахиншаха Хосрова I, которая в 570-х годах установила в Йемене господство Сасанидов.

В V—VI веках Йемен, утративший свое былое экономическое значение, а затем и политическую независимость, продолжал оставаться земледельческой страной. В хозяйстве Йемена сочетались богарное земледелие и искусственное орошение. Периодически выпадавшие дождевые осадки давали достаточное количество влаги для посевов и садов,

а система плотин и водоемов обеспечивала хранение дождевой воды и ее постепенное расходование по оросительным каналам в течение всего года. Самое крупное водохранилище в горах Йемена было ограждено знаменитой Марибской плотиной. В VI веке эта плотина прорвалась, что причинило большой ущерб сельскому хозяйству. Но эфиопский наместник сумел мобилизовать трудовую энергию населения, чтобы восстановить ее. Видимо, после этого бедствия размеры оросительной системы уменьшились, орошение ухудшилось, и йеменские земледельцы были вынуждены расширить посевы засухоустойчивых растений вроде дурры (проса), которую стали сеять наряду с пшеницей.

До наших дней со времен глубокой древности в Йемене сохранилось террасное земледелие. Посевы расположены по плодородным склонам гор в виде террас, возвышающихся одна над другой и орошаемых из запасов дождевой воды, собранных в водоемах и постепенно поступающих на поля по маленьким каналам. В наше время на многих таких террасах расположены кофейные деревья, ввезенные в Йемен из Эфиопии в XIV веке. Прежде на их месте были финиковые пальмы и виноградники. Большое значение имело выращивание растений, дававших красители для ткацкого ремесла.

Наряду с текстильным ремеслом в Йемене было развито дубление и обработка кожи, которая славилась по всей Аравии своим высоким качеством. Арабский поэт, чье имя не сохранилось, описывая физические достоинства своей верблюдицы, говорит, что «ее губы как будто выделаны из йеменской кожи, которая не морщится»³⁷. Высоко ценилось также йеменское оружие, особенно мечи, и панцири. Другой доисламский поэт — Тааббата Шарран, описывая фантастическую встречу в пустыне с оборотнем, злой ведьмой, которая сделала прыжок в его сторону, говорит:

Но тут над ней во мраке ночи
Блеснул йеменский мой клинок³⁸.

Соседний с Йеменом Хадрамаут был известен европейским античным писателям как страна, производящая благово-

ния. Средневековые арабские географы дают мало сведений о Хадрамауте — расположенный на отдаленной периферии Халифата, вдали от его экономических и культурных центров, он не особенно их интересовал. Но можно с уверенностью полагать, что в изучаемый нами период в этой стране, как и в соседнем Йемене, было развито ирригационное земледелие, продолжавшее существовать там и в XIX веке. Открывший эту страну для Европы ученый-путешественник фон Вреде был поражен и очарован развитым земледелием и богатой растительностью внутреннего Хадрамаута. В большой долине, проходящей по этой стране с востока на запад, и в ответвляющихся от нее многочисленных вади он любовался хорошо орошенными и обработанными полями, на которых произрастали пшеница и дурра, пальма, арей (род тополей) и другие деревья, обвитые лианами; на лугах он видел много домашнего скота. Сообщения фон Вреде в Европе были встречены с недоверием и даже насмешками. Но последующие европейские путешественники по Хадрамауту положили конец неверным представлениям об этой стране как «обители смерти»³⁹.

К востоку от Хадрамаута расположена Махра, бедная область, в которой нет ни пальм, ни посевов. Зато Махра издавна славилась быстроходными верблюдами-мехари, которых охотно покупали в других областях Аравии и за ее пределами. Быстрый бег и бурный темперамент этой породы верблюдов их заводчики объясняли тем, что верблюдиц покрывали джинны, от которых, дескать, и получается такое быстрогое потомство. Некоторые востоковеды полагают, что, вероятно, роль джиннов исполняли одичавшие верблюды, жившие в пустыне.

В Омани земледелие было развито на плодородной прибрежной равнине ал-Батина, где наряду с финиковой пальмой население занималось выращиванием хлебных злаков (в том числе пшеницы) и овощей. Значительная часть Омани, занятая горами и пустынями, непригодна для земледелия. Однако и в этой части страны встречались оазисы, в которых под финиковыми пальмами были раскинуты возделанные поля и огороды. Богатая природа и высокая земледельческая

культура Омана давали средневековым арабам основание сравнивать эту страну с садом. Земледелие (особенно в оазисах) было возможно благодаря наличию обильных подпочвенных вод, во многих местах находившихся на незначительной глубине⁴⁰. По сообщениям средневековых арабских географов, Оман — страна, в которой много пальм и фруктов (бананы, гранаты и др.).

Очень важной земледельческой областью Аравии в V–VI веках была Йемама, или Джавв ал-Йемама (долина ал-Йемамы). Территория и границы этой области точно не известны. Возможно, она простиралась по склонам Арида и вдоль вади Ирд в юго-восточной части Неджда, а с востока ограничивалась Дахной. Несомненно, это был очень обширный район, так как арабские географы IX–X веков приводят длинный список населенных пунктов, находившихся в Йемаме, и указывают, что с ее населения взималась очень высокая сумма податей (510 тыс. динаров). Некоторые полагают (в их числе Филби), что в Средние века значительная часть этой цветущей земледельческой области была разрушена сильным наводнением, причиненным ливневыми дождями.

В Йемаме земледелие (преимущественно выращивание пшеницы) было основано на искусственном орошении. Проходивший через Йемаму вади содержал обильные грунтовые воды, находившиеся недалеко от поверхности. Йакут говорит о Йемаме как о земледельческой области, целые районы которой заняты под посевы. Филби сообщает об обширном оазисе Дилем, всецело засеянном пшеницей и ячменем. В начале VII века Йемаму населяло племя бенуханифа, которое получило большую известность в период начального ислама благодаря деятельности местного пророка Мусейлимы. Этот идеолог йемамских земледельцев, обращаясь к своим соплеменникам, говорил: «Засаевающие пашню, собирающие жатву, молотящие пшеницу, мелющие муку, пекущие хлеб, разрезающие его на куски, съедающие куски с жиром и топленным маслом, вы лучше людей войлока и не хуже людей глины; свои пашни обороняйте, ищущему милости дайте убежище, дерзкого прогоняйте»⁴¹. Из этих слов можно вы-

вести заключение, что аравийские земледельцы считали, что они лучше кочевников и не хуже горожан.

Наряду с обширными земледельческими областями немалое значение в экономике Аравии имели оазисы. Под ними не следует понимать клочки земли, орошаемые родниками и дающие жизнь нескольким пальмам. Такие ничтожные островки растительности, разбросанные в огромном песчаном море, существовать не могли, так как их заносили бы летучие пески. Лермонтовские «Три пальмы» — плод художественного воображения, не соответствующий реальной действительности.

Оазис — это значительный по своему пространству район, в котором возделанные поля, сады и пальмовые рощи обильно орошаются водой из непересыхающих колодцев; их оседлое население проживало в деревнях, имевших базары, места привала караванов и святилища местных божеств; некоторые из этих населенных пунктов разрастались в города. О размерах и значении оазисов можно судить по таким земледельческим районам, как Касым и Джауф (Джоф).

В Хиджазе наиболее крупным оазисом был Иасриб (Ясриб), который еще до возникновения ислама стали называть Мединой, то есть городом. На территории оазиса, ограниченной бесплодными харрами, было разбросано несколько даров (совокупность жилищ, находившихся в совместном владении какого-либо рода) и отдельных домов. Эти поселения и жилища были отделены одно от другого пальмовыми рощами, огородами и возделанными полями с посевами пшеницы и ячменя.

Другим крупным населенным пунктом был Таиф, славившийся своими садами и иногда называемый городом-садом. Его искусные садоводы и огородники снабжали фруктами и овощами жителей Мекки. В Северо-Западной Аравии, недалеко от южных границ Сирийской пустыни, была расположена группа оазисов, каждый из которых имел сходство с Мединой, но уступал ей размерами своей культурной площади.

При изучении хозяйства Аравии V—VI веков нельзя упустить из виду наличие и деятельность полуоседлого-полуко-

чевого населения. Несомненно, что здесь в течение тысячелетий происходил процесс медленного оседания кочевников на землю. Речь идет о племенах, кочевья которых обычно прилегали к большим оазисам или к земледельческим областям. Засеяв участок плодородной земли, племя откочевывало со своими стадами в степь, оставив несколько семей для охраны и ухода за посевами. Ко времени жатвы племя возвращалось к засеянному полю и производило уборку и обмолот. Иногда оно оставалось при своем поле на всю зиму, а весной, после посевных работ, снова переходило к кочевничеству. Некоторые племена владели только пальмовыми рощами, к которым они прикочевывали на время сбора плодов.

Родоплеменная организация арабов

В V–VI веках арабы (по крайней мере подавляющее большинство их, за исключением оседлого населения Йемена) находились в стадии первобытно-общинных отношений. Они жили в условиях родоплеменного строя, при котором единственной организацией было объединение людей, основанное на кровно-родственных связях. Все население Аравии, как кочевники, так и оседлые, распадалось на отдельные племена, а каждое племя (в зависимости от его численности и размеров территории его расселения) состояло из большого или малого числа кланов и родов.

По представлениям арабских «знатоков родословий» VII–VIII веков, все арабы вели свое происхождение от Ибрахима (библейского Авраама). Родоначальником северных арабов считался его сын Исмаил (Измаил), а южных арабов — Кахтан (Иоктан). Южных арабов считали «настоящими арабами» — ал-араб ал-ариба, а северную — «арабизированными арабами» — ал-араб ал-мутаар-риба или ал-араб ал-мустариба. Каждая из этих двух основных групп состояла из многих племен. Каждое племя имело свое название, а наиболее крупные племена в ходе расселения на Аравийском полуострове и за его пределами распадалась в свою очередь на самостоятельные племена, каждое из которых принимало

новое название. Расселение племен, начиная со второй половины I тысячелетия до н. э., происходило с юга на север и захватило степные и полупустынные области соседних стран — Месопотамии, Сирии и Египта. Сведений о движении арабских племен в обратном направлении, то есть с севера на юг, нет ни в народных преданиях, ни в письменных источниках.

Теперь уже вполне доказана несостоятельность старых понятий, что род, входивший в состав племени, является не чем иным, как только естественно разросшейся семьей. Британский востоковед У. Робертсон-Смит показал, что «теория» арабских генеалогов, разработанная ими в I веке хиджры, не соответствует исторической действительности, отраженной в доисламской поэзии. Он полагал, что арабский род не был объединением кровных родственников, а представлял собой группу, среди членов которой были запрещены вражда и столкновения, приводившие к кровопролитию. Признание взаимного родства членами группы, которые называли друг друга «братьями», не может служить доказательством действительного родства. «Брат» и «братство» в семитских языках — слова с довольно неопределенными и расплывчатыми значениями; у арабов «братьями» могли считаться по взаимному соглашению люди, кровно не связанные между собой. В то же время в этой группе, носившей свое собственное название, каждый взрослый мужчина был обязан участвовать в кровной мести: мстить убийце своего сородича и защищать убийцу, принадлежащего к его роду.

И кстати, далеко не все племена назывались по имени их родоначальников, хотя бы и легендарных. Названия большинства племен происходили от названий тотемных животных, от топонимических наименований и имен божеств. Генеалоги же превратили все это в имена фиктивных родоначальников.

Впрочем, нельзя отрицать и того факта, что родственная связь — не кровная, но приобретенная иным способом, — была мощной общественной силой. Таким, во всяком случае, было побратимство, при котором член другого племени и даже чужак из другой страны мог стать «братом» одного из

членов рода после выполнения некоторых сакральных действий. Ритуал побратимства у арабов был известен уже Геродоту (V век до н. э.)⁴². Покровительство, оказанное родом какому-нибудь иноплеменнику и даже иностранцу, также давало право родства.

Иногда в состав племени путем клятвенного соглашения включался целый род или группа людей, ранее принадлежавшие к другому племени. Следовательно, племя являлось не только родственным, но и политическим союзом.

Арабский род, или клан, жил в своем становище, состоявшем из палаток (байтов); каждый байт служил жилищем отдельной семье. В обычном становище насчитывалось 100–150 палаток, но иногда их число доходило до 500⁴³. Оседлые арабы жили в мазанках, составлявших деревни или городские кварталы. Все члены таких территориально-родственных объединений составляли ахл. Бедуины каждого становища кочевали совместно. Племена состояли из родов, или кланов, от численности которых зависела влияние того или иного племени.

Во главе каждого племени стоял его предводитель-сейид; в более близкое к нам время его стали называть шейхом. Отдельные кланы и большие группы кочевников тоже имели своих сейидов. В мирное время сейид ведал перекочевками, выбирал место для становища, вел от лица племени переговоры с другими племенами, разбирал (если в племени не было судьи) споры и тяжбы своих соплеменников, иногда (очень редко) выполнял обязанности служителя религиозного культа. В набегах и на войне сейид командовал вооруженным отрядом своего племени; тогда он назывался раис (глава).

Сейид председательствовал на собрании (меджлис), на котором наиболее богатые, знатные или влиятельные члены племени разрешали текущие дела. Обязанностью сейида был прием гостей и угощение всего племени. Еще большие расходы вызывали у сейида выкуп соплеменников, попавших в плен к другому племени, и уплата виры (дайа) за убийство родственникам убитого иноплеменника. При сейиде обычно находился поэт — шаир (в то время это арабское слово зна-

чило «ведун»), постоянно проживавший в племени или временно пользовавшийся его гостеприимством; по понятиям тогдашних арабов, стихотворные произведения шаира могли оказывать магическое воздействие, так как считалось, что он имел общение с джиннами. При сейиде всегда находился кахин (жрец), если племя имело идола.

Каждое племя (а то и большой клан) было вполне самостоятельной, ни от кого не зависимой организацией. Безопасность его членов и неприкосновенность их собственности обеспечивались неизменной взаимной защитой всех соплеменников. Любой житель Аравии, оказавшийся вне рода и племени и лишенный их защиты, мог быть безнаказанно убит, а его имущество разграблено. Поэтому араб, изгнанный из своего рода и племени или бежавший из него (например, после совершения какого-либо преступления), искал покровительства и защиты в другом племени. Он становился маула (клиентом) сейида или другого влиятельного члена этого племени; его называли дахил (буквально «вошедший», то есть ищущий покровительства). Этим же обстоятельством объясняется сохранение древнего института побратимства. Это же побуждало рабов, получивших освобождение, оставаться в племени на положении маула, чтобы не оказаться без защиты.

В случаях убийства, ранения или физического оскорбления члена племени все его соплеменники были обязаны мстить, причем не только виновнику убийства, ранения или оскорбления, но и всем членам рода и племени, к которым принадлежал виновник. Это было наиболее сильным проявлением родоплеменной солидарности и взаимопомощи, при которой каждый член племени считал себя ответственным за поступки своих соплеменников. Как сказал поэт Дурейд ибн ас-Симма: «Я — один из племени джазийя; если оно блуждает, я блуждаю вместе с ним, а если оно идет правильным путем, я иду вместе с ним»⁴⁴. Кровная месть (сар) между отдельными племенами, иногда затягивавшаяся на несколько десятилетий, приносила большой людской и материальный ущерб. Поэтому в изучаемый нами период стали прибегать к выкупу крови (дийа) из расчета до ста верблюдов за человеческую жизнь.

Родоплеменная солидарность выражалась в понятии «асабийя», которое Ибн Халдун определяет как чувство общности, основанное на кровном родстве. Это чувство, говорит другой арабский писатель, настолько сильно, что заставляет мужа пожертвовать женой.

Каждый род распадался на большое или малое число семей. Семья жила в отдельной палатке, хозяином которой признавался глава семьи. Взрослый сын, вступив в брак, уходил из палатки отца и ставил рядом с ней свою палатку, в которой становился хозяином.

Арабская семья была патриархальной; вся тяжесть домашних работ в такой семье ложится на плечи жены и дочери, если у них нет рабыни. При этом женщина у бедуинов пользовалась свободой и относительной самостоятельностью; во всяком случае, она не была объектом частной собственности.

Ранее существовавшие формы брака и семьи сохранялись у доисламских арабов только в виде незначительных и быстро отмиравших пережитков. Промискуитет не оставил никаких следов, полиандрия в ее чистом виде тоже не сохранилась. Тогдашние арабы могли бы воспринимать как исторический анекдот сообщение Страбона, что одна йеменская царевна одновременно состояла в браке с пятнадцатью братьями.

Пережитки матриархата выражались, например, в нередких случаях, когда женщина, вступив в брак, оставалась жить в своем роде, у своих родителей, а муж временами навещал ее; дети, родившиеся в результате такого супружества, оставались в племени жены и назывались по матери (сын или дочь такой-то, а не такого-то). Сохранение этой формы брака объясняется частыми и продолжительными отлучками мужчин, сопровождавших верблюжьих караваны. Сходным можно признать брак с женщиной, владевшей собственной палаткой. Такой женщине могла принадлежать инициатива развода: она поворачивала палатку так, что вход в нее оказывался в противоположной стороне, и это показывало, что брак расторгнут; или же она вручала мужу свернутую палатку и копье, давая ему понять, что их со-

жительство кончилось и что он отныне должен жить и охотиться самостоятельно.

Пережитки полиандрии выражались в форме брака, при которой женщина, владелица палатки, состояла в супружеских отношениях с несколькими мужчинами. Каждый из них жил в ее палатке в течение периода между двумя месячными очищениями; во время регул она вывешивала над палаткой красную тряпку, и ни один из мужей не входил в ее жилище; если у нее рождался ребенок, она указывала, кто его отец.

Пережитки полиандрии в VII веке уже не наблюдались. Но полигамия сохранилась и после распространения ислама. Многоженство, осуществить которое далеко не каждый араб имел материальные возможности, объяснялось, между прочим, желанием мужа иметь многочисленных сыновей. К этой форме брака следует отнести также связи женатых мужчин с рабынями. Сыновья, происходившие от таких связей, если отец признавал их своими детьми, получали все те же права, что и сыновья от жен.

Еще одной формой многоженства были временные браки, заключающиеся на условленный срок в несколько месяцев, дней или даже часов. Распространение таких браков объяснялось участием многих мужчин в караванной торговле; они обзаводились временными женами в населенных пунктах, в которых караваны делали иногда довольно продолжительные привалы. Богатые мекканские купцы-караванщики имели в некоторых таких пунктах целые гаремы. Впоследствии временный брак был легализован в шиитском исламе под названием мута.

В изучаемый нами период арабы допускали как экзогамные, так и эндогамные браки. Пожалуй, они оказывали предпочтение первым из них, так как, по их наблюдениям, от браков с девушками и вдовами из других племен получалось более здоровое и сильное потомство. К тому же брак с женщиной из своего племени допускал вмешательство родителей и близких родственников жены в ее семейную жизнь, что приводило к ссорам и недоразумениям. Поэтому широкое распространение получил обычай умыкания невест, конечно, с их предварительного согласия.

Как сообщает Шахрастани, при выходе женщины замуж за иноплеменника ее сородичи могли проводить ее таким неблагожелательным напутствием: «Да не будет легким разрешение твое, да не родишь ты мальчиков! Ты приблизишь к нам чужаков и родишь врагов!»⁴⁵ Бедуин радовался рождению сына не меньше, чем появлению на свет жеребенка от породистой кобылицы (если она у него имелась). Но рождение дочери бедуин (особенно бедный) воспринимал как несчастье и даже позор. В ряде произведений доисламской поэзии ярко отразились горести отца и жалкое положение дочери. Известны случаи (правда, видимо, редкие) убийства в тяжелые голодные годы младенцев женского пола; их живыми зарывали в землю. После возникновения ислама подобные проявления исчезли.

Разложение первобытно-общинного строя

Идиллические представления о равенстве, свободе и независимости, якобы царивших в бедуинском обществе, не имеют никаких исторических оснований. Совершенно иные представления дает арабская доисламская поэзия.

Среди арабов в V–VI веках (как кочевников, так и оседлых) вполне ясно проявлялись последствия и результаты имущественного расслоения. В каждом племени и клане выделилась верхушка в виде родовой аристократии, владевшей большим поголовьем скота и претендовавшей на право преимущественного пользования племенными пастбищами и водопоями. Как известно, скот раньше, чем земля, стал объектом частной собственности. Напомним, что следует отличать личную собственность от частной собственности. Личной собственностью владел каждый житель Аравии (жилище, одежда, обувь, утварь, разнообразный инвентарь, скот и оружие). Что же касается частной собственности, то она служит основой извлечения доходов, получения прибавочного продукта ее владельцем. Родовая аристократия, состоявшая из крупных скотовладельцев, конечно, не могла потреблять всего мяса и молочных продуктов принадлежав-

ших ей стад. Она продавала верблюдов и лошадей не только в Аравии, но и на рынках соседних стран, за что получала звонкую монету и товары.

Огромное значение в скотоводческом хозяйстве и в ирригационном земледелии имел труд рабов. Рабы в Аравии были преимущественно из иноземцев. Набеги одних племен на другие не могли служить достаточным источником рабства. Захваченных в плен соплеменников племя считало себя обязанным выкупить или обменять на имевшихся у него пленников. Набеги на соседние византийские и иранские области предпринимались редко и далеко не всегда успешно завершались, так как границы этих областей хорошо охранялись. В Аравии имелись «аджамские» рабы, захваченные в Ираке, но большинство рабов происходило из Африки — они были известны под названием «ахабиш» (абиссинцы).

В то время невольничьи караваны из Африки проходили через Аравию, и часть рабов оседала здесь: их покупали или захватывали, нападая на караваны. Не такой уж редкой фигурой выглядит доисламский поэт Антара, отцом которого был известный сейид, а матерью — чернокожая рабыня. Будучи рабом по матери, он отказался принять участие в отражении набега враждебного племени, заявив: «Раб не умеет сражаться; его дело — доить верблюдиц и подвязывать им вымя»⁴⁶.

Использование рабского труда позволяло родовой аристократии увеличивать поголовье своих стад, к чему ее побуждало стремление к получению доходов, так как на скот (особенно на верблюдов и лошадей) существовал большой спрос. Рост доходов, в свою очередь, приводил к тому, что власть сейидов с какого-то времени стала основываться не только на обычаях, авторитете и уважении, но и на богатстве. Пастбища и источники оставались общеплеменной или общеродовой собственностью, но родовая аристократия, владевшая непропорционально большим количеством скота, естественно, пользовалась большей частью этой собственности.

Развитие имущественного неравенства в племенах привело к появлению салуков. Это были бедуины, лишенные средств производства (в первую очередь скота). Они представляли для родовой аристократии опасный общественный

элемент. Не имея верблюдов, салуки добывали себе средства к существованию охотой на степного зверя, а также пробавлялись случайными заработками в торговых городах. Они напоминали античную бедноту; только никто не давал им ни хлеба, ни зрелищ. Побуждаемые голодом и ненавистью к богатым салуки нередко покушались на их собственность, за что племя (вернее, его верхушка) изгоняло их из своей среды и лишало своего покровительства. Так появились тариды — изгои, которые были вынуждены жить вне рода и племени; иногда они скрывались в пустыне, откуда в одиночку или группами предпринимали стремительные набеги на становища, чтобы угнать скот и захватить какую-либо добычу.

К таридам принадлежал поэт Шанфара, который, скитаясь в пустыне, надменно заявлял, обращаясь к соплеменникам: «У меня ближе вас есть семья: неутомимый волк, пятнистый короткошерстый [леопард] и гривастая вонючая [гиена]»⁴⁷.

В поэме «Песнь пустыни» Шанфара с презрением говорит о живущих в становище щеголях, женских угодниках и трусах, которых он приводит в трепет своими неожиданными налетами⁴⁸. Знаменитым таридом был и еще один известный поэт — Тааббата Шарран, «ведомый Матерью запутанных созвездий», то есть Полярной звездой; одно его имя вселяло безотчетный страх в сердца современников⁴⁹.

Европейские арабисты представляют таких изгоев как крайних индивидуалистов, которые из-за непомерной гордости и честолюбия не желали подчиняться общепринятым обычаям и нормам и поэтому отвергались соплеменниками. Но нам представляется, что природа салуков и таридов не так проста. Как бы то ни было, и те, и другие появились в результате противоречий в бедуинском обществе.

Материальные преимущества родовой аристократии (и прежде всего сейидов и раисов) позволяли ей вести такой образ жизни, который резко контрастировал с существованием рядового бедуина. Шатер сейида был самым просторным в становище; его ставили, как правило, на возвышенном месте, отдельно от палаток других кочевников. В шатре были разостланы ковры, развешана искусно сделанная сбруя и дорогое оружие, стояла металлическая и стеклянная посуда; все

это было привезено странствующими купцами из соседних стран. Неотъемлемым качеством сейида была щедрость, проявлявшаяся в широком гостеприимстве. Но она далеко не всегда выражала широту его натуры или тщеславие. Главный ее смысл был в том, чтобы хотя бы внешне сгладить экономическое неравенство, вызывавшее недовольство соплеменников. Угощения, время от времени даваемые сейидом и его родственниками, равно как и материальную помощь, оказываемую ими вдовам и сиротам, бедуины рассматривали не как одолжение, а как обязанность своего предводителя. Сам сейид, понимая социально-политическое значение проявляемой щедрости, делал все, чтобы слава о ней распространялась по округе. Очень часто пускалось в ход такое действенное средство, как поэзия. Хорошо оплачиваемый сейидом шаир (поэт) не смущался самыми невероятными гиперболами. В своих хвалебных стихотворениях он рисовал фантастические картины изобилия и щедрости. Если верить сочинениям шаирав, то позади шатров сейидов никогда не потухали костры, подобные огнедышащим горам, и котлы на этих кострах своими размерами не уступали водоемам во дворцах сказочного Сулеймана.

Значительные доходы приносил сейидам и их окружению широко распространенный институт ухуввы («братство», «побратимство») — по сути, одна из форм покровительства. Обычно какое-нибудь малочисленное (и вследствие этого маломощное, захудалое) племя посылало в соседнее более сильное племя своих представителей, которые всячески стремились вступить в отношения побратимства с его членами. Если это удавалось, слабое племя приобретало могущественного союзника и защитника. Ведь если два человека из разных племен становились «братьями», их племена тоже как бы вступали в родственные отношения со всеми вытекавшими из этого правами и обязанностями. Но несмотря на «побратимство», за защиту и покровительство следовало платить, и большая часть такой платы доставалась сейидам.

Особенно важна и даже необходима была ухувва земельным племенам, жившим на границе с террито-

ей кочевников. В засушливые годы бедуины, побуждаемые нуждой и голодом, грабили своих оседлых соседей. Чтобы обезопасить себя, земледельцы вступали в отношения ухуввы с одним из кочевых племен, отдавая его сейиду обусловленную часть урожая с полей, садов или финиковых пальм. Взамен кочевники ограждали земледельцев от нападений других племен.

Культурное состояние Аравии

Принимая периодизацию доклассового общества, даваемую Ф. Энгельсом в его труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства», мы можем определить уровень производства и культуры у арабов V–VI веков (за исключением оседлого населения Йемена) как соответствующий высшей ступени варварства. Эта ступень «начинается с плавки железной руды и переходит в цивилизацию в результате изобретения буквенного письма...»⁵⁰.

В арабо-мусульманской литературе этот период, предшествовавший распространению ислама в Аравии, получил название «джахилийя»⁵¹, что значит «незнание», «невежество», «варварство». Мусульмане придали этому слову специальное значение: незнание «истинной веры» в форме ислама. В научной литературе это название применяется для обозначения периода, непосредственно предшествовавшего возникновению ислама.

Еще до джахилийи у арабов завершился процесс первого крупного общественного разделения труда — отделение скотоводства от земледелия. В период же джахилийи завершился процесс второго крупного общественного разделения труда — отделение ремесла от земледелия. К тому времени арабы не только вполне освоили гончарное производство и ткачество, но и достигли совершенства в горячей обработке металлов. В Западной Аравии были известны рудники на территории племени сулейм, которое называли «племенем кузнецов» (куйун); оно славилось искусством плавки железной руды. Добываемые в Аравии серебро и золото служили сырьем для

ювелиров, из которых более других были известны еврейские мастера из Медины.

В земледелии применялся довольно разнообразный металлический инвентарь, в том числе плуг с железным лемехом. При искусственном орошении полей, финиковых пальм и виноградников использовалась тягловая сила верблюдов, приводивших в движение оросительные приспособления, посредством которых добывали воду из колодцев. В Медине и некоторых других населенных пунктах освоили искусственное опыление пальм в период цветения, что значительно повышало урожай фиников.

Развитие различных отраслей производства привело к оживлению обмена, при котором добавочный продукт превращался в товар. Получила широкое развитие караванная торговля, причем арабы выступали посредниками в международном торговом обмене между Индией и Китаем, с одной стороны, и странами Средиземноморья — с другой, а это в свою очередь способствовало установлению и закреплению культурных влияний в Аравии. Из соседних стран сюда проникали не только товары, но и знания, навыки и идеи, способствовавшие совершенствованию местного производства. В Мекке, например, ощущалось довольно значительное и длительное влияние иранской культуры.

Среди арабов периода джахилии было немало опытных мореплавателей, пересекавших Красное море в разных направлениях, а иногда, возможно, выходивших и в Индийский океан. Плавали арабы на легких парусниках, изготовлявшихся без применения металлических гвоздей, — составлявшие их доски были связаны веревками из пальмовых волокон.

Установившееся в научной литературе представление, что доисламские арабы боялись пускаться в море и только их отдаленные потомки через два-три столетия после возникновения ислама постепенно освоили искусство кораблевождения, не соответствует имеющимся у нас сведениям о постоянных сношениях Западной Аравии с Африкой по Красному морю. Можно полагать, что уже в древности жители оманского побережья и йеменской Тихамы изучили пути каботажного

плавания в Индию и на Цейлон. Маскатские капитаны водили свои суда по маршруту, проложенному флотом сподвижника Александра Великого полководца Нерха в IV веке до н. э. Доказательством знакомства доисламских арабов с морем может служить и Коран⁵².

Наконец, очень крупным достижением арабской культуры периода джахилии следует признать доисламскую поэзию. Произведения этой поэзии, отличающиеся разнообразием жанров и стиля, вполне можно поставить на один уровень с поэтическим творчеством античных народов Средиземноморья. Как пишет академик И. Ю. Крачковский, «эта оказавшаяся такой могучей и жизненной поэзия встает перед нами еще в эпоху до появления Мухаммеда в полной законченности и совершенстве одинаково со стороны языка, метрической формы, объема тем и композиционных приемов... Некоторые лингвисты не без основания видят в ней апогей семитского языкового творчества; при первом взгляде бросается в глаза колоссальный запас слов, разработанность форм, гибкость синтаксических оборотов»⁵³.

В период джахилии язык этой поэзии, достигший высокой степени совершенства, стал единым для всего населения Аравийского полуострова (за исключением Йемена, Хадрамаута и Махры), а также для арабов, расселившихся в Сирии и Месопотамии. Диалектальные особенности, являющиеся отражением местных говоров отдельных арабских племен, встречаются в доисламской поэзии крайне редко. Такое языковое единство в эпоху первобытно-общинных отношений и исключительно высокий уровень языковой культуры вызвали у некоторых арабистов сомнение в подлинности этой поэзии.

Но тут надо сказать, что ее произведения в течение двух-трех столетий хранились в памяти равиев, арабских рапсодов, и передавались только устным путем. Записывать их начали не ранее VIII века и, разумеется, в формах характерных для этого времени.

Буквенная письменность, изобретение которой является признаком перехода из варварства в цивилизацию, появилась у северных арабов в IV веке. В Сирии и Иордании об-

наружены надписи, сделанные так называемым набатейским письмом, которое вскоре вытеснило в Аравии южноарабскую (сабейскую) письменность и послужило основой для развития средневековой арабской письменности.

Религиозные верования арабов в период джахилии

В период джахилии у арабов (и особенно у кочевников) религиозные представления еще не были объединены в идеологическую систему; продуктивность их религиозной фантазии была ничтожной, как это свойственно доклассовому обществу. Пантеон божеств сложился только в воображении оседлого населения цивилизованного Йемена, где существовали храмы и получил развитие религиозный культ. Что же касается жителей других областей Аравийского полуострова, то их религиозные верования представляли собой довольно беспорядочную смесь фетишизма, тотемизма и анимизма.

Наиболее древней формой арабских верований и культа можно признать фетишизм, выразившийся в почитании камней метеоритного и вулканического происхождения; был развит культ бетилов (священных камней), пережитки которого сохранились в исламе в виде культа «черного камня»; еще древнегреческие авторы сообщали, что арабы поклоняются камням. Тотемические верования, видимо, получили меньшее развитие, но явные следы их сохранились в названиях многих племен, например: асад — лев, келб — собака, бекр — верблюжонок, салаб — лисица, саур — бык, дубб — медведь, зиб — волк и т. д. Запрет убивать и употреблять в пищу тотемное животное не получил распространения вследствие частой нехватки пищи. Наоборот, распространился обычай совместного поедания верблюда или другого животного всеми членами рода по суеверному побуждению воспринять заключенную в нем силу. Этим же (а не только голодом) следует объяснять поедание идолов, сделанных из теста; такие случаи следует рассматривать как

проявление богоедства, чтобы ввести в человеческий организм скрытую в идоле божественную силу.

Представления арабов о душе и загробном существовании были очень смутными; многим они напоминали соответствующие представления древних греков доклассового периода. При отсутствии определенных представлений о посмертном состоянии людей не получил развития культ предков. Некоторые бедуины, представляя посмертное существование человека как продолжение земной жизни, убивали на его могиле верблюда, чтобы облегчить умершему существование в потустороннем мире.

Почти повсеместной была вера в джиннов, которых арабская фантазия рисовала в виде разумных существ, созданных из воздуха и бездымного огня. Эти существа, как и люди, делились на два пола и наделялись разумом и человеческими страстями. Поэтому они часто покидали безлюдные пустыни, в которые поместило их воображение арабов, и вступали в общение с людьми; иногда от этого общения получалось потомство, обладавшее выдающимися физическими и умственными качествами.

В период джахилии получило развитие идолопоклонство, выразившееся в жертвоприношениях и несложном ритуале. Наиболее полный перечень божеств-идолов различных племен содержится в сочинении Ибн ал-Калби «Китаб ал-аснам» («Книга идолов»⁵⁴); о некоторых идолах сообщает также Шахрастани. Из этих сочинений видно, что доисламские арабы не создали мифологической системы, а имели мифологию только в самой зачаточной форме.

Как сообщает Шахрастани, среди арабов было немало скептиков, умонастроение которых выразил один из поэтов, сказав: «Жизнь, потом смерть, потом воскресение — все это рассказы и небылицы»⁵⁵.

Интересное, но еще недостаточно изученное явление представляли собой химы. Так назывались небольшие оазисы, в которых находились святилища, почитаемые каким-либо племенем; сюда бедуины этого племени совершали паломничество. Хима считалась священным местом, находившимся под особым покровительством божества, или

даже его владением. Регулярное скопление паломников в химе, как правило, приводило к возникновению рынка, где кочевники вели торговый обмен с оседлыми. Религиозные паломничества в Аравии всегда были связаны с торговлей. В некоторых химах разводили лошадей; возможно, здесь проводились случки лошадей в целях улучшения породы.

Среди арабов в период джахилийи получили распространение религии, проникшие из соседних цивилизованных стран, — главным образом христианство и иудаизм. Христианство (в виде монофизитства и несторианства) восприняли арабские племена, обитавшие в Месопотамии, Ираке, Сирии и Палестине; оно нашло также немало последователей в племенах Северной и Западной Аравии. В доисламской поэзии сохранился образ христианского отшельника (рахиб) — свет лампы, идущий из его кельи в пустыне, привлекал путника⁵⁶.

Иудаизм, выступая конкурентом христианства, получил распространение в Иасрибе и некоторых других оазисах Северо-Западной Аравии; в Йемене в начале VI века он стал государственной религией.

Отчасти под влиянием этих монотеистических религий, а главным образом вследствие стремления арабских племен к политическому объединению в Аравии сложилась самостоятельная форма монотеизма в виде ханифизма.

Глава II Возникновение ислама

Источники

Основным источником начального ислама служит Коран. Это очень сложное произведение арабской литературы создавалось в основном в VII веке. Наиболее древние рукописи Корана, написанные куфическими письменами, относятся, вероятно, к началу VIII века. Согласно мусульманскому преданию, Коран в дошедшем до нас виде был составлен и отредактирован в правление халифа Османа (644—656). Поэтому за ним закрепилось название Османова Корана, или Корана в Османовой редакции. Но наряду с этой редакцией, ставшей канонической, существовал ряд других, дошедших до нас только в виде коротких отрывков. По преданию, сохранным средневековыми арабскими историками, руководящие представители первого поколения мусульман владели своими списками Корана, которые и послужили материалом для составления Османовой редакции. Как видно, не все имевшиеся списки вошли в эту редакцию,

так как вплоть до X века в обращении были кораны, отличавшиеся от канонического текста.

Разрешение вопроса о подлинности Корана в его Османовой редакции осложняется тем, что подавляющее большинство европейских арабистов и исламоведов априорно признают весь Коран произведением арабского пророка Мухаммеда, которого они считают «основателем ислама». Исходя из такого суждения, они не замечают существенных несоответствий в книге, если единственным автором ее признать Мухаммеда. Прежде всего обращает на себя внимание (даже при чтении Корана в любом европейском переводе) разнообразие стилей, которое не может быть присущим одному автору. Традиционное объяснение этого разнообразия особыми чертами характера Мухаммеда и превратностями его карьеры не является ни достоверным, ни убедительным. Наряду с этим в Коране встречаются в качестве описаний очевидца такие места, в которых Мухаммед, согласно его традиционной биографии, никогда не бывал. К тому же датировка Корана затрудняется из-за того, что в нем нет ни дат, ни ясного упоминания о достоверных событиях, ни имен исторических деятелей. При этом довольно разнообразный по содержанию материал Корана расположен, как правило, по чисто внешнему признаку — по длине составляющих его 114 сур, или глав; эти главы (не считая некоторых отступлений от принятого порядка) расположены так, что наиболее длинные из них помещены в начале книги, а самые короткие — в конце.

Установление точной датировки Корана и выяснение источников, из которых взяты содержащиеся в нем материалы, является трудной задачей, и, поскольку никто ее пока не решил, приходится рассматривать Коран как литературный памятник и исторический источник периода возникновения ислама.

Имеется несколько десятков хороших переводов Корана на западноевропейские языки, изданных в XIX и XX веках. На русский язык Коран переводился несколько раз в XVIII и XIX веках, но не с подлинника, а с западноевропейских переводов. Первый русский перевод Корана с арабского был

выполнен Г. С. Саблуковым и издан в Казани в 1878 году. Вышедший в 1963 г. перевод И. Ю. Крачковского, снабженный ценными филологическими комментариями, страдает стилистическими недостатками, так как после смерти переводчика не был окончательно доработан⁵⁷.

Вторым основным источником для изучаемого нами периода следует признать «Житие посланника Аллаха» («Сират расул Аллах»), написанное во второй половине VIII века мединцем Ибн Исхаком и дошедшее до нас в обработке выдающегося филолога IX века Ибн Хишама. Важным дополнением к этому произведению служат соответствующие места из «Истории» ат-Табари, который пользовался сочинением Ибн Исхака в его ранней редакции, до нас не дошедшей (если не считать небольшого отрывка, написанного на папирусе).

«Сира» Ибн Исхака была написана в Багдаде по заказу аббасидского халифа Мансура (754—775). Поэтому в ней получили отражение политические притязания Аббасидов, обосновывавшиеся их происхождением от Аббаса, дяди пророка Мухаммеда, и этому «родственнику пророка» приписана выдающаяся историческая роль. Мухаммед же представлен в «Сире» в образе не только арабского, но и мирового пророка. Так отразилась полемика мусульман с христианами и представителями других монотеистических религий. Пользуясь «Сирой» как историческим источником, следует отбросить содержащиеся в ней легенды, затемняющие и искажающие реально-исторический образ Мухаммеда⁵⁸.

Дополнением к «Сире» может служить «Книга военных походов» («Китаб ал-магази») Вакиди (747—823). Она тоже тенденциозна и засорена религиозными легендами и мифами.

Эти произведения арабской литературы служат основными первоисточниками при изучении проблемы возникновения ислама. Вполне удовлетворить исследователя они не могут, но других источников, которые можно было бы противопоставить им или сопоставить с ними, не имеется.

Все последующие мусульманские авторы биографий Мухаммеда, в котором они персонифицировали сложный

процесс возникновения ислама, пользовались этими сочинениями, дополняя и усложняя их показания продукцией фантазии более поздних поколений.

Мекка в начале VII века

Ислам зародился в Мекке, самом крупном населенном пункте Хиджаза. Мекка расположена в котловине, «в долине, не имеющей знаков» (Коран, XIV, 40); она окружена голыми высокими холмами, которые мекканцы называли «горами» (джибал), а проходы между ними — «ущельями» (шиаб). В случаях выпадения дождя в окрестностях по котловине стремительно проносился сель. Несколько раз в Мекке бывало такое сильное наводнение, что вода подмывала фундамент и размывала стены Каабы, сделанные из местного грубого камня.

Окрестности Мекки бесплодны и пустынны; очень скудный травяной покров и чахлый кустарник могли служить кормом только для небольших стад верблюдов и маленьких отар овец. Подпочвенная вода залегала на большой глубине, колодцы встречались редко; часто вода в них сохранялась только на самом дне. Следовательно, жители Мекки не имели возможности заниматься ни скотоводством, ни земледелием.

Можно полагать, что Мекка возникла как остановочный пункт на древнем караванном «пути благовоний» у источника Земзем. Нет возможности установить, даже приблизительно, когда у этого источника обосновались первые оседлые жители. Некоторые историки считают возможным отождествлять с Меккой упоминаемую Геродотом (V век до н. э.) Макарабу.

Этот пункт, разросшийся в большой, по аравийским масштабам, город, еще в древности приобрел религиозное значение. Вода Земзема обрела статус священной — возможно, вследствие того, что она действовала на желудок как слабительное. Издревле высившийся у источника храм Кааба стал объектом паломничества хиджазских бедуинских племен;

вероятно, уже в древности в сезон паломничества происходил торговый обмен между мекканцами и бедуинами. По мусульманскому преданию, Кааба была воздвигнута Ибрахимом и его сыном Исмаилом, мифическим родоначальником северных арабов.

Город был расположен вокруг этого древнего святилища, которое еще до возникновения ислама называли «домом Аллаха», а мекканцы с гордостью именовали себя «соседями Аллаха». Голландский ориенталист Х. Снук-Хюргронье, проведший целый год в Джидде и Мекке под видом мусульманского законоведа, писал: «Аллах не даровал своим соседям ничего, кроме горькой воды Земзема, камней, песка и нестерпимой жары»⁵⁹.

Значение Мекки как религиозного центра языческих племен Хиджаза и Западного Неджда сочеталось с ее положением важного торгового пункта. Мекканцы принимали активное участие в международной транзитной торговле и вели торговый обмен с хиджазскими бедуинами. Мекка была выгодно расположена на перекрестке караванных путей, шедших из Йемена в Сирию, Палестину, Ирак и Египет; по Красному морю она была связана с Восточной Африкой. Из Йемена вывозились не только товары местного происхождения, но и предметы торгового обмена, поступавшие морским путем из Индии, Китая и Африки. Летом, пользуясь попутными юго-западными муссонами, мореплаватели отправлялись в Индию и возвращались оттуда зимой, когда эти ветры дули в северо-восточном направлении. Однако развитие непосредственных сношений по морю между Индией и красноморскими гаванями Египта не прекратило движение караванов по древнему «пути благовоний», на котором находилась Мекка.

О крупных размерах мекканской караванной торговли можно судить по скудным, но вполне определенным сведениям, содержащимся в надежных арабских источниках. Так, Табари сообщает о караване в 2500 верблюдов⁶⁰. Мекканский караван, ставший причиной сражения при Бадре в 624 году, состоял из тысячи верблюдов.

На основании суры 106 Корана можно полагать, что мекканцы снаряжали ежегодно две большие торговые экспе-

диции (рихла) — зимой и летом. Как известно из других источников, одна отправлялась в Йемен, а другая — на север, то есть в Палестину, Сирию и Египет, иногда в Ирак. Организацией экспедиций ведала богатая верхушка проживавшего в Мекке племени курейш, участником же их мог быть любой мекканец, даже располагавший весьма ограниченными средствами. Конечно, руководящими участниками этих крупных предприятий могли быть только мекканские богачи, господствовавшие в экономической жизни своего города. Стоимость товаров, перевозившихся караваном, попытки разграбления которого привели к сражению при Бадре, определялась в 50 тыс. золотых монет. Члены курейшитского рода омейя вложили в этот караван около 5000 золотых монет, а отдельные богатые купцы — по одной и две тысячи.

Большие мекканские караваны имели проводников и вооруженный конвой. Верблюдов, погонщиков и грузчиков набирали за плату среди окрестных бедуинов. Опытные проводники хорошо знали не только пути и перепутья, но и местонахождение водопоев и пастбищ для верблюдов. Начальник каравана, находившегося в пути, поддерживал связь с Меккой, время от времени посылая в нее гонца на быстроходном верблюде. Были установлены «священные» месяцы, в которые хиджазцы и недждийцы совершали паломничество к Каабе; в эти месяцы запрещалось кровопролитие и сведение кровных счетов. Мекка и ее окрестности были объявлены территорией «харам», то есть священной областью, в которой нельзя было совершать убийства и насилия. На это содержится намек в Коране, в котором от имени Аллаха говорится: «Разве они не видели, что Мы устроили харам безопасным, а люди кругом их выхватываются?» (XXIX, 67), то есть подвергаются грабительским нападениям и теряют имущество и свободу.

В период джахилии, перед возникновением ислама, такие будущие известные мусульманские деятели, как Абу Бакр, Аббас, Омар, Осман, Талха, названы в источниках «купцами» или «торговыми людьми». Хадиджа, первая жена Мухаммеда, до выхода замуж за него, будучи вдовой, самостоятельно вела караванную торговлю. Аиша, дочь Абу

Бакра, ставшая женой Мухаммеда после смерти Хадиджи, принимала участие в работорговле. Абу Джахл нажил большие деньги на торговле благовониями.

В доисламской Мекке не было монетного двора, не чеканилась своя монета. В обращении находились византийские золотые монеты, сасанидское серебро и йеменские (химьярские) деньги. Расчеты производились также золотым песком, поступавшим из Африки и Йемена, где он добывался в руслах рек. Серебряные слитки тоже служили меновой ценностью. Истертые, пробитые и обрубленные монеты принимались на вес. Это получило ясное отражение в языке: арабский глагол «уазана лаху» — «отвесить ему» имел значение «уплатить ему». Конечно, при расплатах нередко были случаи обсчета и обвеса. В Коране такие нечестные приемы (которые, вероятно, были очень распространены) подвергаются решительному осуждению: «Горе обвешивающим, которые, когда отмеривают себе у людей, берут полностью, а когда меряют им или вешают, сбавляют» (LXXXIII, 1–3).

Наряду с торговлей в Мекке получило широкое развитие ростовщичество (по-арабски — риба). Желание принять участие в прибыльной караванной торговле побуждало многих мекканцев среднего и малого достатка обращаться за ссудами к ростовщикам. Несмотря на высокие проценты, они могли надеяться, что после благополучного возвращения каравана не только погасят долг, но и получают хорошую прибыль. Богатые купцы совмещали занятие торговлей с ростовщичеством. Так, Аббас «имел много денег, розданных людям его племени»⁶¹. Один из соратников Мухаммеда, находясь в Медине, беспокоился о своих деньгах, которые он отдал в рост мекканским купцам⁶². Заимодавцы обычно давали динар за динар, дирхем за дирхем, то есть за ссуду взимали 100 процентов. В Коране (III, 125) Аллах, обращаясь к верующим, предписывает: «Не пожирайте роста, удвоенного вдвойне». Это можно понимать так, что за ссуду брали 200 и даже 400 процентов. В сети мекканских ростовщиков попадали не только их сограждане и соплеменники, но и члены хиджазских бедуинских племен, принимавшие участие в мекканской торговле. Как в свое время в древних Афинах,

в Мекке «основным средством для подавления народной свободы служили... деньги и ростовщичество»⁶³.

Постоянными крупными участниками мекканской караванной торговли были жители Таифа, по крайней мере верхушка проживавшего в нем племени сакиф. Экономические связи Мекки и Таифа были настолько тесными, что эти города называли Маккатани, то есть «две (или обе) Мекки».

Жители Таифа и его окрестностей снабжали не имевших ни садов, ни огородов мекканцев фруктами и овощами. В Таифе и его окрестностях находились дачи богатых мекканцев, где они спасались от летней жары.

В Мекке торговля и ростовщичество ускорили процесс разложения первобытно-общинных отношений. В самом городе и его округе (подобно тому, как это происходило в античной Греции доклассового периода) денежные отношения воздействовали на родовой строй как разъедающая кислота, так как этот строй «абсолютно несовместим с денежным хозяйством...»⁶⁴.

Верхушка племени курейш в своем экономическом и социальном развитии значительно опередила верхние слои других племен. Среди десяти родов, составлявших племя курейш, господствующее положение занял род омейя. К этому роду принадлежало большинство наиболее богатых купцов и ростовщиков, которые выделяли из своей среды начальников больших торговых караванов и пользовались преобладающим влиянием и реальной властью среди своих сограждан и тех хиджазских племен, которые экономически зависели от Мекки. Эти богатые и влиятельные мекканцы жили в домах, расположенных вокруг Каабы, в центре города, в той его части, которая называлась ал-Батха, что значит равнина, площадь; поэтому их выделяли из общей массы городского населения под почетным наименованием «курейшиты центра».

Курейшитская верхушка обладала не только деньгами и товарами, но и обрабатываемыми землями, рабами и скотом. Так, членам рода омейя принадлежали химы в Северном Хиджазе. В этих химах находились искусственно орошаемые посевы злаков и рощи финиковых пальм, на которых ис-

пользовался рабский труд. В некоторых химах занимались разведением породистых лошадей.

Помимо рядовых членов племени курейш, подпавших под господство верхушки племени, в Мекке проживали еще ахлаф — «союзники». Это были пришельцы из других племен, поселившиеся в большом торговом городе на положении покровительствуемых союзников, своего рода побратимов коренного населения. Они принимали участие в торговой деятельности курейшитов и обладали средствами вполне достаточными для существования. Такая же категория населения и под тем же названием «ахлаф» была известна в Таифе. Наименее обеспеченной частью населения Мекки были жители окраин (завахир). Это были преимущественно бедуины, бежавшие из своих племен; среди них, вероятно, встречалось немало салуков и таридов. Их привлекал большой город, в котором можно было заработать, обслуживая караванную торговлю в качестве упаковщиков вьюков, грузчиков, неквалифицированных ремесленников, пастухов, самоучек-ветеринаров, а иногда и погонщиков. Это был очень беспокойный, а частью и преступный люд. Кроме того, в Мекке проживало немало иностранцев, прибывших из соседних стран, — бродячих торговцев, ремесленников, содержателей питейных заведений. Будучи христианами, иудеями или зороастрийцами, они оказывали некоторое идеологическое влияние на мекканцев и окрестных бедуинов.

Мекканское племя курейш имело такую же родоплеменную организацию, как и все племена в Аравии, но поскольку в нем процесс разложения первобытно-общинных отношений зашел гораздо дальше, чем в других племенах, в Мекке обнаруживались признаки зарождения государственных учреждений. Была сформирована полиция из рабов — «ахабиш», функционировал «дом собрания» и совет старейшин.

Крупные купцы, ростовщики и рабовладельцы составляли особую группировку, известную под названием «мала».

Слово «мала» значит «сонм, знать». Например, по понятиям арабов, ангелы составляли «ал-мала ал-ала» — высший сонм. В Коране «мала» имеет значение «знать» или «начальники племени» (XXIII, 34); этим словом обозначаются также

вельможи древнеегипетского фараона (XXIII, 48; XXVI, 33). Эта курейшитская «знать» собиралась у стены Каабы, когда надо было обсудить общественные дела — прежде всего обстоятельства, связанные с отправкой или прибытием торговой экспедиции. Это собрание мекканской «знати» можно уподобить древнеафинскому ареопагу при зарождении этого учреждения.

Основателем «дома собрания» (дар ан-надва) предание считало легендарного Кусайя ибн Килаба. Как сообщает Табари, Кусайя устроил у себя «дом собраний» и обратил его дверь в сторону храма Каабы. Тот же историк пишет: «Как женщина, так и мужчина из племени курейш заключают брак только в доме Кусайя ибн Килаба, и (курейшиты) совещаются между собой о деле, которое представится им, только в его доме и привязывают знамя войны с другим племенем»⁶⁵.

Курейшитская знать считала, что свои обязанности и привилегии она получила по наследству от легендарного Кусайя. Как сообщает Табари, «жители Мекки вручили власть Кусайя... и он обладал властью, которой подчинялось его племя, и были у него хиджаба, сикая, рифада, надва и лива»⁶⁶. Хиджаба — это хранение ключей Каабы. Сикая — обязанность снабжать водой паломников, приходивших к храму для совершения религиозных обрядов. Рифада — сбор средств, дававшихся курейшитами на кормление неимущих паломников. Лива (знамя) — кусок белой материи, который в случае начала войны с каким-либо племенем привязывали на конец копья и вручали военачальнику — раису.

В изучаемый нами период все это сосредоточилось в руках верхушки рода омейя. Эти обязанности — а точнее сказать, привилегии, — давали ей возможность оказывать влияние на паломников, приходивших из бедуинских кочевий и приносивших продукты скотоводства и охоты для обмена на изделия городских ремесел и товары, привезенные из зарубежных стран.

Интересное и весьма показательное явление представляли собой «ахабиш». Бельгийский арабист А. Ламменс в исследовании⁶⁷, основанном на обильных источниках, убедительно показал, что это были африканские рабы, принадлежавшие

богатым курейшитами. Последние использовали их как вооруженный конвой при караванах и как полицейскую силу в Мекке для охраны Каабы (где хранилась курейшитская казна) и своих жилищ, которым могли угрожать беспокойные и недовольные жители мекканских окраин и неимущие паломники.

Следует также обратить внимание на слово «иляф» в Коране (CVI, 1–2). Г. С. Саблуков переводит его устаревшим русским словом «соглас», а И. Ю. Крачковский придает ему широкое значение слова «союз». По нашему мнению, этому арабскому слову более всего соответствует значение «содружество» в смысле способности курейшитов к совместным действиям, необходимым при организации крупных торговых экспедиций. На основании арабских источников возможно предположение, что под этим словом понимались торгово-дипломатические договоры, заключавшиеся курейшитами с иностранными государями и правителями.

Ханифизм и ислам

Ханифизм, оформившийся как религиозно-моральное учение в земледельческой Йемаме, получил распространение и в Западной Аравии. В этой стране идея единобожия и аскетическая практика не представляли собой ничего необычного, так как сравнительно многие жители уже испытали на себе влияние монотеистических религий — христианства и иудаизма, а некоторые и восприняли одну из этих религий. Но в Мекке, являвшейся одним из важных центров арабского политеизма, распространению ханифизма препятствовал хорошо организованный культ Каабы. Этот культ, выражавшийся в поклонении идолам, был тесно связан с экономической деятельностью курейшитов и освящал их влияние на бедуинские племена. Поэтому курейшитская знать вела упорную борьбу за сохранение многобожия и идолопоклонства.

Но эпоха политеизма в Аравии приближалась к концу. В разлагавшемся первобытно-общинном обществе уже по-

явились элементы новых классовых отношений, а это не могло не привести к существенным идеологическим изменениям: монотеизм — в его арабской форме ханифизме — должен был прийти на смену политеизму.

Прежде всего ханифы боролись против наиболее грубого проявления политеизма в виде идолопоклонства. Противопоставляя племенным и местным божествам своего единого рахмана, они выражали идею всеарабской религии. В Мекке ханифам предстояло вести особенно упорную борьбу, так как здесь политеистическое вероучение имело наиболее солидный базис по сравнению с другими племенами, а культ был гораздо лучше организован.

«Сира» Ибн Исхака вполне определенно представляет Мухаммеда в начале его религиозной деятельности как типичного ханифа. Вероучение мекканских ханифов изложено в «рахманских» сурах Корана. В более ранних материалах этого сборника, которые европейские исследователи группируют под названием «поэтические» суры, содержатся фантастические представления о скором наступлении конца света, о страшном суде и о загробном существовании людей. В этих материалах идея единобожия является господствующей и проповедуется особенно настоятельно. Содержание «поэтических» сур (если отбросить шаманские заклинания, относящиеся к периоду политеизма) ни в чем не расходится с учением ханифов; только в этих сурах в большей мере, чем в ханифизме, проявилось влияние иудейского и христианского сектанства, приверженцев которого можно было в немалом числе встретить в доисламской Мекке среди посещавших ее и проживавших в ней иностранцев.

Уже в самых ранних сурах проявляется весьма интересная и существенная деталь. Единый бог выступает под именем Аллах, то есть носит имя племенного божества курейшитов, и сохраняется культ Каабы как «дома Аллаха».

Ханифизм в его мекканской форме, создание которой приписывают Мухаммеду, не мог получить широкого распространения в Мекке. Причину этого явления следует искать не только в противодействии, оказанном новому учению курейшитской господствующей верхушкой. Гораздо важ-

нее были социальные причины. Социально-экономические противоречия в Мекке были куда больше, чем в племенах. Мекканцы, несомненно, стремились избавиться от засилья господствующей верхушки и ростовщической кабалы, а рабы, конечно, хотели освободиться из рабства. Мекканский же ханифизм не мог привлечь и удовлетворить угнетенных и обездоленных. Он давал далеко не заманчивую перспективу гибели мира и обращал взоры верующих к загробному миру, обещая только после смерти лучшее существование. Устрашение грядущей катастрофой светопреставления и мучениями в геенне не могло оказать желаемого воздействия на арабов того времени. Это следует объяснять не только широко распространенным неверием в загробный мир, но и деловой практичностью мекканцев.

Поэтому, под влиянием социальных потребностей населения, мекканский ханифизм перешел в следующий этап развития, который уже можно рассматривать как возникновение новой религии — ислама. Вероучение времени зарождения этой религии получило свое выражение в мекканских «пророческих» сурах. В них наряду с единством Аллаха выдвигается другой, не менее важный догмат о «посланнике Аллаха» (расул аллах), который претендует на положение единственного посредника между верховным существом и людьми.

В «пророческих» сурах обращено гораздо большее внимание — по сравнению с «поэтическими» — на некоторые земные, реальные явления. Прежде всего осуждается и безоговорочно запрещается ростовщичество — самая болезненная язва мекканской экономической жизни. От непомерного хищничества и алчности мекканских ростовщиков сильно страдали население Мекки и окрестные бедуинские племена. В Коране сказано: «То, что вы даете в рост, чтобы оно возросло от имущества других людей, не возрастет перед Аллахом» (XXX, 38).

В отличие от ростовщичества торговля, наоборот, называется не только допустимым и даже похвальным занятием. Аллах-рабовладелец наделен типичными чертами купца; в его образе отразилась торговая обстановка Мекки. Из «Сиры» видно, что

Мухаммед, выступая вероучителем, продолжал заниматься торговыми делами. Курейшиты, подвергая сомнению его пророческую миссию, с насмешкой говорили ему: «Какой же ты пророк! Ты ходишь по рынкам, как самый последний из нас». Как полагают, ответом на это является стих Корана, в котором Аллах говорит: «И до тебя мы не посылали посланников, которые бы не ели пищи и не ходили по рынкам» (XXV, 22).

В «пророческих» сурах встречаются особенно настоятельные призывы соблюдать правильность в мере и весе, то есть быть честными при сделках и расчетах. «И будьте верны в мере, когда отмериваете, и взвешивайте правильными весами» (XVII, 37). Наряду с запрещением растрачивать имущество сирот предписывается: «Выполняйте меру и вес по справедливости» (VI, 153); «Полностью соблюдайте верность в мере и весе» (XI, 85). В качестве неоспоримого аргумента приводится отдельный целеустремленный творческий акт Аллаха: «И небо Он воздвиг и установил весы, чтобы вы не нарушали весов. И устанавливайте все справедливо и не уменьшайте весов» (LV, 6–8). По представлению Корана, в день страшного суда будут приведены в действие «весы верные», на которых будут взвешены дела людей; при этом от имени Аллаха говорится: «Достаточны Мы как счетчики» (XXI, 48).

В этих и им подобных призывах и предписаниях получили выражение кровные интересы мекканского торгового люда, постоянно страдавшего от отсутствия коммерческой честности у заправил караванной торговли и у ростовщиков. Выше мы уже видели, как осуждает Коран «обвешивающих» (LXXXIII, 1–3).

Согласно историческому преданию, Мухаммед и почти все его мекканские последователи были выходцами из средних и малоимущих слоев населения, испытывавших на себе суровую и жестокую власть «курейшитов центра». Мухаммед принадлежал к роду хашим, который не владел богатством и не пользовался влиянием. Следовательно, он и его ближайшее окружение вполне могли проникнуться интересами и нуждами среднего и мелкого мекканского торгового люда.

Деятельность первых мусульман в Мекке завершилась полным провалом. Нет оснований полагать, что они созда-

ли в своем городе какую-либо организацию. Не всегда мог Мухаммед выступать публично со своими проповедями; для слушания их и для молитвы его приверженцам приходилось собираться тайно где-нибудь в пригородах и даже в «ущельях» из боязни преследований. Согласно «Сире», мусульмане оказались в таком стесненном и опасном положении, что Мухаммед был вынужден часть их отправить в Эфиопию под покровительство христианского негуса. Оставшиеся же в Мекке во главе с Мухаммедом подверглись бойкоту: мекканцы отказались заключать с ними брачные союзы и вести торговые дела. Интересно, что их сородичи не могли оказывать им никакой помощи и защиты. Это показывает, что экономическая зависимость мекканцев от «курейшитов центра» была сильнее кровных связей.

Ислам в Мекке не обрел социальной опоры; он не получил поддержки как со стороны населения города, так и бедуинов прилегающих к нему районов. К тому же «курейшиты центра» оказывали новой религии решительное противодействие, а ее последователей подвергали гонению.

По преданию, Мухаммед выступил в роли проповедника в 610 году, но лишь через двенадцать лет окончательно убедился в полной невозможности достичь успеха в своем родном городе. Попытка найти последователей в соседнем Таифе также не удалась: он был встречен жителями градом камней. По преданию, возвращаясь в Мекку, он для самоутраждения выступил с проповедью перед толпой джиннов.

Выход из создавшегося положения первые мусульмане нашли в решении переселиться в Иасриб-Медину. Это переселение (по-арабски — хиджра) произошло осенью 622 года.

Мусульманская община верующих в Медине

Иасриб, он же Медина, представлял собой обширный оазис, культурная площадь которого ограничивалась харрами с востока и запада и отрогами горной цепи с севера и юга. На равнине оазиса были разбросаны поселения местных племен и дары. Населенные пункты отделялись

один от другого возделанными полями, садами, огородами и пальмовыми рощами. Основное население оазиса составляли три «еврейских племени» — кейнука, курайза и надир — и два арабских — аус и хазрадж; также на территории оазиса жили мелкие племена и роды, находившиеся на положении, сходном с положением мекканских и таифских ахлаф. Достоверность старого предания, что мединские «евреи» были прямыми потомками переселенцев из Палестины, покинувших свою страну в I веке н. э., после Иудейской войны, подвергается сомнению. Мединские «евреи» (по крайней мере большинство из них) были коренными арабами, исповедовавшими иудейскую религию. Они говорили на арабском языке — возможно, на местном диалекте, в котором встречались древнееврейские слова и выражения; они были ценителями доисламской арабской поэзии и из их среды вышли некоторые арабские поэты. Их родоплеменная организация ничем не отличалась от арабской.

Мединские «еврейские» племена считались наиболее древними поселенцами Иасриба. Арабские племена аус и хазрадж, генеалогически связанные с южноарабскими племенами, появились в оазисе позднее, когда значительная (и, возможно, лучшая) часть его уже была занята «евреями». Последние занимались земледелием. Среди них были и ремесленники; особенно славилась качеством своих изделий ювелиры, изготавливавшие женские украшения, а также оружейники, продукцию которых охотно покупали бедуины. По некоторым данным, «евреи» сравнительно с арабами обладали более совершенными навыками и приемами обработки и орошения полей и садов, отличались большим трудолюбием и достигли более высокого материального уровня.

Можно полагать, что ауситы и хазраджиты, тоже занимавшиеся земледелием, ощущали недостаток в земельных площадях. Однако прямыми данными, показывающими, что они страдали от малоземелья, мы не располагаем. В самом оазисе и на участках между харрами имелось достаточно пригодной для обработки земли, но на ее возделывание, а главное, на орошение приходилось затрачивать много тру-

да. Между ауситами и хазраджитами нередко происходили столкновения, иногда переходившие в длительную вооруженную борьбу. Успех этой борьбы часто зависел от того, на чью сторону становилось то или иное «еврейское» племя.

В военном отношении мединские «евреи» были слабее арабов. Поэтому они мирились с положением людей, находившихся под покровительством и защитой то ауситов, то хазраджитов. Но, как и все исповедующие иудейскую веру, они связывали с грядущим пришествием мессии надежды на возрождение своего могущества и господства в недалеком будущем. Эти надежды «евреев» мединские арабы, по мнению ряда европейских арабистов, воспринимали как угрозу. Поэтому-то, дескать, они и приняли мекканца Мухаммеда в качестве своего пророка, который мог сыграть роль арабского мессии. Такое представление едва ли соответствует исторической действительности.

Суть дела заключается в том, что в арабских племенах Медины еще до возникновения ислама получило распространение христианство в форме одного из сектантских учений. Известно, что в этих племенах были монахи; некоторые из них принимали очень активное участие в вооруженных столкновениях между ауситами и хазраджитами. Самое название «ансар», как стали называться мединские последователи Мухаммеда, происходит от корня «н-с-р», как и «на-сара» — христиане.

Даже согласно мусульманскому преданию, ансары действовали в Медине за несколько лет до хиджры. Они, как христианские сектанты, не признававшие божественности Христа и считавшие его выдающимся пророком, вполне могли воспринять ислам с его догматами о едином боге и страшном суде. Переговоры между Мухаммедом и представителями мединских ансаров начались за два-три года до хиджры.

Мединские арабы были враждебно настроены к господствующей верхушке мекканских курейшитов. Основной причиной враждебности могло служить то, что хищные шупальца мекканских ростовщиков дотянулись и до Медины. Поэтому мединские арабы были готовы принять в свою среду проповедника единобожия, который враждовал с правите-

лями Мекки. Немаловажное значение могло иметь и то, что Амина, мать Мухаммеда, была родом из Медины.

Предприняв переселение в Медину к далеко не дружественным племенам, мекканские мусульмане порывали всякие связи со своими соплеменниками и сородичами и становились их врагами. Чтобы не оказаться в Медине в незавидном положении таридов, они выполнили формальный акт добровольного расторжения родственных связей. Этот акт «Сира» представляет как следствие разрешения, данного Мухаммеду его дядей Аббасом. В Медине мекканские переселенцы стали называться мухаджирами, то есть людьми, совершившими хиджру.

В Медине мухаджиры и ансары образовали особую организацию — умму («общину верующих»). Она отличалась от существовавших в Аравии объединений людей прежде всего тем, что ее основой служила принадлежность членов к одному вероучению. Во главе уммы стал человек, пользовавшийся авторитетом вероучителя и находившийся, по мнению его последователей, в постоянных сношениях с Аллахом. Это были надродовая и надплеменная организация, вступление в которую было открыто для всех, кто признавал ее вероучение. Входившие в нее единоверцы — муминун — были убеждены, что ими правит Аллах через своего посланника, который непосредственно от Аллаха получает распоряжения не только по политическим и общественным делам, но и по личным — например, таким, как отношения с женами.

Согласно «Сире», Мухаммед прибыл в Медину по приглашению представителей племени хазрадж и стал гостем этого племени. Но он не оказался в зависимом положении дахила, состоящего под покровительством чужого племени, а сразу занял независимое положение. Предание объясняет это тем, что он как глава мухаджиров и первых ансаров заключил договор с мединскими «евреями» и арабскими племенами.

Через несколько лет после хиджры все арабское население Медины уже вошло в состав мусульманской общины, а «еврейские» племена были выселены и частично истреблены. Мухаммед же как вероучитель, находившийся в постоянном

общении с Аллахом, стал выполнять функции правителя Медины, судьи и военачальника.

Верхний слой уммы составляли мухаджиры — из их среды вышли руководители общины; ансары, составлявшие большинство, находились в подчиненном положении. В Коране «верующим» — муминун — противопоставляются муслимун, то есть покорные, подчиняющиеся. Они политически зависели от общины, выполняли распоряжения ее руководства и платили закят (налог) в казну общины.

В Коране обращается серьезное внимание еще на одну категорию людей, которая, по-видимому, играла немаловажную роль в политической жизни Медины. Эти люди названы мунафикун, что обычно переводят словом «лицемеры». Оно может иметь также значение «колеблющиеся», «сомневающиеся». В Коране о них говорится с явной неприязнью и раздражением. «Лицемеры и лицемерки — одни от других: они внушают неодобримое и удерживают от признаваемого и зажимают свои руки. Забыли они Аллаха, и забыл Аллах про них. Поистине, лицемеры — они распутники. Обещал Аллах лицемерам, и лицемеркам, и неверным огонь геенны — на вечное пребывание там... И проклял их Аллах» (IX, 68–69). Разоблачению «лицемеров» и предостережению членов общины от их козней посвящена целиком сура LXIII, носящая заглавие «Лицемеры». Из этой суры видно, что мунафикун представляли оппозицию, выступавшую против руководства уммы. Они подвергали сомнению подлинность пророческой миссии Мухаммеда и были против снабжения его самого и его окружения материальными средствами; они состояли в умме, а потом вышли из нее — «они уверовали, потом стали неверными» (LXIII, 3).

В мединских сурах особое внимание обращено на регламентацию собственнических отношений. За покушение на права собственника установлено строгое наказание: «Вору и воровке отсекайте их руки в воздаяние за то, что они приобрели, как устрашение от Аллаха» (V, 42). Детально разработаны права наследников на имущество, оставшееся после смерти его владельца. В правилах раздела наследства предусмотрены все степени родства и свойства, точно уста-

новлены доли наследуемого имущества, которые имеет право получить каждый родственник и свойственник. Проявлена забота об имущественных интересах малолетних сирот: их опекунам запрещается, под страхом адских мучений, присваивать имущество сирот или растрачивать его, или заменять в нем «добротное негодным» (IV, 2). Опекунам малолетних и слабоумных предписано предоставлять опекаемым пищу и одежду и обращаться с ними приветливо («говорите им слово благое», IV, 4).

В области семейных отношений Коран освящает господствующее положение мужчин. Женщина не является совершенно бесправной, но подчинена мужчине и зависима от него. «Мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество перед другими, и за то, что они расходуют из своего имущества» (IV, 38). «Мужчины выше их [женщин] степенью» (II, 228).

В Коране нет и следа каких-либо пережитков матриархата и полиандрии; семья в нем всегда патрилокальна. Но Коран освящает и законодательно закрепляет твердо установившийся обычай многоженства. Следует обратить внимание на то, что разрешение многоженства в Коране связано с опекой сирот женского пола. «А если вы боитесь, что не будете справедливы с сиротами, то женитесь на тех, что приятны вам, женщинах, — и двух, и трех, и четырех. А если боитесь, что не будете справедливы, то — на одной или на тех, которыми овладели ваши десницы» (IV, 3). Этот не вполне ясный стих Корана предоставлял возможность для самых широких толкований. Но в любом случае в нем выражено одобрение моногамии. Это вполне отвечало имущественным отношениям и интересам муминун.

Коран освящает и другой широко распространенный обычай сожителства с рабынями. Такая связь даже предпочитается брачным узам с иноверкой: «Верующая рабыня лучше многобожницы» (II, 220). Ребенок от рабыни, признаваемый его отцом, пользуется теми же правами, что и дети от законных жен.

За нарушение супружеской верности Коран предписывает телесное наказание: «Прелюбодейку и прелюбодея — по-

бивайте каждого из них сотней ударов» (XXIV, 2). Виновные в таком нарушении брачного права могут вступать в брак только с подобными им правонарушителями или с многобожниками и многобожницами. Но обвинение в акте прелюбодеяния должно быть подтверждено четырьмя свидетелями-очевидцами. Те же, «которые бросают обвинение в целомудренных» и не могут привести четырех свидетелей, считаются клеветниками и получают по восемьдесят ударов плети. Если муж обвиняет свою жену в неверности и не может выставить четырех свидетелей, то обязан четырежды призвать Аллаха в свидетели и заявить, что на нем проклятие Аллаха, если он лжет. Однако обвиняемая им жена освобождается от обвинения и наказания, если она четырежды призовет Аллаха в свидетели своей невиновности и тоже заявит, что на ней будет тяготеть проклятие Аллаха, если она лжет (XXIV, 3–9).

Появление суры XXIV «Свет» и содержащихся в ней предписаний о поведении женщин мусульманское предание объясняет загадочным приключением Аиши. Эта молодая жена уже постаревшего Мухаммеда, сопровождая его в одном походе, отстала от отряда и появилась в его расположении только на другой день в сопровождении молодого араба, который, как они оба уверяли, подобрал ее на дороге. Конец пересудам и сплетням положило полученное Мухаммедом откровение Аллаха, вошедшее в данную суру.

Некоторые зарубежные ориенталисты замечают, что Коран смотрит на женщину глазами ревнивого мужа. Враждебно настроенные к исламу авторы (и прежде всего христианские миссионеры) объясняют предписания Корана о браке и семье преимущественно и даже исключительно чувственностью Мухаммеда, которая, по их представлениям, к концу его жизни приняла патологический характер. На самом же деле, как это видно из исторического предания, большинство браков Мухаммеда имело политическую подоплеку. Наибольшим влиянием пользовались его жены, бывшие дочерьми его двух наиболее близких и деятельных соратников — Абу Бакра и Омара; к этой же категории следует отнести и Зейнаб, разведенную жену его приемного сына Зейда.

Другие жены Мухаммеда были взяты из племен, с которыми он вступал в союзнические отношения или подчинял своей власти. В Медине Мухаммед одновременно состоял в браке с девятью женщинами⁶⁸. Возможно, что многоженство Мухаммеда было вызвано его положением правителя большого города — Медины.

В разводе Коран предоставляет преимущественное право мужу; расторжение брака происходит по его инициативе. Жена не имеет ни права, ни возможности прогнать неугодного ей мужа, а может только жаловаться на него. Коран, в котором на защиту имущества обращается гораздо больше внимания, чем на защиту личности, проявляет некоторую заботу об имущественных интересах разведенной жены, например: «И давайте женам их вено в дар». Однако если жена предоставит из вено что-либо мужу, он не должен отказываться (IV, 3). Этот стих впоследствии послужил многим мужьям основанием для вымогательства имущества и денег у своих жен. Коран не разрешает мужьям брать что-либо из того, что они отдали своим женам, но тут же делается оговорка со ссылкой на «ограничения Аллаха», позволяющая мужу брать выкуп с жены за развод (II, 229). Так же условно предписание Корана не удерживать насильно жену, получившую развод (II, 231).

Исключительное внимание уделяется в Коране точному установлению отцовства. Этим вызваны тщательно разработанные правила о выдерживании сроков, до истечения которых разведенной жене запрещается вступать в новый брак. Женщин, получивших развод, Коран ставит в такое положение, в котором они лишены возможности «скрывать то, что сотворил Аллах в их утробах» (II, 228). Соблюдение сроков, в течение которых разведенные жены и вдовы обязаны находиться в небрачном состоянии, служит надежной гарантией для точного определения, от кого происходят их дети. А это обеспечивает достоверное определение наследников, имеющих право на получение имущества после смерти его владельца.

Законодательство Корана предоставляет и обеспечивает мужчинам господствующее положение в семье и обществе.

Для обуздания и вразумления непокорных, строптивых жен мужу не только разрешается, но и предписывается ругать их, бить и лишать супружеской взаимности: «Тех [жен], непокорности которых вы боитесь, увещайте, и покидайте их на ложах, и ударяйте их» (IV, 38).

Неверных жен («тех из ваших женщин, которые совершат мерзость») Коран предписывает, если их неверность будет доказана четырьмя свидетелями: «держите их в домах, пока не успокоит их смерть или Аллах устроит для них путь» (IV, 19).

По Корану препятствием для вступления в брак служит не только кровное, но и молочное родство: запрещается жениться не только на своих матерях, сестрах и дочерях, но и на кормилицах и их дочерях, а также одновременно состоять в браке с двумя сестрами (IV, 26–27). Это тоже отвечало интересам собственников, так как кровосмесительные браки создавали осложнения при разделе наследства. Кроме того, арабы, конечно, заметили, что кровосмесительство приводит к вырождению.

Политика мединской общины

Во главе мединской «общины верующих» стоял «посланник Аллаха». Он пользовался непререкаемым авторитетом, как единственный представитель Аллаха на Земле, передававший людям не только божественную религиозную истину, но и распоряжения и предписания, связанные с политическими и общественными событиями и даже личными делами отдельных верующих. Арабо-мусульманские толкователи (муфассирун) Корана связывали отдельные суры и стихи этой книги с определенными историческими событиями, и их толкования воспринимали европейские биографы Мухаммеда и историки ислама. Эти толкования субъективны, так как в Коране нет ясного изложения событий, а имеются только намеки (иногда очень смутные) на них. Но вполне можно признать, что некоторые божественные откровения Корана являлись точным выражением

мыслей и намерений руководителей общины. Среди этих руководителей мусульманское предание на первое место выдвигает двух ближайших соратников Мухаммеда — Абу Бакра и Омара. Их воздействие на Мухаммеда представлено настолько активным и эффективным, что А. Шпренгер считал возможным признать Омара подлинным «основателем ислама». Во всяком случае, руководящий триумvirат в составе Мухаммеда, Абу Бакра и Омара пользовался наибольшей властью и влиянием в мединской общине.

Основным проявлением внешней политики мединской общины была борьба с Меккой за обладание ее святилищем и господство в Западной Аравии. По сведениям «Сиры»⁶⁹, Мухаммед уже в первый год своего пребывания в Медине посылал своих последователей на торговые пути с предписанием нападать на мекканские караваны. Первое время такие предприятия, возможно, имели главной целью захват добычи, которая могла бы послужить средством существования для неимущих и бездомных мухаджиров. Но уже в следующем году руководство общины начало экономическую войну с Меккой. Нападения на мекканские караваны не только обещали богатую добычу, но и нарушали нормальную торговую деятельность мекканцев, для большинства которых она была основным источником существования. Скоро мекканцы стали жаловаться, что «Мухаммед и его сподвижники сделали нашу торговлю одноглазой»⁷⁰, то есть вдвое сократили ее.

В 624 году мединские «верующие» тщательно подготовили нападение на большой мекканский караван, следовавший из Сирии. Но опытный и предусмотрительный начальник каравана Абу Суфиан заблаговременно сумел разгадать намерение мединцев и через гонца известил мекканцев об опасности, угрожавшей каравану. Мекканцы, заинтересованные в спасении своих товаров, спешно выступили для его защиты. У колодцев Бадра они встретили отряд Мухаммеда, от которого караван Абу Суфиана спасся, пройдя по дорогам красноморского побережья в Мекку. Между тем у Бадра завязалось сражение, в котором мекканцы потерпели поражение.

В следующем году мекканские курейшиты совместно с союзными бедуинами выступили против Медины. В это время в «общине верующих» наблюдалось несогласие и оживилась деятельность «лицемеров», а в результате часть войска Мухаммеда покинула его на походе, после выступления из Медины. Сражение при горе Оход (Ухуд) завершилось разгромом мединского войска.

В 626 году курейшиты решили воспользоваться своим численным превосходством, чтобы нанести решительный удар «общине верующих», и совместно со своими бедуинскими союзниками предприняли второй поход на Медину. Опасаясь нового разгрома, мединские арабы не вышли в поле, а предпочли применить оборонительную тактику. Арабское историческое предание придает исключительное значение новому тактическому приему мединцев: следуя совету перса Сальмана ал-Фариси, бывшего раба, ставшего мусульманином, они вырыли окоп, в котором засели их лучники. Такой невиданный в Аравии способ обороны лишил курейшитов возможности ввести в дело бедуинскую конницу.

Осада Медины затянулась. Зимние дожди и суровый северный ветер, как гласит предание, причиняли осаждающим много неприятностей и вызывали раздражение мекканцев, особенно бедуинов. Но главное заключалось в том, что эмиссарам мединских верующих удалось использовать старое недовольство бедуинских союзников Мекки зависимым положением от курейшитов, которое привело их к участию в тяжелой и бесполезной для них осаде Медины. Тайные переговоры представителей Мухаммеда с командирами отрядов сильного племени гатафан привели к уходу бедуинов из лагеря осаждающих. Мекканцы, оставшиеся в небольшом числе, были вынуждены снять осаду.

После этой неудачи мекканцев руководители «общины верующих» усилили свою деятельность в бедуинских племенах, привлекая их на сторону Медины. В то же время в господствующей верхушке мекканских курейшитов (по крайней мере среди ее наиболее дальновидных и реально мыслящих деятелей) создавалось правильное представление о действительном соотношении сил и о возможностях, которыми об-

ладали обе стороны. Трезвая оценка положения должна была вызвать у курейшитов стремление к соглашению с «общиной верующих» в лице Мухаммеда.

В 628 году мединские «верующие» совершили очень важный акт, имевший большие политические последствия. В сезон паломничества они отправились в хадж и тем самым показали, что Кааба признается ими как наиболее почитаемое святилище и что они считают для себя обязательным выполнение традиционных религиозных обрядов. Следовательно, исповедники новой религии и члены новой религиозной организации не покушались на умаление значения Мекки как религиозного центра.

В местечке Худайбии, недалеко от Мекки, вооруженный отряд курейшитов преградил путь мединским паломникам. Возможно, курейшитская верхушка опасалась возбуждения населения Мекки и опасных для нее беспорядков при появлении нежданных паломников. Тем не менее в Худайбии без особых трудностей было заключено письменное соглашение, по которому мединским верующим предоставлялось право в следующем году совершить хадж в Мекку.

Это соглашение, или «перемирие» (как его иногда называют), мусульманское предание расценивает как выдающуюся дипломатическую победу Мухаммеда. Важно было то, что господствующая верхушка Мекки признала «общину верующих» как равноправную сторону, как де-факто и де-юре существующую организацию.

Ко времени заключения Худайбийского соглашения «община верующих» уже владела всей территорией Мединского оазиса. Мухаджиры, составлявшие верхний, наиболее влиятельный слой общины, получили земли, жилища и имущество, отобранное у трех «еврейских» племен. Мусульманская феодальная историческая литература обращает большое внимание на религиозные разногласия между мединскими раввинами и Мухаммедом. Раввины обвиняли арабского вероучителя в незнании Торы; его проповеди на библейские темы нередко вызывали их насмешки, издевательство и злорадство. Мухаммед находил выход из затруднительного положения, обвиняя иудейских книжников

в фальсификации Священного Писания, в замене его различными вымышленными текстами. В Коране сохранились явные следы религиозных препирательств, которые свойственны представителям конкурирующих религий. «Среди них есть простецы, которые не знают писания, а только мечты. Они только думают. Горе же тем, которые пишут писание своими руками, а потом говорят: “Это от Аллаха”» (II, 73).

Но религиозные споры и пререкания, которые, конечно, усиливали взаимную неприязнь, не могли служить ни единственной, ни основной причиной выселения и частичного истребления «еврейских» племен в Мединском оазисе. Основной причиной враждебной политики руководства общины верующих по отношению к мединским «евреям» стало то, что последние владели хорошо возделанными землями, укрепленными поселениями и ценным имуществом, в то время как многие мухаджире все еще оставались нищими, продолжали жить в домах своих мединских побратимов и не имели оружия. Кроме того, между «верующими» и «евреями» наблюдалась не только религиозная рознь, но и политическая вражда. Мединские «евреи» не принимали участия в походах и сражениях «верующих», но сочувствовали мекканским курейшитам и поддерживали с ними тайные дружественные отношения.

Первым объектом нападения «верующих» в Медине явилось «еврейское» племя кейнука. После битвы при Бадре, в обстановке подъема и уверенности в своих силах, Мухаммед обвинил это племя в нарушении договора, заключенного в год хиджры. Это нарушение выразилось в ведении тайных переговоров с Абу Суфианом, главой мекканских курейшитов. Племя кейнука не оказало вооруженного сопротивления «верующим» и перебралось к своим единоверцам в Вадил-Кура, а затем переселилось в Адриа, в Сирии. Жилища и возделанные земли выселенного племени были переданы во владение нуждавшимся мухаджиров. В качестве добычи «верующие» захватили много мечей, копий, щитов и кольчуг, изготовленных ремесленниками изгнанного племени. Правда, позже выяснилось, что выселение кейнука привело

к нехватке нового оружия в Медине. Попытка обучить рабов изготовлению оружия не увенчалась успехом.

Второй жертвой той же политики стало «еврейское» племя надир, которое было выселено из Медины через полгода после битвы у горы Оход. Ему было предъявлено такое же обвинение, как и его ранее выселенным единоверцам. Но пострадало оно в большей степени, так как было вынуждено оставить верующим не только свою недвижимость, но и почти все движимое имущество. Оно переселилось в Хайбар, а затем, возможно, в Адриа, где уже обосновалось племя кейнука. Жилища и земли племени надир также достались мухаджирам. После этого неимущих среди мухаджиров не осталось.

Третье мединское «еврейское» племя — курайза постигла трагическая участь. После осады Медины оно было обвинено в предательстве, выразившемся в тайных сношениях с врагом, и подверглось очень жестокой расправе. Курайза попытались отсидеться в укрепленном поселении, но после пятнадцатидневной осады сдались на милость победителя. Мужчины племени были казнены, а женщины и дети обращены в рабство — их продали или обменяли на оружие у недждийских бедуинов. Вся собственность курайза поступила в распоряжение руководства «общины верующих».

Таким образом, «община верующих» стала самой многочисленной и сильной организацией в Мединском оазисе. Значение «лицемеров» как политической оппозиции после выселения «еврейских» племен значительно уменьшилось. В Худайбии Мухаммед противостоял мекканским курейшитам как глава организации, с военной силой и политическим влиянием которой они были вынуждены считаться.

Менее чем за два года — после Худайбийского соглашения и до сдачи Мекки мусульманам — войско мединской общины предприняло семнадцать военных экспедиций. Подробности военных действий, связанных с большинством этих экспедиций, не сохранились в мусульманском предании, а число участников в каждой из них не превышало нескольких сотен бойцов.

Весной 628 года был предпринят поход на Хайбар, в котором жили «евреи» — земледельцы, давшие приют племени

надир, изгнанному из Медины. Этот был военный набег с целью захвата добычи. Хайбар был земледельческим оазисом в 150 километрах к северо-востоку от Медины. Его население обитало в семи бурджах, каждый из которых представлял собой отдельную группу укрепленных жилищ. Эти бурджи один за другим были взяты мединским войском после непродолжительной осады. Согласно одной из версий предания, хайбарцы быстро пришли к соглашению с Мухаммедом. Они обязались предоставлять ему ежегодно половину урожая со своих возделанных полей и пальмовых рощ, за что он сохранил им жизнь и свободу, а также принадлежавшие им земли и жилища.

О разделе земель Хайбара между участниками похода не было и речи. Равным образом никто из членов мединской общины не выразил желания поселиться в Хайбаре и заниматься земледелием. Этот хорошо возделанный оазис рассматривался как общая добыча, а поступавшие с него натуральные доходы распределял глава общины; при этом, конечно, не забывались ни жены, ни приближенные пророка.

Земледельцы оазиса Фадак (которых, по необоснованной традиции, тоже относят к числу аравийских «евреев»), не ожидая нападения, сами предложили Мухаммеду заключить с ними такое же соглашение, какое он заключил с хайбарцами. Натуральные поступления с Фадака стали личной собственностью Мухаммеда, так как считалось, что жители Фадака подчинились лично ему, а не были покорены «с помощью лошадей и верблюдов»⁷¹.

Некоторые современные мусульманские историки полагают, что Мухаммед разработал вполне определенную концепцию «северной политики», которая выражалась в завоевательных планах в отношении Сирии и Палестины, и придерживался ее в своих практических действиях. Действительно, мелкие военные экспедиции предпринимались из Медины в северном, сирийско-палестинском, направлении одна за другой. Но нет оснований считать, что это было осуществлением преднамеренного плана завоеваний вне пределов Аравийского полуострова.

Гораздо более важными следует признать военные предприятия, направленные против большого племени хавазин, кочевья которого раскинулись в районе Таифа. Для обеспечения успеха в предстоявшей решительной борьбе с Меккой важно было установить мединское влияние в этом племени, а также использовать политическую ситуацию в Таифе. В племени сакиф, составлявшем в основном таифское население, наблюдалась борьба двух группировок — бену малик и ахлаф. Первая из них твердо стояла на позиции экономического и политического сотрудничества с мекканцами. Ахлаф же были противниками мекканской ориентации, вследствие чего могли рассматриваться как потенциальные сторонники Медины⁷². Стремление руководителей мединской общины подчинить своему влиянию и власти племени Северо-Западной Аравии, хавазин и Таиф можно рассматривать как проявление политики окружения Мекки. Такую же цель преследовало оживление сношений с Йемамой, где находился ханифский пророк Мусейлима.

Через два года после Худайбии многие бывшие бедуинские союзники Мекки оказались в зависимости от мединской общины. С некоторых из этих племен представители общины взимали налог закят, а в случае столкновения с мекканцами эти племена должны были выступить как союзники мединцев.

В Коране этим новым союзникам предоставлена определенно подчиненная роль в развивавшихся тогда военно-политических событиях. «Сказали бедуины: “Мы уверовали!” Скажи: “Вы не уверовали, но говорите: Мы покорились”, ибо еще не вошла вера в ваши сердца. А если вы будете повиноваться Аллаху и его посланнику, Аллах ни в чем не умалит ваших дел» (XLIX, 14). В данном стихе точно определяется различие между «верой» (иман) и «покорностью» или «подчинением» (ислам). Носителями первой из них были муминун — «верующие», члены мединской общины, а второй — муслимун, то есть покорившиеся или подчинившиеся, обязавшиеся повиноваться руководству мединской общины. В то время еще далеко не все муслимун обратились в новую религию; многие из них только подчинились руководству мединской «общины верующих».

После Худайбии перевес сил все определеннее оказывался на стороне мединской общины. Мекка утрачивала свое влияние на хиджазские племена. При таком положении трезвомыслящие мекканские курейшиты стали переходить на сторону мединцев. Как сообщает историческое предание, на следующий год после Худайбии, когда мухаджиры и ансары совершили хадж в Мекку, в их общину тайно вступили некоторые видные мекканцы. В числе их упоминается Халид ибн ал-Валид, командовавший курейшитской конницей в сражении при Оходе, а впоследствии ставший одним из наиболее выдающихся военачальников в период арабских завоеваний. Вместе с ним в общину вступил Амр ибн ал-Ас, также сделавшийся знаменитым военачальником и политическим деятелем.

Правящая верхушка Мекки, правильно оценив создавшееся положение, пошла на соглашение с руководством мединской общины. Абу Суфиан посетил Мухаммеда в Медине и заключил с ним договор (пока еще секретный) о сдаче Мекки при условии, что она останется религиозным центром новой религии. В ознаменование удачно завершенных переговоров Мухаммед взял в жены дочь Абу Суфиана. Этот брак, по обычаям того времени, являлся внешним выражением политического союза, заключенного двумя сторонами.

Предпринятый в 630 году поход мединских муминун и сопровождавших их бедуинских муслимун на Мекку и ее «завоевание» ими были только демонстрацией вооруженных сил «общины верующих», своего рода парадным шествием, которому никто не собирался оказывать сопротивления.

Как сообщается в «Сире», рано утром, когда мединское войско расположилось на ближайших подступах к Мекке, Абу Суфиан явился в палатку Мухаммеда, чтобы подтвердить условия ранее заключенного соглашения. Конечно, «Сира», написанная по заказу багдадского халифа, приписывает Аббасу, дяде Мухаммеда, необоснованно важную роль посредника и покровителя Абу Суфиана, с которым Омар и другие влиятельные мухаджиры будто бы хотели жестоко расправиться.

Показателен тот политический цинизм, который, согласно «Сире», проявлял предводитель мекканских курейшитов не только до, но и после окончательного сговора с Мухаммедом под Меккой. Абу Суфиан охотно принял догмат о единстве Аллаха; ведь под таким именем был известен и до ислама бог племени курейшитов. Но к догмату о божественном посланничестве Мухаммеда и его пророческой миссии этот многоопытный глава и представитель Мекки отнесся с явной иронией.

Сдача Мекки представителем господствовавшей в ней группы курейшитов вовсе не была безоговорочной капитуляцией этого города. Религиозное значение Мекки не только сохранялось, но и, как можно было надеяться, расширялось. Кааба становилась главным святилищем новой религии, а паломничество (хадж) к ней признавалось одной из основных обязанностей ее приверженцев. Все это сулило мекканцам новые и более высокие доходы от многочисленных гостей города. Идолы, стоявшие вокруг Каабы, были объявлены не имеющими значения и низвергнуты. Правда, некоторые европейские исследователи полагают, что их там не было; во всяком случае, число идолов не равнялось числу дней целого года, как это утверждает малодостоверное предание. Но и после низвержения идолов предметом почитания и культа остался знаменитый фетиш — Черный камень.

Главным же и наиболее существенным пунктом соглашения следует признать включение мекканцев в умму в качестве муминун, то есть равноправных с мухаджирами и ансарами членов этой организации. Как гласит мусульманское предание, Мухаммед стал оказывать этим неопитам явное предпочтение при разделе военной добычи. В ответ на недовольство своих мединских соратников Мухаммед объяснял такое предпочтение стремлением «привлечь их сердца» к новой вере.

Арабо-мусульманские историки явно упрощают и ускоряют ход событий, представляя дело так, что почти все арабийские племена обратились в ислам в течение одного «года делегаций». Согласно этому представлению, после «завоевания» Мекки делегации ближних и дальних племен со

всех концов Аравии устремились в Медину, чтобы заявить об обращении в ислам своих племен. Мухаммед направлял в эти племена своих уполномоченных, которым поручал разъяснять основы нового вероучения и собирать налог закят в казну «общины верующих». Такое упрощенное представление не согласуется с конкретными историческими фактами, сообщаемыми теми же историками.

Впрочем, после сдачи Мекки власть медино-мекканской общины очень быстро распространилась на окрестные племена, затем на район Таифа и на сам этот город. Племя сакиф, населявшее Таиф, сразу покориться не пожелало и выступило против Мухаммеда совместно с племенем хавазин. Сражение состоялось в долине Хунейн. Чтобы поднять невысокий дух своего войска, раис племени хавазин приказал поместить позади воинов их жен и детей. Но даже среди хавазин было немало противников сопротивления Мухаммеду. Таифские ахлаф обратились в бегство в самом начале сражения. Бену малик тоже скоро отступили, чтобы укрыться за стенами города. Таким образом, женщины, дети и скот стали добычей победителей.

В сражении в долине Хунейн против сакиф и хавазин выступило, по преданию, около 20 тыс. бедуинов, подчинившихся руководству меккано-мединской общины. Это сражение считается первым крупным выступлением бедуинов на стороне общины. Вскоре после сражения и непродолжительной осады пал Таиф, и там было разрушено святилище местной богини ал-Лат.

После этого на север было совершено несколько мелких походов, во время которых, по преданию, Мухаммед заключал соглашения с жителями населенных пунктов. Условия этих соглашений совпадают с обязательствами, которые брало на себя население в завоеванных арабами странах в правление «праведных» халифов. Поэтому вполне возможно, что подобные соглашения являются более поздним измышлением, чтобы оправдать авторитетом пророка податную политику, проводившуюся при первых халифах.

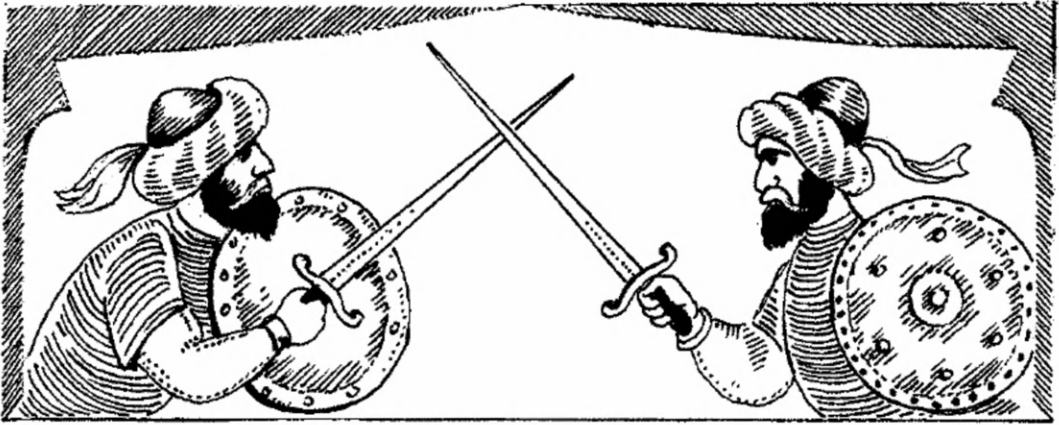
По сведениям арабского историка ал-Белазури, Мухаммед в последние два года своей жизни заключил соглашения

с жителями Табука, Айлы, Макны, Азруха и ал-Джербы, жители которых обязались платить поголовную подать. Жители Макны, бывшие «евреями», получили от Мухаммеда грамоту, в которой, между прочим, говорилось, что отныне ему принадлежат все наряды, рабы, лошади и кольчуги жителей, за исключением того, что он оставит им во владение. «Кроме того, — гласила грамота, — вы должны выдавать четверть урожая ваших пальм, четверть вашего рыбного улова и четверть того, что выпрядут ваши женщины»⁷³. Правда, тут следует оговориться, что подлинность этой грамоты, которая не сохранилась даже в копии, более чем сомнительна.

Так в Аравии возник ислам, новая идеология, отразившая существенные изменения в арабском обществе, а именно: имущественное неравенство, рабство и развитие обмена. Появление новой идеологии было вызвано образованием рабовладельческого уклада в разлагавшемся первобытно-общинном строе.

Одновременно с появлением новой идеологии возникла новая организация в виде «общины верующих», принципиально отличавшаяся от родовых организаций. Эта община стала организационной основой арабского государства.

Глава III Образование Халифата

Обширное государство, ставшее известным в Европе как Халифат, образовалось в VII веке и значительно расширилось в VIII веке в ходе арабских завоеваний, когда арабы подчинили своему господству народы цивилизованных стран Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки.

Источники

Основными источниками сведений по изучаемому нами периоду являются труды ат-Табари (умер в 923 году) и ал-Белазури (умер в 892 году). Первый из них в своем сочинении «История пророков и царей»⁷⁴ изложил «всеобщую историю», как ее понимали представители арабо-мусульманской историографии. Они начинали ее от «сотворения мира» и излагали мифы, связанные в арабо-мусульманских преданиях с именами библейских патриархов и пророков. Затем они приводили легендарные и исторические сведения о царях древнего Ирана и сасанидских шахиншахах,

почерпнутые из иранских источников. После всего этого они переходили к истории арабов и возникновению ислама. Как уже говорилось выше, изложение событий, связанных с деятельностью Мухаммеда, наполнено мифами и сказочными повествованиями о чудесах. Лишь когда дело касается событий, происшедших после смерти Мухаммеда, изложение становится свободно от суеверного представления о постоянном вмешательстве сверхъестественных сил в людские дела. Начиная с года хиджры «всеобщая история» ат-Табари приобретает форму летописи, где военные и политические события располагаются по годам мусульманской эры. Стремясь собрать как можно больше сведений, он, не стесняясь, включил в свое произведение несовместимые и часто взаимоисключающие друг друга сообщения об одном и том же событии. В таких случаях он предоставлял Аллаху разбираться, какое сообщение является подлинным, отделяясь сакраментальной фразой: «Аллах знает лучше всех». Ат-Табари точно указывает источники своих сведений, приводя иснады, то есть перечисления имен людей, передавших сообщение о том или ином событии, иногда на протяжении нескольких поколений, начиная со свидетельства участника или современника события.

Помимо собранных им самим материалов ат-Табари добросовестно использовал своды исторических преданий, составленные более ранними компиляторами (Абу Михнафом и др.). По обилию материалов труд ат-Табари занимает первое место среди источников по истории Халифата VII—IX веков. Но, к сожалению, это сырые материалы, собиратели которых не имели намерения подвергать их критике или хотя бы обобщению. Многотомное произведение ат-Табари служило основным источником для европейских историков-арабистов XIX века. Своего исключительно важного значения оно не утратило и в наше время.

Белазури — старший современник ат-Табари, в отличие от него не простой компилятор, а историк, критически подходящий к собираемым им материалам и делающий из них выводы. Для нас особенно важно, что в своем труде «Футух ал-булдан» («Завоевание стран»)⁷⁵, специально посвя-

щенном истории арабских завоеваний, Белазури собрал не только факты военно-политической истории, но и обратил серьезное внимание на очень ценные материалы, дающие представление об экономическом и социальном состоянии завоеванных арабами стран.

Помимо трудов этих двух наиболее выдающихся представителей арабоязычной мусульманской историографии раннего Средневековья заслуживают внимания исторические компиляции двух современников ат-Табари, написанные тоже в форме мусульманских «всеобщих историй». Это «Китаб ал-ахбар ат-тывал» («Книга длинных известий») Абу Ханифы ад-Динавари (умер в 895 году) и «История» ал-Йакуби (Якуби; умер в 897 году)⁷⁶. В этих произведениях встречаются упоминания о таких событиях и явлениях, которые отсутствуют в более обширных исторических трудах.

Замечательными источниками являются также произведения ал-Масуди, выдающегося историка, географа и путешественника (умер в 956 году). В его дошедших до нас сочинениях «Мурудж аз-захаб ва маадин ал-джавахир» («Промывальни золота и рудники самоцветов»⁷⁷) и «Китаб ат-танбих ва-л-ишраф» («Книга предупреждения и пересмотра») собрано много разносторонних сведений о культуре, быте и верованиях различных народов Халифата и стран, находившихся в экономических и политических отношениях с этим государством.

Все эти исторические произведения относятся к разряду нарративных источников. Европейские востоковеды не раз отмечали, что обилие материалов в источниках этого типа не возмещает почти полного отсутствия исторических документов. Счастливое исключение из всех арабских стран представляет Египет, в котором сохранились официальные и деловые документы, относящиеся к изучаемому нами периоду, в виде значительного количества папирусов. Правда, большинство до сих пор обнаруженных документов на папирусе происходит из Верхнего Египта, очень мало из них относится к Дельте, и нет ни одного, происходящего из Александрии.

Средневековые исторические сочинения, написанные хронистами в завоеванных и сопредельных странах, могут

быть привлечены в дополнение к произведениям арабских историков, хотя они и значительно уступают этим последним по количеству и ценности исторических сведений. Прежде всего достойны внимания хроники на греческом, сирийском и армянском языках.

Ар-ридда

Мухаммед умер в Медине в 632 году, в месяце раби ал-Мавваль⁷⁸ (число неизвестно). Получив известие о смерти пророка, один из кланов мединских ансаров изъявил готовность принести присягу верности своему собственному предводителю. Можно полагать, что этот клан более был недоволен благожелательной политикой Мухаммеда по отношению к новообращенным мекканским курейшитам.

На этом собрании ансаров было выставлено требование о предоставлении им равных прав и одинаковой власти с курейшитами. Ансары настаивали на том, чтобы во главе общины стояли два эмира — один от ансаров, другой от курейшитов. Мухаджиры, желая оставить ансаров в их подчиненном положении, не соглашались на бóльшую уступку, чем предоставить ансарам избрать из своей среды везира, то есть помощника, который будет состоять при эмире, избранном руководителями общины, но затем отказались и от этого.

Главой общины был провозглашен Абу Бакр, ближайший соратник Мухаммеда. Он принял титул «халиф», что значит «преемник», «заместитель». Положение в Аравии было очень смутным и тревожным — в разных районах появлялись пророки, и среди них даже одна пророчица. Как правило, это были выразители сепаратизма отдельных племен, не желавших признавать верховенство Медины.

Последующие мусульманские писатели присвоили этому движению племен название «ар-рида», придав этому слову специфическое значение — «отпадение» от ислама, «вероотступничество». На самом деле обращенные в ислам племена составляли меньшинство; большинство племен признавали их политическую власть или находились под влиянием ме-

динской общины, но продолжали придерживаться своих старых верований (многобожие, ханифизм или христианство) и отправлять соответствующие им религиозные культы. В некоторых племенах образовались группировки, склонные подчиниться влиянию Медины и принять ислам. Но были и такие, где вообще не имели никакого представления об исламе.

Л. Каэтани разделяет племена Аравии в смысле их отношения к «общине верующих» на четыре категории. В первую категорию он включает племена, находившиеся в прямом подчинении руководства медино-мекканской общины и обращенные в ислам. Это были племена джухейна, музейна, бали, асджа, аслам, хузейл, хуза и другие более мелкие, жившие в районах Медины и Мекки и на территории между этими городами. Во второй категории оказались племена Центральной Аравии — хавазин, амир ибн-сасаа, тай, сулейм. Эти племена находились под сильным политическим влиянием «общины верующих», но в них проявляли активность значительные группировки, противившиеся подчинению Медине. К третьей категории Л. Каэтани отнес племена, в которых влияние «общины верующих» еще только устанавливалось; мусульмане (муслимун) составляли в них незначительное меньшинство. Это были асад, гатафан и тамим. Четвертую категорию составили племена, сохранявшие свою политическую и идеологическую независимость. Это были ханифа в ал-Йемене, абд ал-кайс, азд и большинство племен в Йемене и Хадрамауте. Кроме того, не подверглись никакому влиянию общины верующих арабские племена, в которых широкое распространение получило христианство. Это были келб, кудаа, бахра, гассан, бекр ибн-ваил, танух, таглиб, а также некоторые политеистические племена в Махре, Хадрамауте и Йемене; в Йемене также наблюдалось значительное влияние иудейства.

Выразителями не только политической, но и идеологической независимости отдельных племен выступали местные пророки. Некоторые из них начали свою деятельность еще при жизни Мухаммеда. Самое упорное противодействие политике, проводившейся руководством «общины верую-

щих», было оказано в ал-Йемене, где развернул свою проповедническую и организаторскую деятельность местный вероучитель Мусейлима. Как мы видели, он был наиболее последовательным поборником арабийского единобожия — ханифизма. Даже мусульманское предание не могло скрыть его влияния на Мухаммеда в мекканский период. Во время своего пребывания в Медине Мухаммед поддерживал с ним дружественные отношения как с одним из своих единомышленников. Мусейлима оказал существенную помощь Мухаммеду, когда мединское войско готовилось к походу на Мекку. Используя свой религиозный авторитет, он задержал в ал-Йемене караван, который должен был доставить большой груз пшеницы в Мекку. Но, будучи идеологическим союзником Медины, он выступил решительным противником подчинения ал-Йемена руководству мединской «общины верующих».

Союзницей Мусейлимы выступила Саджах, претендовавшая на положение пророчицы и прорицательницы. Правда, о содержании ее проповедей ничего достоверного не известно. По отцу она принадлежала к племени тамим, а ее мать была из племени таглиб. Возможно, она была христианкой. Во всяком случае, она была знакома с христианским вероучением, широко распространенным в этих племенах. Прибыв с вооруженным отрядом из Месопотамии, Саджах вмешалась в междоусобную борьбу недждийских племен, но дважды потерпела военное поражение. После этих неудач она вступила в союз с Мусейлимой. Последующее мусульманское предание, в котором образ йеменского вероучителя подвергнут грубому искажению, представило этот союз в скабрёзном виде.

Противником политики руководителей мединской общины в Йемене выступил еще при жизни Мухаммеда местный деятель Айхала, или Абхала, известный под прозвищем ал-Асвад (что значит «черный»); его называли также Зулхимар — «человек под покрывалом». Он был представителем местного ханифизма, и его иногда называли «йеменским рахманом», подобно тому, как Мусейлиму называли «йеменским рахманом». Он возглавил восстание против иранского

господства в Йемене. Повстанцы быстро взяли Неджран, затем Сану. Находившиеся в этой стране агенты мединской общины бежали частью в Медину, частью в Хадрамаут. Вскоре после этого ал-Асвад был убит (возможно, сторонниками иранского господства).

В племени асад, в Центральной Аравии, в качестве военачальника и предсказателя выступал некто Тулайха. Он, видимо, не претендовал на выполнение пророческих функций. Свою военно-политическую деятельность, направленную против медино-мекканской общины, он также начал еще при жизни Мухаммеда. После его смерти он получил поддержку племени фазара и части племени тай. Его деятельность представляла угрозу для «общины верующих». Однако он потерпел поражение от Халида ибн ал-Валида, который учинил над приверженцами Тулайхи жестокую расправу. Те из них, что отказались принять ислам, были заживо сожжены. Самому Тулайхе удалось спастись бегством. Вскоре он принял ислам и активно участвовал в арабских завоевательных походах.

Таким образом, «ар-ридда» вовсе не была религиозным «отступничеством», так как большинство населения Аравии при жизни Мухаммеда не только не обратилось в новую религию, но и не признавало политической власти мединской общины. Точнее сказать, что «ар-ридда» представляла собой подчинение аравийских племен власти медино-мекканской общины, а затем использование их в завоевательных войнах. Подчинение, или «объединение», всех племен Аравии было завершено в правление второго «праведного» халифа — Омара ибн ал-Хаттаба (634—644).

Арабские завоевания

Еще до окончательного подчинения Аравии вооруженные силы медино-мекканской общины и примкнувшие к ним бедуинские племена начали вторжение в соседние цивилизованные страны. Арабские завоевания, в результате которых в VII и VIII веках было установлено арабское господство на

обширных территориях в Азии, Африке и Европе, совершались в несколько этапов. Первый этап проходил в правление первых трех «праведных» халифов — Абу Бакра (632—634), Омара (634—644) и Османа (644—656).

Осенью 633 года (или весной 634 года) три арабских отряда (по 7500 воинов в каждом) вторглись через Сирийскую пустыню (Бадийат ашшам) в Палестину и Сирию. По мере дальнейшего подчинения аравийских племен мединскому халифу эти отряды получали свежие подкрепления. Первые их столкновения с византийскими вооруженными силами произошли в Вади-л-Арабе, к югу от Мертвого моря, и в районе Газы. Слабые византийские гарнизоны, расположенные далеко не во всех населенных пунктах, и спешно набранные ополчения из местных жителей не смогли оказать арабам действенного сопротивления. Уже летом 634 года арабы взяли Буеру и нанесли поражения византийским войскам при Аджнадине (или Аджнадаине) и при Фихле. Жители палестинских и сирийских укрепленных населенных пунктов очень неохотно принимали участие в их обороне против арабских отрядов. Они предпочитали вступать в переговоры с арабскими военачальниками и открывать ворота своих поселений «с условием сохранить свою жизнь, свое имущество и своих детей и с условием уплачивать поголовную подать»⁷⁹. Византийские войска терпели поражение за поражением и, как правило, отсиживались за стенами больших городов. Исключением можно было бы признать стойкость византийского войска в сражении при Мардж ас-Суффаре в феврале 635 года, если бы подробности этого сражения не выглядели явным порождением фантазии. Так, по сообщению ал-Белазури, византийцы «вступили в такой ожесточенный бой, что кровь потекла в воду и мельница была приведена кровью в движение»⁸⁰.

Вторжение арабов в Южный Ирак, в пограничную область Хиры, началось еще до войны в ал-Йемене и имело характер набегов. После подавления сопротивления йеменских ханифов Халид ибн ал-Валид, под командованием которого осталось около 500 мединцев и мекканцев, привлек на свою сторону племя бекр ибн ваил и с его помощью взял Хиру.

Бекр ибн ваил было многочисленным и могущественным племенем, его кочевья простирались в Центральной Аравии от ал-Йемамы до северо-западного побережья Персидского залива. Значительную часть этого племени составляли христиане несторианского вероисповедания. Следовательно, мусульманское вероучение не могло служить для них побудительной причиной завоевательного похода. Но это племя имело длительный опыт стремительных вторжений в Южный Ирак, куда его подвижные отряды еще до возникновения ислама предпринимали набеги в поисках добычи. В 610 году такие отряды оказались в состоянии нанести поражение иранскому войску в сражении при Зукаре.

В марте 634 года Халид во главе конного отряда из 500–800 всадников по приказу из Медины совершил переход через пустыню и оказался под Дамаском. Арабские отряды заняли Гуту, район садов под Дамаском, и беспомощно стали под его стенами, не имея средств для взятия укрепленного города. У осаждавших не нашлось ни одной лестницы, чтобы взобраться на городскую стену. Тем не менее в сентябре 635 года после шестимесячной осады комендант и местный епископ под давлением городских низов сдали Дамаск арабам.

Поняв, что вторжение арабов обернулось крупными проблемами, византийское военное командование во главе с императором Ираклием сосредоточило большую армию в Северной Сирии. Помимо греков в ее состав вошли отряды сирийцев, жителей ал-Джазиры и Армении. Численность византийских войск, по, несомненно, преувеличенным подсчетам арабских историков, достигала 200 тыс. Общая же численность бойцов в арабских отрядах, по явно преуменьшенным сведениям тех же историков, не превышала 24 тыс. При приближении византийцев арабы, оставив Дамаск и другие города, отошли к реке Иармук (Ярмук), восточному притоку Иордана. Здесь 20 августа 636 года произошло генеральное сражение, в котором византийцы потерпели сокрушительное поражение, потеряв 70 тыс. убитыми. На боеспособности византийских войск отрицательно сказался разлад между греческими и армянскими частями, которые

еще накануне сражения вступили в вооруженный конфликт между собой. Кроме того, сирийские арабы под командованием гассанидского царя (малика) Джебела ибн ал-Айхама во время сражения перешли на сторону арабов⁸¹.

После разгрома византийцев на Йармуке арабские завоеватели стали полными властителями в Сирии. По преданию, император Ираклий, навсегда покидая эту страну, воскликнул в пограничном ущелье: «Прощай, Сирия! Какая это прекрасная страна для нашего врага!»

В 638 году, после двухлетней осады, арабам сдался Иерусалим, а в 640 году, после семилетней осады, — Кайсария (Цезария). Такая продолжительная осада объяснялась не столько военно-техническим убожеством арабов, сколько постоянной помощью, получаемой гарнизоном этого портового города из Византии по морю. Никакими средствами борьбы с византийским морским флотом арабы в то время еще не располагали.

В Ираке после взятия Хиры арабы потерпели несколько поражений в битвах с сасанидскими войсками и были вынуждены уйти из этого города и его области. Потрясающее впечатление производили на бедуинов иранские боевые слоны, которых они прежде никогда не видели. Но с конца 635 года перевес вновь оказался на стороне арабов, которые нанесли поражение иранским войскам при Бувейбе, на Евфрате, вновь взяли Хиру, а затем 31 мая или 1 июня 637 года одержали победу над большим иранским войском в битве при Кадисии. Через две-три недели после этого крупного сражения они вступили в столицу Сасанидов Ктесифон, который у арабов был известен под названием Мадаи. Его жители открыли арабам городские ворота, после того как шахиншах Йездигерд III и его придворные бежали.

Перемирие, заключенное арабскими военачальниками с иранским военным командованием, вскоре, как утверждали арабы, было нарушено иранцами. После этого арабское войско, продвинувшись на север, в 641 году взяло Мосул и нанесло иранцам поражение в большом сражении при Нехавенде, под Хамаданом. В 644–645 годах арабские отряды проникли через Белуджистан к границам Индии, в 649 году

взяли Истахр (древний Персеполь). Год смерти Йездигерда III, который был убит под Мервом в 651 году, считается конечной датой завоевания Ирака арабами. В этом году они дошли до Амударьи.

Еще ранее, после завоевания Сирии, арабы в 640 году вторглись в Армению и взяли ее столицу Двин; в 654 году они дошли до Тбилиси.

К завоеваниям в Африке арабы приступили после того, когда определились успехи арабского оружия в Сирии. Первое вторжение в Египет небольшой арабский отряд под командованием Амра ибн ал-Аса совершил в декабре 639 года. Старая версия, согласно которой этот военачальник самовольно предпринял поход в долину Нила, будучи недоволен своим подчиненным положением в сирийском войске, должна быть отброшена как совершенно несостоятельная. На самом деле этот поход был вызван неотложной необходимостью доставлять в Хиджаз зерно и другие виды продовольствия из плодородного Египта. Потребительские запросы Мекки сильно возросли после объединения Аравии, когда стало быстро увеличиваться число мусульманских паломников. Наблюдался также рост населения Медины, ставшей столицей арабских халифов.

В январе 640 года отряд Амра взял Фараму (Пелусий), после чего вышел к Нилу и, форсировав его, совершил набег на Файюм. В июне, когда прибыло подкрепление, арабы нанесли поражение под Гелиополем византийцам. Затем, в сентябре 640 года, они осадили Вавилон; эта крепость сдалась им в апреле 641 года. После этого арабы, двинувшись вниз по Нилу, приступили к осаде Александрии. В ноябре 641 года местный патриарх Кир (ал-Мукавкис) заключил с Амром соглашение о сдаче этой неприступной для арабов крепости. По соглашению египетская столица переходила в руки арабов после одиннадцатимесячного перемирия, которое было необходимо для эвакуации знатных и богатых греков, живших в этом городе. В сентябре 642 года, по завершении эвакуации, арабское войско вступило в Александрию. К этому времени арабские отряды уже проникли в Верхний Египет. В 645 году византийский флот ворвался в гавань

Александрии и высадил десант, вытеснивший арабов из города. Арабы вторично осадили его и летом 646 года взяли штурмом.

Из Египта арабские отряды предприняли набеги на соседнюю с ним Ливию. Не встретив сопротивления местных берберских племен и нанеся поражение византийским гарнизонам, они осенью 642 года взяли город Барку и подчинили область Киренаику. Из этой области они проникли на юг до Феззана и на запад до Триполи, который взяли в 643 году. В 647 году арабское войско под командованием Абдуллаха ибн Сада, наместника Египта, вторглось в Ифрикию (современный Тунис) и разбило византийцев под крепостью Сбейтлой.

Таким образом, арабы в течение двух десятилетий завоевали обширные территории, входившие в состав Византийской империи в Азии и Африке, и покорили все Иранское царство, положив конец самостоятельному политическому существованию этой могущественной державы.

Основными причинами военных успехов, одержанных арабами, следует признать экономическое истощение Византии и сасанидского Ирана, а главное, резкое обострение социальных противоречий в этих государствах. Население областей, в которых появились арабы-завоеватели, склонно было смотреть на них как на избавителей от тяжелого ига своих правителей. Арабы предлагали гораздо более сносные условия существования в случае подчинения их господству. Вследствие этого большинство населения завоевываемых арабами стран не только не оказывало им сопротивления, но подчас выступало их союзниками.

Объяснение военных успехов арабов пресловутым религиозным фанатизмом, якобы обуревавшим завоевателей, должно быть отброшено как совершенно несостоятельное. Известно, что бедуины, представлявшие основную часть арабского войска, не знали и не могли знать нового вероучения. Ведь составление Корана, первого произведения мусульманской религиозной литературы, началось в середине VII века, когда уже завершался первый этап арабских завоеваний.

Управление завоеванными территориями

В завоеванных странах арабы обнаружили такие социально-экономические отношения и такие формы собственности, которые не были еще известны в Аравии и были непонятными для завоевателей. Там, где господствовали раннефеодальные отношения, арабы не проявляли интереса к земле как средству производства. Все возделанные земли, оказавшиеся под их господством, они рассматривали как собственность «общины верующих». Завоеватели были заняты захватом добычи (в том числе пленных и заложников, которых они обращали в рабство) и взиманием дани и контрибуций. Они не стали вмешиваться в общественное производство покоренного населения, не пытались изменить существовавший строй. Земли остались во владении местных феодалов, духовенства и других землевладельцев. Прежние владельцы сохранили все свои права и привилегии по отношению к крестьянам, обрабатывавшим эти земли.

Находясь на более низком уровне общественного развития сравнительно с покоренными цивилизованными народами, арабы не могли сразу овладеть сложным аппаратом управления и эксплуатации. Да они и не видели надобности в этом, вполне удовлетворяя свои интересы захватом добычи и сбором дани с покоренного населения. Завоеватели оставили нетронутыми как социально-экономические отношения, так и административно-фискальный аппарат в завоеванных странах и заняли положение верхнего господствующего слоя, ставшего над местным феодальным обществом.

Халифат, то есть обширные территории, завоеванные арабами в Азии и Африке, в правление первых четырех «праведных» халифов представлял собой конгломерат областей с различными системами землевладения и эксплуатации покоренного населения. В Севаде (Южном Ираке) после покорения его арабами под их властью оказались четыре категории земель. Первую категорию составляли владения местных феодалов-дехкан. С населения своих поместий и де-

ревень дехкане получали ренту и взимали государственные налоги; кроме того, они выполняли некоторые административные и судебные функции. Завоеватели оставили эти земли во владении дехкан и сохранили их права и привилегии. Все осталось по-прежнему. Единственное различие состояло в том, что отныне подати поступали не к сасанидским правителям, а в байт ал-мал — мусульманскую казну. Арабы задалась целью получать с Севада ту же сумму податей, какую население этой области платило Сасанидам. Для определения этой суммы были использованы старые сасанидские кадастры, причем местные дехкане оказали арабам активное содействие.

Вторую категорию земель составляли владения шахиншаха (царский домен), его родственников и придворной знати, а также поместья дехкан, убитых в сражениях или покинувших свои владения. Эти земли (савафи), оставшиеся бесхозными, поступили в распоряжение халифа как главы мусульманской общины. Земледельцы, обрабатывавшие эти земли, были обязаны платить налоги непосредственно в байт ал-мал.

Третью категорию составляли земли, непригодные для обработки (например, болота и солончаки) или не обрабатывавшиеся вследствие неисправности оросительных сооружений. При последних Сасанидах, в условиях непрерывных византийских нашествий и дворцовых переворотов, правительство ослабило заботы о воспроизводстве. Вследствие этого происходили прорывы плотин и разрушение дамб, приводившие к заболачиванию целых земледельческих районов. Такие необрабатываемые земли в мусульманском праве стали называться «мертвыми землями». Землевладельцы и правительство стремились восстановить или заново построить оросительные сооружения, дабы сделать эти земли пригодными для обработки.

Четвертую категорию составляли земли, принадлежавшие городскому населению. Примером могут служить земли вокруг Хиры, Уллайса и многих других иракских городов. Их жители договорились с арабами об уплате им определенной ежегодной подати. За это завоеватели гарантировали им не-

прикосновенность жизни и имущества. Жители таких городов сохранили право распоряжения своей собственностью: принадлежавшие им земли они могли свободно продавать, закладывать или завещать.

Земледельческое и городское население, подпавшее под власть завоевателей, платило подушную и поземельную подати — джизью и харадж. Эти термины, непосредственно позаимствованные из иранской фискальной терминологии, в первом столетии существования Халифата чаще всего употреблялись как синонимы, имея значение просто «подать», хотя уже в то время каждое из этих слов иногда приобретало свой особый смысл.

Следует иметь в виду, что непосредственно после арабского завоевания в Севаде наблюдалась полная неразбериха в податном обложении населения. На практике отсутствовала единая система податей и их взимания. Это было связано не только с неспособностью арабов разобраться в сасанидской налоговой системе и наличием особых соглашений с городами и сельскими местностями, но и ловкими действиями иранских землевладельцев, охотно взявших на себя фискальные функции. Соблюдая свои интересы, они иногда утаивали от арабов существенные объекты податного обложения. Например, арабский военачальник Мунира в 22 году хиджры (642/643 год) обнаружил, что помимо площадей, засеянных пшеницей и ячменем, с которых поступали подати, имеется много земель под другими сельскохозяйственными культурами, с которых никаких налогов не взимается. И только после такого «открытия», более чем через десять лет после завоевания Севада, в байт ал-мал стали поступать подати с этих земель.

В Сирии (в состав которой тогда включали также Палестину и Ливан) арабы проводили ту же податную политику. Их военачальники охотно заключали соглашения с подчинявшимся им населением, от лица которого обычно выступало местное христианское духовенство. Основным пунктом каждого такого договора являлось обязательство покорившегося населения исправно вносить подати деньгами и натурой. При соблюдении этого условия арабы обещали местным жи-

телям сохранять их жизнь и свободу (то есть не обращать их в рабство), не превращать их имущество в добычу своих воинов, не разрушать их религиозных зданий и не превращать их в мечети, не препятствовать совершению богослужения. Податное население рассматривалось как находящееся под покровительством завоевателей. Поэтому, как рассказывают, арабы, вынужденные отступить из Дамаска и Химса при приближении армии византийского императора Ираклия, вернули жителям этих городов и их окрестностей недавно полученные с них подати. Такой невиданный и невероятный, по понятиям сирийцев, поступок арабы простодушно объясняли тем, что не смогут защищать людей, уплативших им подати.

В средневековой арабской историографии и правоведении образование Халифата, то есть превращение завоеванных территорий в якобы централизованное государство, приписывается «праведному» халифу Омару. Он представлен в образе выдающегося государственного деятеля, обладавшего исключительной политической мудростью, непреклонной волей и неистощимой энергией. Но особенно привлекательными чертами в характере этого правителя, ставшего предметом идеализации многих последующих поколений мусульман, были его скромность, мудрость, отвращение к роскоши, пренебрежение комфортом, соединенные с высоким сознанием долга и бескорыстным служением интересам ислама и мусульман. Даже в нашем столетии восточные историки и публицисты, придерживающиеся традиционных мусульманских взглядов и понятий, представляют этого халифа как «демократического правителя», достойного быть образцом для подражания во всех странах распространения ислама.

На самом деле халиф Омар выступает на исторической сцене как последовательный выразитель интересов руководящего слоя медино-мекканской общины верующих. Эти интересы совпадали с устремлениями господствующей верхушки бедуинских племен, подчиненных руководству мусульманской общины и составлявших основную массу завоевателей.

Конечно, нет никаких оснований предполагать, что первые халифы и подчинявшиеся им арабские военачальники руководствовались какими-либо заранее разработанными стратегическими планами завоеваний. Их военные успехи иногда представлялись им такими же неожиданными, как и покоренным народам. Инициатива заключения соглашений с завоевателями и их условия в большинстве случаев принадлежали представителям населения стран, подвергшихся нашествию арабов. Например, «жители Фихля засели в укреплениях; мусульмане осадили их; тогда они просили амана (пощады), предлагая платить поголовную подать и харадж со своей земли. И мусульмане даровали им аман с условием не трогать ни их самих, ни имущества их и не разрушать стен их»⁸². Когда арабское войско под командованием Абу Убейды проходило мимо Баальбека, жители этого города «просили пощады и мира». Арабский военачальник «заключил с ними мир с условием пощадить их жизнь, их имущество и их церкви»⁸³. Когда войско того же военачальника подошло к Химсу, «химсские жители заключили с ним мир с условием, что им оставят их жизнь, имущество, стену их города, их церкви и мельницы»⁸⁴.

Ставки денежных и натуральных податей, способы и сроки их уплаты, согласно заключенным соглашениям, были настолько разнообразны, что не представлялось возможным учесть их общую сумму и производить их распределение. Стремление ввести хотя бы относительный порядок во взаимоотношениях с покоренным населением заставило халифа Омара совершить поездку из Медины в Джабию (Южная Палестина) и держать здесь совет с арабскими военачальниками и предводителями племен, которые действовали в Сирии. Представление, что основной причиной поездки Омара в Палестину стало подписание соглашения об условиях сдачи Иерусалима, следует рассматривать как более позднюю выдумку.

На основании показаний арабских историков, дающих наиболее подробные сведения о ходе завоеваний (главным образом Белазури и ат-Табари), невозможно точно установить последовательность податной политики, проводив-

шейся руководством мусульманской общины. Но вполне ясна ее основная тенденция к повышению податных сборов и к увеличению повинностей, возлагавшихся на покоренное население. Так, по сведениям Белазури, «сначала поголовная подать в Сирии взималась в размере одного джериба и одного динара с каждой головы. Затем Омар ибн ал-Хаттаб положил взимать поголовную подать с владевших золотом — в размерах четырех динаров, а с владевших серебряными деньгами — в размере сорока дирхемов и разделил ее на разряды, приноровленные к богатству богатого, к недостатку недостаточного и к достатку достаточного человека». В соглашении, заключенном Халидом ибн ал-Валидом с жителями Дамаска, говорилось, что «каждый человек будет обязан вносить по одному динару поголовной подати и по джерибу пшеницы, уксус и оливковое масло для продовольствия мусульман». Позже Омар предписал обложить всех возмужалых («на всех тех, по которым прошла бритва») податью — в 40 дирхемов или в 4 динара с каждого. Кроме того, они были обязаны ежемесячно поставлять каждому арабскому воину, находящемуся в Сирии и в ал-Джазире, по два мудья (около 40 килограммов) пшеницы и по три киста (немногим более 1,5 литра) оливкового масла, а также некоторое количество жира и меда. Воины, находившиеся в Египте, получили право ежемесячно требовать от местных жителей трехдневного поста, а также по ирдаббу (около 200 литров) зерна и одежду.

Сведения источников о размерах и номенклатуре податей, взимавшихся арабскими завоевателями с населения Египта, менее определены по сравнению с тем, что нам известно о податном обложении покоренного арабами населения Сирии и Ирака. Можно признать вполне установленным, что первоначально арабы взимали с каждого взрослого египтянина по два динара подати в год. Женщины, дети, нетрудоспособные старики, нищие, умалишенные были освобождены от уплаты этой подати.

Можно предположить, что сначала монахи, жившие в монастырях своим трудом, и часть белого духовенства тоже не платили подати. Позднее, однако, население монашеских обителей тоже было обложено податями.

Сверх поголовной подати египетские землевладельцы вносили натуральную подать с каждого феддана посевов. Эта подать шла на кормление арабских воинов, стоявших в Египте. Кроме того, местные жители обязывались ежегодно поставлять им определенное количество одежды и обуви. С этой целью была проведена перепись, выяснившая число находившихся в Египте арабов.

Не вполне ясно, были ли землевладельцы помимо поголовной и натуральной поземельной податей обложены еще денежным поземельным налогом. Имеются сведения, что с каждого джериба возделанной земли помимо подати натурой взимался один динар деньгами.

Кроме того, при завоевании Египта арабы брали контрибуцию с населения некоторых городов. Так, например, патриарх Кир был вынужден единовременно заплатить завоевателям 13 тыс. динаров.

Не вмешиваясь в общественное производство, арабы оставили нетронутыми органы местного управления, в том числе судебные учреждения и полицию. Они предоставили населению самому заботиться о благоустройстве населенных пунктов, исправном состоянии дорог, мостов и колодцев.

Составление списков податного населения и учет податей, поступавших в байт ал-мал, были поручены прежним служащим фискального ведомства. Они не только регистрировали податные поступления, но и распределяли их среди арабов. Делопроизводство, как и до завоеваний, велось на персидском языке в Севаде, на греческом — в Сирии и на коптском (наряду с греческим) — в Египте.

В правление Омара был составлен диван. Это слово персидского происхождения в то время означало список, или реестр. В диван вносились отдельные лица и племена, за которыми было признано право на получение денежных средств, взимаемых с покоренного населения. Первое поколение мусульман полагало, что все подати целиком принадлежат завоевателям, то есть они не проводили различия между добычей, захваченной после сражения, и плодами податной эксплуатации покоренного населения. К завоеванным землям, которые обрабатывало покоренное подат-

ное население, равно как и к взимавшимся с него податям, применяли термин «фей» и понимали его как синоним слов «ганима» (добыча) и «харадж» (поземельная подать). Таким образом, по представлению мусульман, все полученное с покоренного населения должно было быть распределено среди мусульман.

Первые строки дивана были заполнены именами вдов пророка во главе с Аишей, которой впоследствии присвоили почетное прозвище «мать верующих». Каждая из этих женщин ежегодно получала из казны по несколько десятков тысяч дирхемов. За именами вдов в диване следовали имена «сподвижников пророка» (ас-хаб, или сахаба), сначала — мухаджиров, затем — ансаров. После них в списке стояли названия племен, принимавших участие в завоеваниях и находившихся на покоренных территориях.

В мединское казначейство и в провинциальные байт ал-мал поступали одна пятая часть учтенной добычи, контрибуции и подати. Значительная часть этих сумм и средств присваивалась наместниками, военачальниками и предводителями племен, которые благодаря этому быстро богатели и приобретали вкус к роскоши и расточительству. В виде добычи и сверх ее арабская родовая аристократия захватывала много пленных воинов и мирных жителей, которых обращали в рабство.

Другим видом живой добычи становились, по сути дела, неомусульмане — маула, или «мавла» (множественное число — мавали). Это были люди из коренного населения, обратившиеся в ислам. Но принятие ислама, религии завоевателей, не ставило их в равноправное положение с арабами-мусульманами. Последние, поселяясь в завоеванных странах или продолжая вести завоевательные войны, сохраняли свою родоплеменную организацию и не забывали своих старых межплеменных связей. Местный житель, ставший мусульманином, выпадал из своей общины, но, не будучи арабом и не состоя в кровном родстве с завоевателями, он не мог стать полноправным членом какого-либо арабского рода или племени. Согласно староарабским порядкам и обычаям, сохранявшимся при наличии родоплеменной организации,

он мог вступить в нее только в качестве человека, ищущего защиты и покровительства.

Обычно новообращенный мусульманин-неараб поступал под покровительство какого-либо влиятельного члена того или иного арабского племени и становился его маула (так, напомним, называли раба, получившего освобождение от рабства, но продолжавшего находиться под покровительством своего бывшего господина или членов его семьи). Маула был обязан периодически подносить подарки своему господину или обслуживать его в соответствии с тем ремеслом, которым он занимался. Представители арабской родовой аристократии обычно выступали в поход, сопровождаемые толпой своих мавали, состоящей из ремесленников самых разнообразных специальностей, а также людей «свободных» профессий, в том числе врачей, писцов-секретарей, астрологов и даже поэтов. Арабские правители и военачальники рассматривали всех их как часть добычи, дарованной им Аллахом.

Военное дело, службу в войске арабы считали своим исключительным правом и обязанностью. «Воинство ислама» состояло из ополчений арабских племен. Средствами существования арабских воинов служили помимо добычи подать натурой, доставлявшаяся местным населением в арабские военные лагеря, и денежные выдачи, поступавшие из байт ал-мал. Существуя за счет покоренного населения, большинство арабов, поселившихся в завоеванных странах, не занималось никаким производительным трудом. К занятию земледелием арабы приступали крайне неохотно. Арабские поселенцы-земледельцы в завоеванных странах являлись очень редким исключением.

Арабская родоплеменная организация предохраняла завоевателей от смешения с покоренным населением; иначе они растворились бы в его массе. Арабы предпочитали селиться в военных лагерях. Каждый такой лагерь представлял собой площадь в виде круга, обнесенную земляным валом. Внутри лагеря можно было проникнуть через одни из четырех ворот, обычно расположенных по странам света. От ворот к центру лагеря шли прямые дороги, выходившие на площадь. В сек-

торах, образованных дорогами, стояли палатки, в которых жили члены отдельных родов или мелких племен. Как и в бедуинском становище, соседство обуславливалось родством.

Антисанитарные условия в военных лагерях превращали эти поселения в очаги повальных болезней, которые причиняли арабам гораздо больший урон, чем самые кровопролитные сражения. Жуткую известность получила эпидемия чумы, вспыхнувшая в 639 году в лагере Амвас, между Яффой и Иерусалимом. От этой «амвасской чумы» погибло не менее 20 тыс. арабов.

Около арабских военных лагерей, с внешней стороны вала, селились местные жители. Их привлекала возможность заработать, обслуживая арабов. Около лагерей быстро возникали слободы, населенные ремесленниками, лавочниками, мясниками и люмпен-пролетариями, среди которых встречалось немало жуликов, воров и проституток. В дальнейшем на месте вала строились кирпичные стены с оборонительными сооружениями, а за ними на месте палаток — постоянные жилые и общественные здания. Торгово-ремесленные слободы превращались в окраины этих быстро разраставшихся населенных пунктов. Так создавались новые города, становившиеся важными экономическими, политическими и культурными центрами, — Басра (в 637 или 638 году) и Куфа (в 636 году) в Ираке, Фустат (в 640 году) в Египте, Кайруан (в 670 году) в Тунисе. Эти новые города обладали особенно притягательной силой для неомусульман, покидавших свои общины в сельских местностях.

В старых городах, сдавшихся арабам или взятых силой оружия, завоеватели селились в отдельных кварталах, покинутых местными жителями. Иногда арабы изгоняли горожан, чтобы обеспечить жилищами своих воинов.

В состав своих вооруженных сил аравийские арабы обычно не включали выходцев из покоренного населения, в том числе и принявших ислам. Но арабские племена, выселившиеся за пределы Аравии еще в доисламские времена и обратившиеся в христианство под влиянием своих новых соседей, сразу же включились в военные предприятия завоевателей, прибывших из Аравии. Особенно значительную военно-по-

литическую роль играли христианские арабские племена Сирии и Иордании в первом веке мусульманской эры.

Завоеватели-мусульмане проявляли широкую веротерпимость не только к христианам и иудеям, которые в Коране названы «людьми (обладателями) писания», то есть божественного откровения, но и к зороастрийцам, манихеям, сабиям и другим «многобожникам». Эта веротерпимость имела реальное основание: принявшие ислам первое время иногда освобождались от подушной подати, что приводило к уменьшению податных поступлений в казну.

Представление о массовом обращении покоренного населения в ислам уже при первых халифах следует признать преувеличенным. На самом деле исламизация иноверческого населения в Халифате была длительным процессом. Так, например, в IX веке в Египте подавляющее большинство населения составляли местные христиане (копты). Мусульмане стали численно преобладать здесь не ранее XIII века. Но и в дальнейшем в Египте оставалось значительное христианское (коптское) меньшинство, которое существует и в наше время.

В Иордании ныне имеется христианское меньшинство, причем христианство здесь исповедуют не только оседлые земледельцы и горожане, но и некоторые местные кочевые племена. Это прямые потомки тех арабов, которые обратились в христианство еще до возникновения ислама. В современном Ливане не менее половины населения является христианами, принадлежащими к различным церквям. Но никогда не наблюдалось случаев принятия христианства мусульманами (за самым редким исключением).

Арабские завоевания и установление власти арабов в цивилизованных странах ускорили и осложнили процесс экономического и социального расслоения в арабском обществе. Верхний слой этого общества, обладавший военной и политической властью, присваивал непропорционально большую часть добычи и податей, в то время как на долю многих рядовых воинов оставались лишь трудности и лишения в походах. Еще при халифе Омаре один арабский поэт сказал: «Мы участвуем в одних и тех же походах и возвращаемся из них; почему же те живут в изобилии, а мы остаемся в нищете?»⁸⁵.

При этом халиф Омара сам никогда не располагал большими средствами и даже порой неподдельно удивлялся огромным суммам, поступавшим из завоеванных стран в виде податей и добычи. Так, когда его наместник в Бахрейне вернулся в Медину и заявил, что привез 500 тыс. дирхемов, халиф спросил его: «Понимаешь ли ты, что говоришь?» Тот ответил: «Да, пять раз по сто тысяч». Значительная часть этих средств попадала в сундуки наместников и военачальников. Вскоре после завоевания Египта халиф Омар писал Амру ибн ал-Асу, своему наместнику в этой богатой стране: «Распространились слухи, что ты владеешь продуктами, рабами, посудой и скотом, которых не было у тебя, когда ты был назначен на пост правителя Египта». Податные поступления с населения Египта в то время исчислялись суммой в 2 млн динаров, а затем возросли до 4 млн. При Омаре из Севада поступало 80 млн дирхемов в год. При Османе, преемнике Омара, в 27 году хиджры (647/648 год) из Африки поступило податей на 2,5 млн динаров.

Обращение пленных в рабство также было одним из средств обогащения арабской родовой аристократии. Рабы в то время (особенно в бывших византийских провинциях) играли очень важную роль в общественном производстве. Белазури сообщает, что «число взятых в плен в Кайсарии дошло до четырех тысяч человек. И когда Муавия прислал их Омару ибн ал-Хаттабу, то он приказал поместить их в ал-Джурфе, а затем роздал их сиротам ансаров, некоторых же назначил писцами и поместил их в мусульманские податные учреждения на пользу мусульманам»⁸⁶. Нуба сдалась осадившим ее арабам, обязавшись поставлять им по 400 рабов ежегодно. Поставка рабов была формой подати, которая уплачивалась населением некоторых завоеванных областей.

Особенную склонность к приобретению богатства и власти проявляли члены мекканского рода омейя, которые в свое время вели упорную борьбу против мединской общины верующих, а затем вступили в нее, выторговав себе выгодные условия. Они приобрели сильное влияние среди руководства мусульманской общины еще при жизни Му-

хаммеда, а после его смерти приняли деятельное участие в завоевательных походах.

При Омаре представители рода омейя получили в свое владение Сирию, и Йазид, сын Абу Суфиана, занял положение ведущего военачальника в этой стране. После его смерти во время амвасской чумы наместником Сирии стал его брат Муавия.

В 644 году, после убийства Омара, павшего от руки иранского раба, халифом стал Осман ибн ал-Аффан, также принадлежавший к роду омейя. В свои молодые годы, еще до возникновения ислама, Осман был очень богатым человеком, получавшим крупные денежные средства от выгодных ростовщических операций. Среди мекканцев он был известен как большой любитель благовоний, породистых лошадей и молодых рабынь. Это не помешало ему стать одним из ранних последователей Мухаммеда. Осман женился на одной из его дочерей, а после ее ранней смерти взял в жены другую дочь пророка, за что получил почетное в глазах мусульман прозвище — «дважды зять посланника Аллаха».

Его склонность к приобретательству получила особенно благоприятную возможность для проявления, когда он стал халифом. Он построил себе в Медине каменный дом с дверями, сделанными из редких пород дерева, приобрел в том же городе много недвижимого имущества, в том числе сады и водные источники. Большие доходы приносили его имения с плодовыми деревьями в Вади-л-Кура, Хунейне и других местах; они оценивались в 100 тыс. динаров, не считая имевшихся в них больших табунов лошадей и верблюжьих стад. После смерти Османа в его личной казне насчитали 150 тыс. динаров и 1 млн дирхемов⁸⁷.

Приумножая свои богатства за счет мусульманской казны, Осман предоставлял возможность пользоваться ею и некоторым ближайшим соратникам Мухаммеда, которые, в свою очередь прославляли халифа за его щедрость и благородство. Так, аз-Зубайр ибн Аввам, один из наиболее известных сподвижников пророка, построил доходные дома в Куфе, Басре, Фустате и Александрии. Его имущество оценивалось в 50 тыс. динаров. Кроме того, он имел тысячу лошадей и столько же

рабов. Другой сподвижник, Талха ибн Убайдуллах, построил большой доходный дом в Куфе и приобрел земельные владения в Ираке, с которых ежедневно получал 1000 динаров дохода. Он тоже построил в Медине роскошный дом из кирпича и ценного дерева. Еще один видный сподвижник — Абдаррахман ибн Ауф построил себе обширное и богатое жилище. В его конюшнях насчитывалось до сотни лошадей, а на пастбищах — тысяча верблюдов и 10 тыс. овец. В общем, страсть к обогащению была широко распространена среди приближенных халифа Османа⁸⁸.

Быстро накопленные богатства уже в то время порождали сильно преувеличенные слухи об их размерах. Так, некоторые утверждали, что наследство аз-Зубайра оценивалось в 35 млн дирхемов, а другие уверяли, что оно достигало 52 млн.

Открытое расхищение мусульманской казны вызывало протест со стороны тех сподвижников пророка, которые полагали, что все поступавшие в нее средства принадлежат мусульманам и должны равномерно распределяться среди них. Из таких противников имущественного неравенства особенно выделялся Абу Зарр ал-Гифари, которого, по преданию, пророк ставил в пример другим мусульманам. В период завоеваний он отправился в Сирию, где публично осуждал наместника и военачальников за присвоение добычи и податей, являвшихся, по его мнению, «имуществом Аллаха», принадлежавшим всем мусульманам. Дошло до того, что Муавия попросил халифа Османа убрать из Сирии этого опасного агитатора, который приобретал все большую популярность среди рядовых мусульман. Отозванный Османом Абу Зарр поселился в Медине и здесь стал выступать с резкой критикой деятельности халифа, когда узнал, что тот из средств мусульманской казны щедро одарил своего племянника Мервана ибн ал-Хакама, его брату ал-Харису ибн ал-Хакаму выдал оттуда же 300 тыс. дирхемов, а Зейду ибн Сабиту — 100 тыс. дирхемов. За получение такого рода незаконных дотаций Абу Зарр, ссылаясь на Коран, обещал им всем пребывание в адском пламени. В конце концов халиф приказал выслать непримиримого «смутьяна» в захолустное

место, где тот и умер в крайней бедности — у его вдовы не хватило средств, чтобы его похоронить.

В правление халифа Османа (644—656) его родственники и прочие представители мекканской рабовладельческой родовой аристократии стали захватывать правительственные посты и земельные владения в завоеванных странах. Историческое предание особенно отрицательную роль отводит его племяннику Мервану. Пользуясь старческой слабостью и слабоволием своего дяди (который стал халифом в возрасте около 70 лет), он захватил бразды правления в Медине и всячески потворствовал самовольным действиям жадных и хищных родственников. Получившие назначения на посты наместников и военачальников, эти люди прежде всего приступили к присвоению земель, находившихся в распоряжении халифа и считавшихся собственностью мусульманской общины. В Севаде они обратили в свои владения часть савафи и быстро освоили ранее практиковавшиеся на них способы феодальной эксплуатации. В Сирии они захватывали государственные земли и обрабатывали их путем применения рабского труда.

Такие земельные захваты наряду с хищениями, вымогательствами и насилиями, чинимыми этими правителями, вызывали все возрастающее недовольство среди мусульман. Заметнее всего его выражали те сподвижники Омара, которые при Османе были смещены с влиятельных и доходных постов. Их поддерживали арабские племена (главным образом в Ираке), которые терпели убытки из-за произвольного расходования государственных средств ставленниками Османа.

Сам Осман также подавал дурной пример произвольного расходования государственных средств. Так, когда его дочь вышла замуж за Абдуллаха ибн Халида, он предписал выдать новобрачным 600 тыс. дирхемов из басрийского байт ал-мал. Когда из Ифрикии было прислано 3000 кантаров золота (более 400 килограммов), Осман приказал отдать это золото семейству Мервана.

В конце концов недовольство вылилось в открытый протест со стороны прибывших в Медину под видом паломни-

ков мусульман из Куфы, Басры и Египта. Он был поддержан мединцами и перерос в восстание, которое завершилось убийством Османа.

Халифом повстанцы провозгласили Али, двоюродного брата и зятя Мухаммеда, мужа его дочери Фатимы. Но Али встретил противодействие со стороны влиятельной группировки разбогатевших к этому времени сподвижников пророка и, конечно, со стороны родственников убитого халифа. К первой группировке, во главе которой стояли Талха и аз-Зубайр, примкнула Аиша, вдова Мухаммеда. Так началась острая борьба за власть, принявшая вооруженный характер. Али сравнительно легко подавил сопротивление этой группировки, не располагавшей значительными силами и не имевшей солидной социальной опоры. Войско Талхи и аз-Зубайра было разбито в 656 году при Хурейбе, под Басрой. Они оба были убиты, а Аиша попала в плен. Это сражение принято называть «верблюжьим», так как Аиша сидела в паланкине на верблюде.

Гораздо серьезнее было сопротивление аристократии рода омейя, которая пришла к власти и овладела обильными источниками обогащения при Османе. Ее возглавил Муавия, наместник в богатой Сирии, располагавший большой военной силой и средствами.

В противостоянии с этим могущественным противником Али мог рассчитывать на арабские племена в Ираке, которые выступали носителями общинно-демократических представлений и порядков, отождествлявшихся с личностью и деятельностью халифа Омара. Тем более что, став халифом, Али заявил о своем намерении править в духе политики Омара. Он смещал наместников, поставленных при Османе, и отбирал захваченные ими земельные владения. Не находя в Аравии достаточных сил и средств для борьбы и надеясь обрести надежную военную и социальную опору в Ираке, Али перенес свою резиденцию в Куфу.

В 657 году при Сиффине, в ал-Джазире, на правом берегу Евфрата, произошло крупное сражение между сирийскими войсками Муавии и иракскими войсками Али. Ни той, ни другой стороны не удалось достичь решительного успеха.

Арабские историки утверждают, что важную роль в исходе битвы сыграла хитрость Амра ибн ал-Аса, находившегося в войске Муавии. Видя, что сирийскому войску грозит неминуемое поражение, этот «завоеватель Египта» предложил воинам Муавии поднять на копьях и мечах листы рукописей Корана и призвал противников прекратить кровопролитие, а спор предводителей разрешить мирным путем на основании предписаний священной книги. Уступая настоятельному требованию влиятельных приверженцев, Али принял это предложение. Правда, имеются основания для сомнений в возможности подобного эпизода. Некоторые военные историки считают просто невозможным самый факт обращения к противнику (да еще с листами Корана, вывешенными на оружии) в ходе развернувшегося сражения⁸⁹.

Вскоре после битвы при Сиффине в лагере Али состоялось выступление хариджитов, которых принято считать первой, наиболее ранней сектой, возникшей в среде мусульман. Традиционное мусульманское представление о причинах возникновения хариджитов весьма наивно. Арабские историки изображали их первое поколение как наиболее ревностных мусульман, последовательных поборников равенства, существовавшего в общине верующих при жизни Мухаммеда и будто бы сохранявшегося при его первых двух преемниках. Они называли себя «людьми поста и молитвы», строго соблюдавшими предписания Корана. Хариджиты полагали, что Али нарушил одно из основных предписаний Корана, когда согласился предоставить третейскому суду решать вопрос о своем праве быть халифом, и выдвинули лозунг «ля хукма илля лиллах» — «судить может только Аллах».

Решительные противники уступчивой политики Али, которую они считали соглашательской, около 12 тыс. хариджитов покинули лагерь халифа под Куфой и направились к Багдаду, в то время небольшому населенному пункту на левом берегу Тигра. Уход их отрядов, не желавших более подчиняться Али, послужил основанием для объяснения широко распространенного, но несостоятельного значения названия «хариджиты». Многие до сих пор полагают, что оно происходит от арабского глагола «хараджа», что значит

«вышел», «ушел». Отчасти они правы, но только отчасти. Название хариджитам дали их противники, и происходит оно от того же глагола, но со следующим за ним предлогом «ая», придающим ему значение «вышел на кого-либо», «выступил против кого-либо», «восстал», «возмутился». Следовательно, подлинное значение слова «хариджит» соответствует русскому слову «повстанец».

Возникновение движения хариджитов стало выражением развития противоречий в арабском обществе. Имущественное и социальное положение рядовых членов арабских племен, составлявших вооруженные силы Халифата, быстро ухудшалось, тогда как родовая аристократия умножала свои богатства. Сыграл свою роль и такой фактор, как необходимость соблюдения военной дисциплины, о которой арабские племена в своих родных кочевьях в Аравии не имели никакого представления. В обстановке походов и сражений дисциплина, как бы слаба и относительно она ни была, давала верхушке племен дополнительную возможность для подчинения своих соплеменников.

Представители самого старшего поколения мусульман стремились проводить политику, соответствовавшую интересам родовой демократии, — ее выразителем был халиф Омар. При Османе позиции аристократии еще более укрепились. Возведение в халифы Али дало надежду на перемены, но, как выяснилось после битвы при Сиффине, и Али изъявлял готовность пойти на соглашение с аристократией. Все это неизбежно вызывало недовольство у простых воинов.

Движение хариджитов при его возникновении было непосредственным продолжением восстания, которое привело к смерти халифа Османа. Среди первых хариджитов было немало находившихся в войске Али «чтецов Корана», то есть пропагандистов раннего ислама, для которых молитва, пост и религиозная проповедь были профессиональными занятиями. Но эти «чтецы» вовсе не составляли (как иногда полагают) основного ядра хариджитского войска. Посланец халифа Али, отправленный в лагерь хариджитов в Нахраване, так описывал этих сектантов: «Я видел среди них людей, у которых лбы были покрыты ссадинами и язвами от про-

должительных земных поклонов, а руки напоминали ремни верблюжьей сбруи; на них были чисто выстиранные рубахи, и все они как будто куда-то спешили».

Но не молитвы и посты привлекали народные массы к хариджитам, а их демократические принципы, за осуществление которых они боролись с оружием в руках. Первым пунктом их политической программы было провозглашение суверенитета «общины верующих», то есть совокупности всех мусульман. Они утверждали, что халиф должен получать верховную власть от общины, и обязательно выборным путем. Если же он не отвечает своему назначению, проводит политику, не соответствующую интересам общины, то ее представители имеют право не только низложить его, но и убить. При этом вовсе не обязательно для халифа происходить из племени курейш, к которому принадлежал Мухаммед. По мнению хариджитов, на пост халифа может быть избран и курейшит, и араб из другого племени, и неараб, и даже, как они говорили, «раб-эфиоп», если он известен как благочестивый мусульманин.

Хариджитские идеологи сформулировали некоторые положения своего вероучения, оправдывавшие нетерпимость и фанатизм. Важным пунктом, получившим большое практическое значение, стал догмат, согласно которому вера в Аллаха и выполнение религиозных обрядов не гарантируют верующему спасения и не обеспечивают ему райских наслаждений после смерти. Для обеспечения спасения вера обязательно должна сопровождаться делами и сочетаться с ними. Делами же хариджиты считали осуществление принципов своего учения путем непрестанной вооруженной борьбы против халифа и поставленных им властей.

Всех мусульман, не признававших этого догмата, хариджиты считали необходимым отлучить от «общины верующих» и называли их кафирами (неверными), против которых необходимо вести джихад (священную войну). При такой прямолинейной установке жертвами хариджитского фанатизма иногда становились самые мирные люди.

Хариджиты угрожали выступить против Али, и из-за этого он не возобновил военные действия против Муавии, когда

в 658 году третейское разбирательство ни к чему не привело. Вместо этого Али решил раз и навсегда разобраться с хариджитами и двинулся с войском, которое значительно превосходило их силы, к Нахравану. Но прежде чем начать военные действия, он объявил всем хариджитам амнистию, и это вызвало колебание в их рядах. Многие из них — возможно, даже большинство — покинули военный лагерь своего эмира Ибн Вахба. Часть хариджитов присоединилась к войску Али, часть вернулась в Куфу, другие ушли в Иран, а некоторые отправились в Мекку. Под знаменем Ибн Вахба осталось только 2800 наиболее упорных и непримиримых. Дав друг другу обещание «встретиться в раю», они устремились на войско Али и почти все были уничтожены в разгоревшемся сражении. Однако и после поражения при Нахраване движение хариджитов не прекратилось. Вскоре хариджиты, вернувшиеся в Куфу, ушли из нее и совместно с хариджитскими отрядами, действовавшими в Ираке и Иране, возобновили борьбу с приверженцами Али.

По преданию, хариджиты, оказавшиеся в Мекке, приговорили к смерти Али, Муавию и Амра ибн ал-Аса, чтобы освободить место для своего ставленника. В 661 году им удалось покушение на Али, который умер от ран, нанесенных ему отравленным кинжалом при входе в мечеть в Куфе. Охота на Муавию и Амра ибн ал-Аса успеха хариджитам не принесла.

Глава IV Халифат Омейядов

Источники

При характеристике источников, которыми пользуются при изучении истории арабских стран периода господства Омейядов (660—750), прежде всего следует иметь в виду, что арабоязычная историография создавалась в IX—X веках, в правление династии Аббасидов. Особые религиозно-политические претензии этой династии получили свое выражение и в исторических трудах. Историки проявляли предвзятое, тенденциозное отношение к Омейядам, как к светским государям, охранявшим и поддерживавшим традиции джахилии, и противопоставляли им Аббасидов как «богом благословенную династию». Также следует иметь в виду, что интересующие нас историки жили и писали свои труды в Ираке и оказывали предпочтение материалам проаббасидского (и, следовательно, антиомейядского) предания.

Наиболее обильные и разнообразные сведения содержатся в «Истории» ат-Табари и двух сочинениях ал-

Белазури — «Футух ал-булдан» («Завоевание стран») и «Ан-саб ал-ашраф» («Родословия знатных»). В дополнение к ним следует привлекать сообщения, содержащиеся в сочинениях ал-Масуди.

Большое значение как исторический источник имеют произведения арабоязычной географической литературы. Особую ценность эта литература приобретает благодаря содержащимся в ней материалам по экономической истории арабских стран в эпоху Средневековья. Исчерпывающие сведения об этой литературе содержатся в труде И. Ю. Крачковского «Арабская географическая литература»⁹⁰.

Очень большой (но не исчерпывающий) материал из арабоязычных источников собран Л. Каэтани в «Летописи ислама»⁹¹. Этот материал расположен по годам мусульманской эры и снабжен ценными библиографическими и историческими примечаниями.

Для изучения периода Омейядов большое значение сохраняет труд Н. А. Медникова «Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам». В нем в русском переводе даны относящиеся к Сирии, Ливану и Палестине (Израилю и Иордании) сообщения арабоязычных историков и географов. Переводам предшествует обстоятельное и ценное источниковедческое исследование.

Сравнительно с арабоязычными источниками о периоде Омейядов исторические произведения на других языках представляют гораздо меньший и сравнительно незначительный интерес. Византийские, армянские, сирийские и западноевропейские писатели дают об этом периоде скудные и далеко не всегда достоверные сведения.

Образование Омейядского халифата

Девяностолетнее господство династии Омейядов вполне можно выделить в особый исторический период. Такое выделение основывается не только на том политическом

факте, что (как полагал немецкий востоковед Ю. Вельхаузен, автор наиболее крупной и содержательной монографии по истории Омейядского халифата) Омейяды олицетворяли господство арабов в завоеванных ими странах, составивших обширный Халифат, и что с падением этой династии прекратилась арабская гегемония над различными покоренными народами в Азии, Африке и Европе. Гораздо важнее те социально-экономические изменения, которые происходили в Халифате в период господства Омейядов и привели к торжеству феодальных отношений у всех народов Халифата, в том числе и у арабов. В течение этого периода под влиянием феодальных отношений в завоеванных странах происходил процесс превращения рабовладельческой арабской родовой аристократии в господствующий класс феодалов. Таким образом, время военно-политического господства Омейядов мы имеем основания рассматривать как переходный период в истории многонационального общества средневековых арабских стран.

Собственно говоря, первым Омейядом был халиф Осман, а его преемником стал Муавия ибн Абу Суфиан, который в 660 году в Иерусалиме был провозглашен халифом преданными ему сиро-арабскими племенами. Следовательно, 660 годом и надлежит датировать начало династии Омейядов. Более года в Халифате шла борьба за верховную власть двух халифов — Али и Муавии. Если не делать уступки мусульманской правоверной традиции, нет никаких исторических оснований считать начальной датой династии Омейядов 661 год, в котором был убит четвертый «праведный» халиф Али.

Омейядский халиф Муавия по сравнению со своими политическими противниками располагал гораздо более солидной экономической базой и более надежными военными силами. Еще в правление халифа Омара он стал полновластным и несменяемым наместником богатой и цивилизованной Сирии. Более двадцати лет занимая это место, он стал признанным главой арабской родовой аристократии в Сирии, сумел наладить хорошие отношения с ее населением и обеспечить себе его поддержку.

Положение Сирии при Суфианидах

Омейядских халифов обычно разделяют на две родственные ветви. Одну из них составляли Суфианиды, называвшиеся так по кунье (составной части имени) отца Муавии I. Это Муавия (660—680), его сын Иазид I (680—683) и его внук Муавия II, умерший от чумы в 683 году, через несколько месяцев после вступления на престол. Вторая ветвь, сменившая Суфианидов на халифском престоле, известна как Мерваниды, по имени Мервана, четвертого халифа династии Омейядов.

Муавия еще в бытность наместником Сирии обеспечил себе, своим родственникам и соратникам солидную материальную базу. Путем земельных захватов он стал крупнейшим землевладельцем. Ко времени арабских завоеваний в Сирии — этой стране развитого ирригационного земледелия — наблюдалось сокращение культурных площадей и частичный упадок сельскохозяйственного производства как вследствие разрушительных ирано-византийских войн, так и вследствие фискальной политики императора Ираклия. Частичное разрушение государственной и общинных систем искусственного орошения, бегство и гибель земледельцев в ряде районов сократили численность сельских жителей. Возделанные земли, на которые перестала регулярно поступать питавшая их влага, превратились в пустоши. Эти бесхозные земли сделались первым объектом захватов арабской родовой аристократии. Новые владельцы направляли на них многие тысячи пленников и заложников, обращенных в рабство в ходе завоеваний за пределами Сирии. С помощью и под руководством сирийских инженеров, мелиораторов, гидрологов и агрономов заброшенные земли снова превращались в нивы, сады, огороды и виноградники.

Земельные владения византийского императора и его сановников, ставшие бесхозными после арабского завоевания, также, как мы уже знаем, сделались объектом захватнических поползновений новых господ Сирии. Муавия создал себе весьма обширный домен и стал одним из крупнейших зем-

левладельцев и рабовладельцев в Халифате. У него остались также фамильные земельные владения в Хиджазе. В этих владениях насчитывалось, по неполным данным, 4000 рабов.

Об основном источнике рабовладения арабской родовой аристократии того времени можно судить по следующему показательному примеру. Когда в 70-х годах VII века (то есть в правление халифа Муавии I) арабы взяли Бухару, их военачальник Сайд ибн Осман, эмир Хорасана, присвоил себе много пленных и несколько заложников из местных землевладельцев. Эту живую добычу он приказал отправить в Хорасан, а оттуда — под Медину, где ему принадлежали земельные владения. В Медине, как сообщает Нершахи (историк Бухары, X век), Сайд приказал своим гулямам отобрать у богатых заложников находившиеся при них золото, серебро, дорогие одежды и оружие, выдать им одежду из грубой ткани и заставить их обрабатывать землю. Эти бухарские землевладельцы жаловались, что завоеватели обратили их в рабство и поручили им очень тяжелую работу.

Вооруженной опорой династии Омейядов служили сиро-арабские племена. Согласно принятым у них родословиям, они переселились в Сирию, Палестину, Заиорданье и Ирак в IV—V веках из Южной Аравии. Под влиянием местного арамейского населения они восприняли некоторые элементы местной культуры и обратились в христианство. В течение двух-трех столетий, предшествовавших возникновению ислама, они устанавливали все более тесные контакты с византийской и иранской администрацией и военным командованием и накануне арабского вторжения входили в состав вспомогательных вооруженных сил Ирана и Византии.

Сиро-арабские племена принадлежали к двум основным группам арабских племен — кельбитам (по-арабски — бену-кельб; другое название — йемениты) и кайситам (бену-кайс; другое название — низариты). Между этими двумя группами еще со времен джахилии шла почти непрерывная борьба за политическое преобладание, иногда выражавшаяся в кровавых междоусобных столкновениях.

Во всех провинциях Халифата эта борьба вызывалась не только старыми, неразрешенными спорами, неудовлетво-

ренными претензиями и кровными счетами, но и различными политическими программами. Кайситы как носители старых бедуинских традиций и военно-политических навыков ограничивали цели своего господства захватом добычи и сбором дани с покоренного населения; они не разрушали ни производства, ни культуры этого населения и относились к нему с полным безразличием. Кельбиты же, не отказываясь ни от добычи, ни от дани, выступали сторонниками сотрудничества с покоренными народами и усваивали элементы их культуры.

Омейяды, как один из родов племени курейш генеалогически принадлежали к кайситам. Но по политическим соображениям, учитывая реальное соотношение сил в Сирии, они опирались на кельбитов. Чтобы установить с ними родственные отношения, Муавия женился на Меймуне, принадлежавшей к одному из кельбитских племен. Она заняла положение его главной жены и стала матерью Йазид, будущего халифа. Йазид впоследствии женился тоже на кельбитке.

Сирийские кельбитские племена были гвардией Суфианидов. Муавия приказывал выдавать им повышенное жалование, не скупился на подарки их предводителям, устраивал им угощения и завещал своему сыну не отягощать их гарнизонной службой, а также предоставлять им отпуска, чтобы они побольше времени проводили в кочевьях со своими женами и способствовали численному росту своего потомства.

Омейяды как типичные представители арабской родовой аристократии не вмешивались в общественное производство покоренного населения. Они вполне удовлетворялись поступавшими в свою казну податями и таможенными сборами, получая помимо этих поступлений большие доходы от своих земельных владений. Правда, иногда они проявляли интерес к состоянию системы искусственного орошения, но только ради повышения налоговых поступлений в казну. Прочие заботы они всецело предоставили коренному населению.

При арабском господстве особенно возросло общественное значение сирийского христианского духовенства. С падением византийского господства в Сирии прекратились преследования инославных христиан, противников греко-

византийского православия. Это, несомненно, улучшило положение различных местных церквей — монофизитов, несториан, маронитов и др. Кроме того, христианское духовенство сохранило судебные функции, выступало сборщиком податей со своей паствы и гарантом ее платежеспособности (а это усиливало его влияние и приносило ему доходы), ведало школами. Можно сказать, что в Сирии оно служило опорой господства Омейядов, и не случайно монастырям арабо-мусульманские власти предоставляли значительные податные льготы. Тут, правда, следует иметь в виду, что в то время многие христиане считали ислам не особой религией, а одной из христианских сект.

Омейяды пользовались популярностью среди сирийского коренного населения. Это объясняется тем, что уже в правление Муавии, который избрал Дамаск своей резиденцией и сделал столицей Халифата, Сирия стала пользоваться преимуществами престольной провинции. Она была опоясана кордоном таможен, которые охраняли сирийские ремесла от конкуренции продукции ремесленников, ввозимой из других провинций Халифата. В то же время сирийские изделия находили сбыт в Ираке и Иране, доступ в которые открылся после ликвидации ирано-византийской границы.

Тем не менее говорить о всестороннем процветании в Сирии, как А. Ламменс, нет никаких оснований. Известно, что уже при Суфианидах сирийское население периодически страдало от голода, который наряду с эпидемиями приводил к массовой гибели людей, особенно в городах. Причины периодически наступавших голодных лет еще не выяснены. Но хорошо известно, что аппарат выкачивания податей действовал бесперебойно, причем ни уровень производства, ни экономическое положение населения в расчет не принимались.

Способы эксплуатации земледельческого населения Сирии при Суфианидах оставались такими же, как и в период завоеваний. Наплыв рабов, поступавших с театров военных действий, предоставлял дополнительные возможности для обогащения арабской аристократии, но, видимо, не способствовал быстрому развитию сельскохозяйственного производства.

Служба в войске была обязанностью и привилегией арабов — не только мусульман, но и христиан. За эту службу они получали из халифской казны денежное жалованье и материальное довольствие, вполне обеспечивавшие их существование. Для содержания большого войска из кочевых племен и флота на складах собирались обильные запасы, создававшиеся за счет натуральных податей. К ремеслам арабы относились с пренебрежением, считая их занятием рабов. Все отрасли ремесленного производства оставались в руках зиммиев, как собирательно называлось немусульманское население. Зиммии же занимались торговлей, ростовщичеством и другими денежными операциями, а также поставляли служащих в государственный аппарат и в фискальные учреждения. Делопроизводство по-прежнему велось на греческом языке.

Арабы еще не имели своей интеллигенции. Людьми свободных профессий и интеллектуального труда — архитекторами, врачами, секретарями, специалистами по земледелию и ирригации — были исключительно выходцы из коренного населения. Наряду с христианами среди них были иудеи, тоже пользовавшиеся свободой вероисповедания. Это были евреи, отдаленные предки которых поселились в Сирии во время диаспоры. Большинство их занималось различными ремеслами, а некоторая часть — торговлей.

Сирийцы, принявшие ислам и оказавшиеся в положении мавали, обслуживали арабскую аристократию. Грамотный маула, пользовавшийся доверием своего патрона, мог не без выгоды служить у него в качестве секретаря, казначея, домоуправителя, управляющего имением.

Большую роль в производстве — и не только в ирригационном земледелии — играли рабы. Много рабов было занято ремеслами. Широкое распространение получило оброчное рабство в условиях которого раб жил и работал вне дома своего владельца и лишь регулярно вносил ему денежный оброк (дариба).

Положение рабов и крестьян, видимо, не ухудшилось по сравнению с тем, в каком они находились при византийском господстве. Во всяком случае, до нас не дошли сведения о ка-

ких-либо их восстаниях в Сирии при Суфианидах. Поэтому, вероятно, и хариджиты, весьма активно действовавшие в то время в Ираке и Иране, не обрели массовой поддержки среди крестьянства и городского плебса в суфианидской Сирии. Халифы чувствовали себя здесь достаточно прочно. Они располагали вполне надежными и боеспособными вооруженными силами, какими были преданные им кельбитские племена. Кроме того, Суфианидов поддерживали местные землевладельцы, богатое купечество, греко-сирийская интеллигенция, верхний слой ремесленников и христианское духовенство.

Арабо-византийские отношения

При Суфианидах арабские племена продолжали завоевательные действия в Закавказье, Средней Азии и Восточном Иране. Арабские вооруженные силы, находившиеся в Сирии, были нацелены на борьбу с соседней Византией. Малая Азия превратилась в арену постоянных арабских набегов, имевших грабительский характер. Почти каждое лето арабские подвижные отряды предпринимали более или менее глубокие вторжения в Малую Азию не только в поисках добычи, но и с целью овладеть ближними подступами к Константинополю. Муавия I в качестве основной задачи своей внешней политики ставил захват этого великолепного города.

В 668 году арабы впервые появились на азиатском берегу Босфора. Зимние холода при отсутствии теплой одежды, острый недостаток продовольствия, чума и дизентерия опустошали арабский лагерь. Тем не менее, когда из Сирии были направлены свежие подкрепления под командованием Йазида, сына халифа, арабы приступили к осаде византийской столицы. Но взять Константинополь, бывший в то время первоклассной крепостью, они, не имея осадной техники, не смогли. Летом 669 года осада была снята. В 673 году арабы предприняли второй, гораздо лучше подготовленный поход на Константинополь. На этот раз сухопутное войско сопро-

вождал сирийский военный флот, и византийская столица была блокирована с суши и моря. Осада затянулась на целых пять лет и была снята только после того, как византийцам удалось разгромить арабский флот.

Муавия хорошо понимал, сколь необходим флот в разгорающейся борьбе в Византией. При полном господстве византийцев в Восточном Средиземноморье оно находилось под постоянной угрозой с моря, и эту угрозу можно было отвести, только построив свои корабли. Кроме того, создание флота отвечало интересам сирийско-арабского купечества, занимавшегося морской торговлей с Западной Европой. Однако строительству флота в Сирии решительно противодействовал халиф Омар, который, как говорили, считал недопустимым доверять души мусульман плавающим мокрым доскам. Поэтому создавать флот начали лишь при халифе Османе, когда Муавия стал безраздельным хозяином Сирии. Кораблестроителями были опытные в этом деле жители ливанского побережья, потомки древних финикийцев. Материалом им служил ливанский кедр. Из них же под командованием местных капитанов комплектовались экипажи.

С появлением флота возможности арабов в осуществлении своей завоевательной политики значительно расширились. Арабский десант, высаженный с сирийских кораблей, захватил Кипр. Во время второго похода на Константинополь сирийскому флоту удалось проникнуть до Босфора и Золотого Рога. В дальнейшем он держал византийские корабли на почтительном удалении от берегов Сирии и Египта.

Отношения Сирии с другими странами Халифата

При Муавии I Халифат не был единым государством с централизованным управлением. Военачальники и наместники областей действовали совершенно бесконтрольно. Правда, эти представители родовой аристократии арабских племен, назначаемые халифом на высокие посты, исправно присылали в Дамаск пятую часть военной добычи и пода-

тей. Из остававшихся четырех пятых большую часть они, конечно, присваивали себе. Египет был отдан в полное распоряжение Амра ибн ал-Аса, которому приписывали такое циничное заявление: «Я не намерен держать за рога корову, чтобы ее доил другой». С Ираком же дамасскому халифу пришлось вести настоящую войну. Действовавшие там шииты и хариджиты не признавали его власти. Шииты, опиравшиеся на арабские племена, поддерживавшие Али, признавали своим верховным руководителем — имамом — его сына Хасана, мать которого Фатима была дочерью пророка Мухаммеда. Муавию они считали узурпатором, преступным захватчиком верховной власти. В свою очередь Муавия не признавал халифом Али и предписал проклинать его в мечетях.

Европейские востоковеды нередко характеризуют шиитов как мусульманских «легитимистов», так как они рассматривали в качестве законных государей только прямых потомков пророка. Но похотливый ханжа Хасан, хотя и был прямым потомком Мухаммеда, явно не подходил на роль имама — он не проявлял ни желаний, ни способностей вести борьбу с халифом. Муавии без труда удалось устранить его с политической арены, гарантировав ему достаточно большие поступления с савафи в Ираке. После этого Хасан с удовольствием ушел в «частную жизнь».

Хариджиты нашли широкую социальную базу в Ираке и Иране (их поддерживали не только мусульмане, но и многие иноверцы) и вели со всеми, кто не желал принять их принципов, непримиримую борьбу. Они не признавали авторитета ни дамасского халифа, ни шиитского имама и при этом выбрали своим орудием покушения. Вероятно, по этой причине Муавия за свое двадцатилетнее халифство ни разу не посетил Ирак.

Наместники Муавии в Ираке и Иране проводили такую же политику, какую он проводил в Сирии. Они пытались привлечь на сторону Омейядов коренное население, особенно мавали, и делали все, чтобы усилить военную дисциплину в арабских племенах, на которых опирались в борьбе с хариджитами. Наместником Муавии в Ираке был Зийад ибн-абихи, выходец из таифского племени сакиф, с кото-

рым мекканский род омейя еще в доисламские времена состоял в тесных экономических и политических отношениях. Отец Зийада не был точно известен, но людская молва приписывала отцовство Зийада знаменитому Абу Суфиану, отцу Муавии. Оценив выдающиеся ум и характер этого человека, удачно выполнявшего поручения халифа Али, Муавия официально признал его своим братом. Этим актом он превратил Зийада в одного из своих наиболее преданных и исполнительных сторонников. Зийад был назначен наместником в Басру, затем под его управление были отданы также Куфа и все восточные страны Халифата. Пользуясь полной самостоятельностью в управлении и безграничным доверием Муавии, он стал фактически соправителем дамаского халифа.

Скрытая оппозиция Омейядам гнездилась в мусульманских священных городах — в Мекке и особенно в Медине. Эти города стали пристанищем для сподвижников Мухаммеда и его ближайшего потомства, которые были оттеснены от участия в политической жизни. С перемещением столицы Халифата в Дамаск, при экономическом и политическом преобладании завоеванных стран в обширном государстве, Хиджаз сохранил только религиозное значение. Еще оставшиеся в живых мухаджиры и ансары, не имея иных занятий, предавались делам благочестия в надежде на вкушение райских наслаждений. Свой невольный досуг они заполняли выполнением религиозных обрядов, чтением Корана и собиранием материалов о жизни и деятельности пророка. Последнее занятие приобретало все больший социально-политический смысл и значение. Наиболее предпочитаемыми поставщиками преданий о жизни Мухаммеда, облакаемых в отдельные рассказы (хадисы), выступали его вдовы, соратники и современники. Первоначально эти предания, впоследствии составившие объемистые сборники сунны, хранились (как в свое время Коран и произведения доисламской поэзии) в памяти людей. Собиратели и знатоки хадисов сообщали их своим ученикам путем устной передачи, и лишь через некоторое время немногие грамотные ученики стали их записывать.

Соратники Мухаммеда и их преемники проявляли определенно выраженную тенденцию выдавать себя за безусловно правоверных мусульман, хранителей истинного вероучения, строго следующих жизненным правилам, установленным пророком. Они противопоставляли себя Омейядам, усвоившим в культурной Сирии такой образ жизни и такие взгляды, которые в глазах мединских правоверов делали их сомнительными мусульманами. Эта неприязнь к Омейядам отразилась, конечно, и в начальной сунне. Ее создатели считали себя людьми незаслуженно обойденными и таким образом выковывали идеологическое оружие против Омейядов, дабы применить его при подходящем случае.

Выступление Хусейна и его гибель

После смерти Муавии в 680 году халифом стал его сын Йазид, который еще при жизни отца был объявлен наследником престола. Чтобы добиться этого, Муавии пришлось пустить в ход угрозы и обещания. Тем не менее мединская оппозиция не желала считаться с его волей. Она не признавала наследственной передачи власти и факта установления новой династии. Но для сирийских арабов, мнение которых в данном случае было особенно веским, передача верховной власти по наследству не представляла ничего необычного. Ведь до ислама они подчинялись своим маликам из династии Гассанидов.

Халиф Йазид I, будучи питомцем арабо-сирийской культуры, с презрением относился к правоверным жителям мусульманских священных городов и пренебрегал предписаниями Корана. Его воспитателем был ал-Ахтал, выдающийся арабский поэт, происходивший из христианского племени таглиб. Сам Йазид также был поэтом, любил псовую и соколиную охоту, ценил музыку, пение и танцы. Он пил вино и один, и в веселой компании своих многочисленных собутыльников, ценил комфорт и жил в роскоши, подобно какому-нибудь византийскому вельможе. О пустыне и бедуинских кочевьях он, как и все члены его рода, вспоминал

только во время очередной эпидемии чумы. Эта повальная болезнь не проникала на пастбища кочевников, и поэтому в «черные» месяцы и годы омейядские халифы и эмиры покидали Дамаск и искали спасения от смерти в Сирийской пустыне.

Вступление Йазида на халифский престол правоверные жители священных городов встретили глухим недовольством. Конечно, оно было вызвано не нарушением весьма условного принципа выборности халифов. Основная причина ропота заключалась в том, что с установлением наследственной власти Омейядов «сподвижники» пророка и их многочисленные потомки окончательно теряли надежду на получение высоких должностей и крупных доходов. Неудивительно, что среда этих правоверов начала порождать претендентов на верховную власть, готовых добиться ее вооруженным путем.

Первым выступил Хусейн, второй сын Али и Фатимы, внук Мухаммеда. После смерти своего старшего брата Хасана, умершего в 669 году, он, видимо, полагал бессмысленным открыто выражать претензии на верховную власть и мирно проживал в Медине, по соседству, как он говорил, с дорогой ему могилой деда-пророка. Но получив известие о смерти Муавии и не желая присягать его преемнику, он переселился в Мекку, под покровительство «дома Аллаха», то есть Каабы. Там его посетили представители шиитов из Куфы, которые обещали поднять восстание против Йазида, если Хусейн прибудет в их город. Родственник Хусейна Муслим ибн Акил, посланный им в Куфу, получил много обнадеживающих заверений от ее жителей. Однако когда воодушевленный полученными сведениями Хусейн направился в Куфу, уже в дороге пришло известие, что его посланец схвачен и казнен людьми, которых послал омейядский наместник Убайдуллах, сын Зийада, нареченного брата Муавии.

Но обратного пути уже не было. При Хусейне был отряд, состоявший из родственников и личных приверженцев, численность которого не превышала 300 человек. Он продолжил движение и встретился в местечке Кербела с войском Убайдуллаха ибн Зийада. Состоявшиеся переговоры ни к чему не

привели, и 10 октября 680 года отряд Хусейна был целиком истреблен. Голову Хусейна доставили вначале к Убайдуллаху ибн Зийаду, а затем в Дамаск к халифу Йазиду.

Шииты считают павшего в этом безнадежном сражении Хусейна великомучеником, а месяц мухаррам, в котором оно произошло, ежегодно отмечается ими как время траура, поста и скорби.

Война в Аравии

Мединские «сподвижники» пророка сочли смерть Муавии весьма подходящим случаем, чтобы освободиться от господства Омейядов. На своем собрании в мединской главной мечети они отказались признать Йазидов законным халифом. Йазид в ответ немедленно направил в Хиджаз сирийские карательные отряды, в составе которых выступило ополчение из племени таглиб. При командире этого ополчения несли хоругвь с изображением св. Сергия, считавшегося патроном племени². Мединцы выступили из своего города навстречу приближавшемуся противнику и потерпели поражение в «битве в харре».

Подчинив Медину, сирийское войско двинулось на Мекку, где засел Абдуллах ибн аз-Зубайр, сын того аз-Зубайра, который в свое время совместно с Аишей неудачно выступал против Али, претендуя на обладание верховной властью в Халифате. Абдуллах унаследовал претензии своего отца. В Мекке, объявленной, согласно Корану, территорией «харам», он рассчитывал обрести полную безопасность. Но для сирийского войска представления и предписания мусульманской священной книги имели весьма относительное значение. Мекка была окружена сирийцами и подвергнута обстрелу из камнеметательных орудий, установленных на окружавших город холмах. Священный город и его жители сильно пострадали от этого обстрела и сопутствующих ему пожаров; огонь не пощадил и Каабу. Но казавшееся неминуемым падение Мекки было отсрочено благодаря событиям в Сирии.

В 683 году умер халиф Йазид, и сирийское войско, так и не взяв Мекку, ушло восвояси, чтобы принять участие в событиях, развертывавшихся в Сирии. В Дамаске после смерти Йазиды халифом был провозглашен его сын Муавия, человек молодой (ему едва исполнилось двадцать лет), болезненный и нерешительный, проявлявший полную беспомощность в делах государственного управления. Кайситы, дислоцированные в Сирии, отказались приносить ему присягу и угрожали признать объявившего себя халифом Абдуллаха ибн аз-Зубайра, на сторону которого склонялись также арабские племена, находившиеся в Иране, Средней Азии и Закавказье. Аналогичные вести приходили из Ирака. По сути, однозначную поддержку Муавии II оказывали только сирийские кельбиты, полностью связавшие свою судьбу с династией Омейядов.

В 683 или 684 году Муавия II, ничем себя не проявивший, умер от чумы. После его смерти войско, вернувшееся из Аравии, выдвинуло кандидатуру Мервана ибн ал-Хакама, который и был провозглашен халифом в Джабии на собрания сторонников Омейядов. Этому событию сопутствовали столкновения между кельбитами и кайситами. Решающее сражение состоялось на равнине Мардж Рахит, к северо-востоку от Дамаска, в котором кельбиты нанесли своим противникам сокрушительное поражение и тем самым сохранили за собой прежние привилегии.

Халиф Мерван, основатель династии Мерванидов, являвшихся младшей линией Омейядов, получил плохую известность еще в правление халифа Османа, при котором он был фактическим правителем государства. При Муавии I и Йазиде он занимал положение их наместника в Хиджазе, будучи главой и представителем членов рода омейя в этой стране. Вместе со своими сородичами он бежал из Хиджаза в Сирию, когда в Медине вспыхнуло восстание против Йазиды. Став халифом, он женился на одной из вдов Йазиды, чтобы установить родство со старшей линией династии. Приблизительно через год, по некоторым сведениям, эта новая жена задушила его, когда он отказался объявить ее сына наследником престола; по другим данным, он умер от чумы.

После него правили халифы Абд ал-Малик (685—705) и Валид I (705—715). При них произошли крупные завоевания и были проведены важные реформы.

Восстановление власти Омейядов в Аравии и Ираке

При вступлении Абд ал-Малика на халифский престол под властью Омейядов находились только Сирия и Египет. Даже в самом Дамаске было неспокойно. Здесь вспыхнуло восстание рабов, которые, как пишет Масуди, выступили совместно с «подонками» местного населения и «злоумышленниками». Свою лепту в общее смятение вносили бедуины из кайситов, предпринимающие грабительские налеты в районах Химса, Баальбека и Бекаа.

Население Западной и Центральной Аравии, Ирака и зависевших от него восточных областей Халифата подчинялось власти мекканского халифа Абдуллаха ибн аз-Зубайра. В европейской научной литературе его иногда называют «антихалифом», но на самом деле, как и в последний год правления Али, одновременно правили два халифа (один в Дамаске, другой в Мекке), и их приверженцы вели ожесточенную междоусобную войну.

В это время войска византийского императора Юстиниана II, действовавшие в Киликии, создавали непосредственную угрозу Северной Сирии, а подстрекаемые византийским военным командованием мардаиты — горцы-христиане неизвестного происхождения, которых арабы называли джараджима, — предприняли набег на Внутреннюю Сирию.

Халиф Муавия I укрощал пыл воинственных горцев с помощью золота, которое платил их предводителям. Но его преемники не сумели найти к мардаитам подхода, и те стали для арабов сущим бедствием. Пользуясь содействием византийского военного командования, которое снабжало их золотом и оружием, а иногда присылало к ним военных инструкторов, мардаиты наносили арабам удар за ударом. Они также охотно предоставляли убежище всем тем, кто бежал

в ливанские горы от податных тягот и преследований завоевателей из равнинных областей Сирии. Поэтому на переговорах с византийцами послы дамасского халифа особенно настойчиво добивались отказа византийского правительства от союза с мардаитами.

Враждебные отношения с Византией привязывали лучшие омейядские войска к северной границе. Чтобы избавиться от византийской угрозы и получить свободу рук, Абд ал-Малик сделал византийскому императору незначительные территориальные уступки и обязался платить ему дань. Улучшение отношений с Византией вызвало ослабление активности мардаитов. Позже, в начале VIII века, часть мардаитов переселилась в византийские пределы, а остальные слились с ливанскими христианами-маронитами.

В Ираке, на обладание которым претендовал Абдуллах ибн аз-Зубайр, наместником был его брат Мусаб. Однако его власть нельзя было назвать полной. Наиболее боеспособные части Мусаба ибн аз-Зубайра были целиком поглощены борьбой с хариджитами, которые продолжали действовать с присущим им упорством и свирепостью. Они не признавали авторитета ни того, ни другого халифа, ни кого-либо из шиитских имамов. Особенно жуткую известность среди мирного населения приобрели своими кровавыми набегами оголтелые фанатики азракиты, составлявшие самую крайнюю ветвь хариджитов. Своей задачей они видели истребление всех инаковерующих, не делая при этом исключения даже для детей, поскольку, как говорили они, плохое дерево не приносит хорошего плода. Отряды азракитов вызывали страх и ненависть в Южном Ираке и в соседнем Хузистане. В известном смысле хариджиты сыграли на руку Абд ал-Малику, так как, измотав Мусаба, облегчили ему завоевание Ирака.

Иракские шииты тоже проявляли значительную активность, хотя и не были так непримиримы, как азракиты. Крупного, но преходящего успеха они достигли в Куфе. Успех заключался в том, что ал-Мухтар ас-Сакафи, назначенный мекканским халифом на должность правителя Куфы, вдруг объявил себя сторонником Мухаммеда ибн ал-Ханафии (од-

ного из сыновей халифа Али), а самого ал-Ханафию мессией (махди), который ликвидирует неравенство и угнетение. Отказавшись подчиняться Абдуллаху ибн аз-Зубайру, Мухтар обещал многочисленным мавали, то есть ограниченным в правах неомусульманам, предоставить полное экономическое и общественное равноправие. Благодаря этому его силы настолько возросли, что он смог оттеснить войска наместника мекканского халифа на юг, в район Басры. Но время шло, а никаких заметных изменений не происходило, и мавали начали отходить от Мухтара. В конце концов рядом с ним осталось совсем немного людей, которые были перебиты людьми Абдуллаха ибн аз-Зубайра.

Правда, и аз-Зубайру не довелось долго владеть Куфой, в которую уже в 691 году вступило войско Абд ал-Малика. Таким образом, Ирак перешел под власть Омейядов.

В следующем году возобновились военные действия в Хиджазе. Пребывая в Мекке, Абдуллах ибн аз-Зубайр и после потери Ирака продолжал считать себя халифом и требовал, чтобы мусульманские паломники по прибытии в «святую землю ислама» приносили ему присягу. Чтобы лишить своего конкурента возможности вести пропаганду среди мусульман вне Аравии, Абд ал-Малик предписал им совершать паломничество вместо Мекки в Иерусалим.

Против Мекки он направил войско под командованием Хаджжаджа ибн-Йусуфа, набранное из сирийских и египетских арабов. После пятидневной осады оно взяло Мекку штурмом. Аз-Зубайр, видя полную невозможность сопротивления, когда враги ворвались в город, обратился за советом к своей матери — дочери халифа Абу Бакра и сестре Аиши. Несмотря на весьма преклонный возраст (ей было около 100 лет), она вполне сохранила умственные способности; предание утверждает, что у нее были целы все зубы и седина еще не затронула ее волос. Старуха посоветовала сыну драться до последнего, что он и сделал, погибнув прямо у Каабы. По приказу Хаджжаджа голова мекканского халифа была послана Абд ал-Малику в Дамаск, а тело распято.

Правление Хаджжаджа в Ираке

Для окончательного подчинения Ирака власти омейядского халифа необходимо было искоренить хариджитскую крамолу и подавить шиитскую оппозицию. Эта богатая страна развитого ирригационного земледелия имела исключительное экономическое значение. Очень выгодным было также ее географическое положение. Через Ирак открывался доступ в Иран и в сопредельные с ним страны, где арабы продолжали вести завоевания и откуда в Сирию поступали обильная добыча и подати. Халиф Абд ал-Малик назначил наместником в Ирак Хаджжаджа, который был безраздельно предан его династии и в аравийской кампании против аз-Зубайра проявил незаурядную энергию при полном пренебрежении к общепринятым предрассудкам и условностям.

Новый наместник прибыл в Ирак в 694 году и до самой смерти в 714 году оставался полноправным правителем восточных областей Халифата (подобно Зийаду ибн-абиhi при Муавии I).

Хаджжадж ибн Иусуф был уроженцем Таифа, он происходил из племени сакиф. По преданию, в молодости он занимался преподаванием арабской грамматики в своем родном городе, а затем был зачислен в войско, где сделал блестящую карьеру. Интересы к филологии он не утратил до конца жизни. Уже будучи всемогущим наместником Ирака, он в сотрудничестве с таифскими грамотеями занимался редактированием Корана. Ему приписывают проведение важной реформы в арабской письменности — введение диакритических точек и надстрочных и подстрочных знаков. Он был также большим любителем, ценителем и собирателем арабского фольклора.

Его первое публичное выступление в Куфе многие тогдашние арабы считали выдающимся образцом ораторского искусства. Прибыв в Куфу в сопровождении 2000 сирийских (кельбитских) воинов, он сразу направился в мечеть, где в ожидании нового наместника собрались представители местного населения. Мечети в Средние века служили не

только местом богослужения, но и своего рода форумами, на которых оглашались распоряжения и предписания властей. Поднявшись на мимбар (кафедру), он выступил со своеобразной декларацией, пересыпая свою речь стихами, как было принято у арабских ораторов того времени. Он заявил, что жителей Куфы как нечестивцев и смутьянов он обдерет как липку, скрутит и будет бить их, как бьют палками ветви, пока не осыплются листья, будет ударять по ним, как ударяют по кремню, высекая огонь, будет бить их, как бьют бродячего верблюда, попавшего в чужое стадо. Себя же он определил как мужа, которого не сдавишь, как давят под прессом фиги, и которого не испугаешь, громяхая пустыми бурдюками. Он имел в виду обыкновение бедуинов подгонять пугливого верблюда, ударяя рукой по высохшему пустому бурдюку.

В ответ на громкий ропот и гневные выкрики своих слушателей он заявил, что заранее видит, как течет кровь по тюрбанам и бородам многих из них.

Правление Хаджжаджа в Ираке было проявлением ничем не сдерживаемого кровавого террора. «Хаджжадж — это не случайность, — писал А. Ю. Якубовский, — или Хаджжадж с его суровой, жестокой рукой, или Ирак, который в любой момент может опрокинуть Омейядов с их политикой»⁹³. Иногда казни совершались круглосуточно, так как не хватало палачей, чтобы в течение дня отрубить головы всем приговоренным к смерти. Современники подсчитали, что за двадцать лет правления Хаджжаджа от рук палачей погибло не менее 130 тыс. мужчин и женщин. Тюрмы были переполнены, и в день его смерти в них томилось 50 тыс. мужчин и 30 тыс. женщин⁹⁴. Особенно сурово расправлялся этот беспощадный правитель с хариджитами, с полным основанием считая их самыми заклятыми врагами Омейядов. Военные экспедиции, снаряжавшиеся против хариджитов (особенно против азракитов), и кровавые расправы с ними вызвали уход этих непримиримых сектантов из Ирака в другие страны — в Иран, Аравию и Северную Африку. Хариджиты, оставшиеся в Ираке (преимущественно это были горожане), стали воздерживаться от вооруженных выступлений, ограничивая свою деятельность религиозной пропагандой. К концу VII века

азраkitы сошли с политической арены, а среди хариджитов образовалась умеренная подсекта ибадитов, приверженцы которой не беспокоили иракского наместника непрерывными восстаниями.

Хаджжадж и его администрация своей основной задачей ставили перекачивание богатых ресурсов Ирака в Сирию. В Ирак посылались значительные контингенты сирийских войск, которые принимали наиболее активное участие в подавлении восстаний иракского населения. По распоряжению Хаджжаджа здесь была построена крепость Васит («Срединный»), где постоянно были расквартированы сирийские войска. Такое название крепость получила потому, что она находилась приблизительно на одинаковом расстоянии от Куфы и Басры.

Стремление увеличить доходы, поступавшие из Ирака в Сирию, побудило Хаджжаджа издать распоряжение о прокладке новых и восстановлении заброшенных каналов, возведении дамб и осушении болот. Помимо местной рабочей силы на осушке болот и очистке солончаков применялся труд чернокожих рабов — зинджей, ввозившихся из Восточной Африки. Чтобы сдержать приток сельских жителей в города, где они увеличивали численность потенциальных повстанцев, и в целях борьбы с бродяжничеством особые отряды ловили крестьян, покинувших свои деревни, клеймили их и отправляли на место прежнего жительства. Клеймению иногда подвергали также крестьян, проживавших в своих деревнях, чтобы предупредить их возможное бегство. Такие меры проводились в целях обеспечения сельского хозяйства рабочей силой и сохранения наибольшего числа плательщиков податей, выполнявших сверх того трудовые повинности. Земледельцам было запрещено продавать своих буйволов, этот наиболее распространенный живой инвентарь.

Ту же цель — увеличить поступления в халифскую казну — преследовала налоговая политика Хаджжаджа. Согласно приписываемому ему «закону 700 года», иракские мусульмане-неарабы перестали пользоваться освобождением от уплаты подушной подати (джизьи). Это вызвало крайнее недовольство многочисленных мавали, проживавших глав-

ным образом в Куфе и Басре. Сельское население этот закон затронул меньше, так как большинство крестьян при Омейядах продолжало исповедовать свои прежние религии (большей частью зороастризм).

Недовольство населения двух крупнейших иракских городов бурно проявилось уже в следующем, 701 году, когда произошло восстание войска Ибн ал-Ашаса. Этот военачальник был послан в Афганистан во главе красиво обмундированного «павлиньего войска». Это войско, сформированное в Куфе и Басре, ответило активным недовольством на требование Хаджжаджа форсировать боевые действия в трудных условиях горной местности. Во главе со своим командиром оно повернуло обратно в Ирак, разбило высланные халифом подкрепления и подошло к Басре, население которой приняло его с распростертыми объятиями. Правда, затем у восставших начались неудачи. Прибывшие из Сирии новые войска отбросили их в направлении Куфы. Над жителями Басры Хаджжадж учинил жестокую расправу. По слухам, он единовременно казнил около 11 тыс. человек. Что касается «павлиньего войска» ал-Ашаса, то оно, несмотря на отчаянное сопротивление, было затем еще дважды разбито и рассеялось.

Реформы Абд ал-Малика и Валида

С именем Абд ал-Малика обычно связывают проведение реформ, которые выразились во введении арабского языка в канцелярское делопроизводство и чеканке монет с арабскими надписями. До этого делопроизводство в фискально-податных учреждениях велось на местных (греческом, персидском и коптском) языках финансовыми служащими из покоренного населения.

Введение арабского языка как орудия административно-финансового управления знаменовало стремление арабской аристократии возглавить аппарат государственного управления. Введение делопроизводства и отчетности на ее родном языке предоставляло ей полную возможность контролиро-

вать деятельность финансового ведомства. Это реформа была осуществлена в правление Абд ал-Малика и Валида I. Она не привело к смене личного состава служащих, так как арабы не стали сидеть в канцеляриях. Но среди ближайших потомков покоренного населения уже имелось немало писцов, вполне освоивших язык и письменность завоевателей. Для сирийских арабов этот язык был родным, и уже при Муавии I встречались сирийцы, преподававшие арабский язык и словесность детям арабов-завоевателей.

Другим мероприятием являлось введение единой денежной системы во всем обширном Халифате. Находившиеся в обращении византийские золотые и иранские серебряные монеты были заменены арабскими деньгами — золотыми динарами и серебряными дирхемами. На этих монетах после мусульманской формулы веры указывалось, при каком халифе и в каком городе они отчеканены. Монетные дворы были не только в столице, но и в других крупных городах, служивших резиденциями арабских наместников.

Введение новой денежной системы свидетельствовало о развитии торгово-экономических отношений между отдельными странами Халифата. В то же время это отражало стремление правившей династии к централизации и упорядочению налогово-податного аппарата. Правда, централизация в Омейядском халифате могла быть только относительной.

Завоевания при Мерванидах

В правление Абд ал-Малика начался второй крупный этап арабских завоеваний. Еще при Суфианидах арабские завоеватели проникли в Тунис (за которым еще сохранялось старое римское название Африка, принявшее у арабов форму Ифрикия) и в 670 году основали укрепленный лагерь Кайруан. Упорно сопротивлявшиеся берберы оттеснили арабов и в 685 году взяли и разрушили этот важный опорный пункт. Еще ранее, в 683 году, погиб попавший в засаду арабский военачальник Окба ибн Нафи, под командованием которого арабская кавалерия предприняла глубокий рейд в Магрибе.

Впрочем, вполне возможно, что этот «поход Окбы» является сказанием, не имеющим отношения к происходившим событиям.

Реальное завоевание Северной Африки происходило в конце VII и начале VIII века, уже после того как сирийские войска дамасского халифа одержали победу над сторонниками Ибн аз-Зубайра и восстановили господство Омейядов в Ираке. Берберы оказывали упорное сопротивление завоевателям. Впоследствии оно было персонифицировано в образе берберской предводительницы Кахины. Можно полагать, что эта представительница родовой знати (возможно, выступавшая в роли ведуньи-предсказательницы; арабы называли ее «кахина» — жрица) возглавила сопротивление берберов-кочевников. По ее распоряжению кочевники вытаптывали посевы, вырубали деревья и заваливали колодцы, чтобы создать пустынную зону как защиту от арабского нашествия. Возможно, это было сделано по совету византийцев, которые пытались (правда, безуспешно) применить такой же прием в Северной Сирии. Все это, однако, дало обратный эффект: не остановило арабских бедуинов, привыкших преодолевать обширные пустынные пространства, но настроило оседлых берберов против их кочевых соотечественников и превратило их в союзников завоевателей.

В самом конце VII века (точную хронологию восстановить невозможно) арабские войска снова появились в Ифрикии, взяли Карфаген и приступили к восстановлению Кайруана. В первые годы VIII века в Северную Африку прибыл арабский военачальник Муса ибн Нусейр, ставший первым наместником халифа в областях, которые в арабской географии получили название Магриб, что значит «страны Запада».

Под командованием Мусы ибн Нусейра арабские войска около 709 года вышли на побережье Атлантического океана. Это «завоевание» представляло собой ряд крупных набегов, сопровождавшихся приведением к непрочному повиновению отдельных берберских племен. Берберов арабские завоеватели насильно (а следовательно, только формально) обращали в ислам. Такая политика спешного распространения ислама вызывалась стремлением использовать ново-

обращенных в качестве вооруженной силы для завоеваний в Европе.

Весной 711 года Муса ибн Нусейр направил на Пиренейский полуостров своего маула (возможно, бербера по происхождению) Тарика, выделив под его командование 300 арабов и 7000 берберов. Предполагалось, что этот отряд, высадившись на полуострове, произведет глубокую разведку на территории Вестготского (Визиготского) королевства. Но вследствие военной слабости вестготов и расшатанных их государство социальных и религиозных противоречий разведка превратилась в крупное завоевание. В следующем году на Пиренейском полуострове, который арабы стали называть Андалус, высадилось арабское войско под командованием самого Ибн Нусейра. Оно завершило завоевание Андалуса, установив арабское господство на большей части полуострова, вплоть до горной цепи, проходящей к северу от Толедо. По некоторым сведениям, войска Ибн Нусейра, пройдя через Пиренеи, даже совершили набег на некоторые пункты в Южной Галлии.

Одновременно с обширными завоеваниями на Западе арабы вели активные военные действия в Средней Азии и на Среднем Востоке. Хорасан, взятый ими к 644 году, мог служить удобным плацдармом для вторжений в Мавераннахр, богатую страну древней культуры, расположенную между Амударей и Сырдарьей. В конце VII века военные предприятия арабов в Мавераннахре имели характер военных набегов с целью захвата добычи, в частности пленных, обращаемых в рабство. Так, в 673–674 годах войско под командованием Убайдуллаха ибн Зийада, арабского наместника Ирака, форсировало Амударью и разорило окрестности Бухары. После ожесточенных сражений с объединенными силами тюрков и бухарцев этот арабский военачальник заключил мир с бухарской царицей-регентшей. Из этого похода арабы привезли в Хорасан много золотой и серебряной монеты, золотой и серебряной посуды, искусно сделанного оружия и высококачественных шелковых тканей, а также увели в рабство около 4000 жителей. В 676 году арабский наместник Хорасана, перейдя Амударью, подошел к Бухаре. Бухарская царица уплатила

ему выкуп в 300 тыс. дирхемов. Не довольствуясь этим, арабский военачальник взял в заложники большое число молодых представителей бухарской знати, отправил их в Аравию и, обратив в рабство, заставил работать в своих владениях. Хотя впоследствии его войско потерпело поражение под Самаркандом, вернулось оно в Хорасан с пленными и добычей.

Завоевание Мавераннахра произошло в начале VIII века, в правление халифа Валида I. Непосредственно арабскими войсками руководил крупный военачальник Кутейба ибн Муслим, находившийся в подчинении у Хаджжаджа и выполнявший распоряжения этого всевластного правителя восточных провинций Халифата. Своим вероломством и жестокостью Кутейба приобрел у населения Мавераннахра весьма дурную славу. Его военные успехи объяснялись политической раздробленностью Мавераннахра; некоторые из местных владетельных феодалов переходили на сторону арабских завоевателей, надеясь с их помощью возобладать над своими противниками.

Войско Кутейбы вступило в Мавераннахр в 706 году и в течение десяти лет покорило эту страну. Ежегодно из Мерва и арабских военных лагерей в Хорасане на театр военных действий отправлялись свежие подкрепления, так как упорное сопротивление коренного населения причиняло арабам большие потери. При покорении Мавераннахра Кутейбе пришлось проявить не только свои военные, но и дипломатические способности. При этом он не брезговал никакими методами.

В погоне за добычей Хаджжадж проводил завоевательную политику в Афганистане, Восточном Иране и Индии. Завоевав равнинный Афганистан, арабы взяли Кабул. В 708 году войско под командованием Мухаммеда ибн Касима, правителя Кермана, двинулось в Синд (область Нижнего Инда). Численность этого войска не превышала 6000 бойцов, но оно было снабжено хорошей осадной техникой; камнеметательные и стенобитные орудия перевозились в разобранном виде на верблюдах. Арабы взяли Дейбул, а затем сломили сопротивление защитников Мултана. Синд, где была захвачена огромная добыча, вошел в состав Халифата.

Омейяды и мавали

Реформы, проводившиеся при Абд ал-Малике и Валиде I, выражали стремление Омейядов перейти от режима военной оккупации к упорядоченному управлению завоеванными странами и непосредственно руководить экономической и политической жизнью их населения. В связи с этим возникла необходимость расширить социальную базу господства Омейядов, примирить с ними многие слои и группы подданных, которые имели основание быть недовольными.

Наиболее активными противниками Омейядов выступали хариджиты. Вооруженная борьба с ними требовала постоянного применения крупных военных контингентов. Немало сил и средств затрачивалось на подавление шиитской оппозиции. Недовольно было и весьма многочисленное коренное население, обратившееся в ислам. Как правило, эти мусульмане-неарабы и после принятия ими религии завоевателей не ощущали улучшения своего имущественного и общественного положения.

Наместники, управлявшие отдельными областями Халифата, проявляли ничем не ограниченный произвол. Предписание Корана (IX, 29) о взимании подати-джизьи только с зиммиев не получило практического применения. Как мы видели, Хадждадж в Ираке предписал взимать подати с мавали наравне с иноверцами. Абд ал-Азиз, брат халифа Абд ал-Малика, бывший наместником Египта в 685–704/705 годах, также приказал собирать подать с мавали, а заодно обложил податью прежде освобожденных от нее христианских монахов. Преемник этого наместника приказал клеймить всех уклонявшихся от уплаты подати и запретил хоронить покойников до уплаты числившихся за ними недоимок. Наместник Хорасана заявил, что принятие ислама не освобождает от уплаты поземельной подати. В Северной Африке принявшие ислам берберы платили такие же налоги, какие взыскивались с их соотечественников-немусульман.

Весьма активную политическую и культурную роль играли мавали (преимущественно этнические персы) в Ираке. Их

центром стала Куфа, где они уже при «праведных» халифах составляли не менее половины населения. Еще до возникновения ислама, в период джахилии, арабы применяли к жителям соседнего Ирака название «аджам», что означало «говорящие с трудом», «неправильно, плохо произносящие». По своему смыслу и употреблению это слово вполне соответствует латинскому «варвар» или старорусскому простонародному «немец». У арабов оно приобрело также значение «немой» и даже «неодушевленный». В устах арабской аристократии при Османе и Омейядах слово «аджам» в применении к мавали выражало презрение и пренебрежение.

Таким образом, мавали находились в неравноправном положении по сравнению с арабами и являлись объектом податной эксплуатации. Неравноправное положение мавали некоторые западные и восточные историки склонны рассматривать как результат высокомерия арабов. На самом деле это неравноправие вызывалось сохранением арабской родоплеменной организации, в которую неараб не мог войти в качестве равного. К тому же арабы стремились оградить себя от смешения с покоренным населением, опасаясь раствориться в его массе. Поэтому женитьба маулы (равно как и любого другого иноплеменника, неараба) на арабке приравнивалась к преступлению, которое в некоторых случаях каралось смертной казнью.

Мавали не пользовались равноправием с арабами даже при совершении религиозных обрядов и были вынуждены строить себе отдельные мечети, в которые арабы не заходили. Если же они молились вместе с арабами, то им полагалось стоять в задних рядах, позади арабов. При этом мавали, многие из которых перешли в ислам из зороастризма или другой религии с развитым культом и обрядностью, выказывали гораздо больше религиозного рвения и благочестия, чем арабы, обычно не обращавшие особого внимания на обрядовые предписания ислама. Так, ортодоксальное мусульманское предание выдвигает в качестве примерного мусульманина первого века хиджры именно маулу Хасана ал-Басри (умер в 728 году), сына раба, принявшего ислам. По преданию, Хасан сверх положенных пяти молитв часто стоял на молитве

большую часть дня и ночи, ноги у него распухали от частых коленопреклонений, а глаза были красны от бессонницы.

По культурному уровню мавали как наследники иранской и арамейской культур были неизмеримо выше ранних поколений арабов-мусульман. Но далеко не все мавали получали выдачи из байт ал-мал, а если и получали, то значительно меньше по сравнению с арабами. В правление Османа, когда захватывавшая земли арабская аристократия намеревалась превратить Ирак в «сад курейшитов», положение мавали резко ухудшилось. Поэтому они поддерживали восстания против этого халифа и стали на сторону Али.

Установление власти Муавии I в Ираке вызвало восстание мавали в Куфе в 43 году хиджры (663/664 год). После его подавления дамаский халиф приказал переселить большое число мавали из Ирака в районы сирийского побережья и в Антиохию. В то же время Зийад ибн-абихи, фактический соправитель Муавии, учитывая значение и силы мавали, старался привлечь их на свою сторону. Такая политика обеспечила ему возможность управлять подведомственными ему провинциями, пользуясь только местными силами и не требуя военной помощи из Сирии. Но после его смерти иракские мавали принесли присягу Абдуллаху ибн аз-Зубайру. Затем они поддержали неудачное восстание куфийского наместника Бишра ибн Мервана против его брата — халифа Абд ал-Малика.

Мавали упорно противились зачислению их в карательные отряды, направляемые против хариджитов. Но особое сочувствие они проявляли к шиитам. Они неизменно выказывали готовность поддерживать политические претензии Алидов, считая историческим фактом женитьбу Хусейна ибн Али на сасанидской принцессе, дочери последнего шахиншаха Йездигерда III. Основываясь на этом вряд ли достоверном событии, они признавали потомков шиитского имама «великомученика» законными наследниками и преемниками сасанидских государей независимого Иранского царства.

Среди мавали возникло движение «шуубийя», отрицавшее исключительные права арабов в государстве. Сознвая свое культурное превосходство над арабами, персидские участники этого движения выдвигали требование об уравнивании

персов в правах с арабами и даже о предоставлении преимущественного положения персам и другим культурным народам сравнительно с арабами.

Частые их восстания мавали побудили Омейядов принять меры, которые, по их мнению, должны были примирить неомусульман с правящей династией. Проведение этих мер ведущие представители арабо-мусульманской историографии неразрывно связывают с личностью омейядского халифа Омара II (717—720), сына Абд ал-Азиза и племянника халифа Абд ал-Малика. Арабоязычные историки и правоведы, враждебно относящиеся к Омейядам, выделяют Омара II как исключительную личность, отличавшуюся выдающимся благочестием. По их представлению, этот «благочестивый» халиф, преисполненный «страха божьего», стремился управлять государством в строгом соответствии с предписаниями Корана и сунны его посланника.

Европейские историки Халифата, восприняв в основном это мусульманское представление, обычно изображают Омара II как благочестивого идеалиста и даже утописта, а проводившиеся в его правление реформы объясняют личными качествами, убеждениями и настроениями этого халифа. Ю. Вельхаузен также не свободен от влияния мусульманской традиции.

При таком состоянии источников и научной литературы о правлении Омара II исключительное значение приобретает исследование академика В. В. Бартольда «Халиф Омар II и противоречивые известия о его личности»⁹⁵.

В этой монографической статье, в которой исчерпывающе использованы арабоязычные источники, личность и деятельность Омара II представлены в исторически достоверном виде. Прежде всего В. В. Бартольд выявил в арабоязычной литературе неизвестную до него традицию, существенно отличающуюся от общераспространенных ортодоксально-мусульманских представлений о благочестии, набожности и аскетизме Омара II. Оказывается, этот омейяд до восшествия на престол обладал совершенно иными качествами и привычками. Он был известен как щеголь, тративший много денег на духи, одежду и лошадей; любил комфорт

и жил в роскоши. Не дожив до сорока лет, он оставил после себя четырнадцать (по другим сведениям, шестнадцать) детей, из них девять происходили от его наиболее любимой рабыни-наложницы. По замечанию В. В. Бартольда, это, «во всяком случае, не свидетельствует об аскетическом образе жизни»⁹⁶. Занимая пост наместника в Медине при Валиде I, он точно выполнял все приказы этого халифа, в том числе и такие, которые вызывали возмущение местных правозащитников, выступавших в роли блюстителей и исполнителей предписаний Корана и сунны. За осуждение действий Валида I и его наместника он приказал подвергнуть жестокой экзекуции сына бывшего мекканского халифа Абдуллаха ибн аз-Зубайра. Палач нанес ему сто ударов кнутом, после чего истерзанного человека облили холодной водой в суровую зимнюю погоду, и он умер.

Став халифом, Омар II резко изменил свои привычки и образ жизни. Его дворец стал похож на обитель нищенствующих монахов. Он сам и его придворные носили траурные одежды из дешевых тканей и предавались воздержанию и покаянию. Такая перемена была особенно разительной, так как при его предшественнике халифе Сулеймане (715—717), похотливом обжоре, дворец был местом непристойных кутежей с музыкой, пением и танцами. Перемену в настроении и образе жизни Омара II В. В. Бартольд склонен объяснять тем, что в его правление наступил сотый год мусульманской эры (718/719 год). В связи с этой датой подданные халифа переживали настоящий религиозный экстаз. Среди населения широко распространилось поверье, что мусульманскому государству было предопределено существовать сто лет, и, следовательно, пришел час светопреставления и страшного суда.

Однако мероприятия, проводившиеся в правление Омара II, были вызваны не мистическими настроениями, а реальной политической целью — укрепить господство династии путем расширения его социальной базы. Халиф предписал наместникам прекратить взимание подушной подати с мавляков и даже высказался за включение их в диван, то есть в списки, по которым арабы получали постоянный доход из государственной казны. Было признано, что обращение

в ислам «спасает душу и деньги» неомусульманина. Что же касается поземельной подати, то было предписано взимать ее со всех землевладельцев и земледельцев, независимо от их вероисповедания. Установление такого «равноправия» между потомками арабских завоевателей и мусульманами из коренного населения способствовало некоторому улучшению материального и общественного положения мавали. Особенно благоприятно это отразилось на положении городских мавали, которые не были связаны с земледелием.

Известны также попытки Омара II договориться с представителями шиитов и хариджитов. Последние, как и следовало ожидать, решительно отвергли миролюбивое предложение халифа. Есть версия, что Омар II, будучи противником политики джихада и считая, что ислам должен распространяться среди «неверных» посредством мирной религиозной пропаганды, отозвал арабские войска из-под стен Константинополя, осада которого была начата при халифе Сулеймане весной 716 года. По другим сведениям, эта неудачная для арабов осада была снята еще до воцарения Омара. Но при всем своем миролюбии этот халиф не прекратил заботу о войске как надежной опоре династии и значительно повысил его денежное содержание.

Таким образом, в правление Омара II проводилась вполне реальная политика, основной целью которой являлось укрепление господства династии Омейядов. Однако такая политика не нашла влиятельных сторонников и продолжателей. Имеется даже сведение (правда, не подтвержденное), что Омар II был отравлен своими сородичами. При его преемниках стала проводиться традиционная омейядская политика податной эксплуатации населения, которая в конечном итоге привела к падению династии Омейядов.

Халифат в правление Хишама

При халифе Хишаме (724—743), сыне Абд ал-Малика, государственный податный аппарат действовал бесперебойно и беспощадно изымал у подданных денежные средства,

обильно пополнявшие халифскую казну. Усиленное давление податного пресса на трудящиеся массы Халифата многие арабоязычные и западноевропейские историки объясняют жадностью и скупостью этого халифа, который к тому же вел воздержанный образ жизни, был противником роскоши и не допускал расточительства. Но, как представляется, отрицательными чертами характера того или иного государственного деятеля нельзя объяснить ухудшение положения народных масс в различных странах обширного Халифата.

Все дело в том, что арабская родовая аристократия и особенно члены численно разросшегося рода омейя (некоторые из них были крупными землевладельцами) не желали отказываться ни от своего привилегированного положения, ни от крупных дотаций, получаемых из казны. Поэтому они решительно противились политике равноправия всех мусульман, которую пытался проводить Омар II. Характерно, что Хишам и его преемники перестали опираться на кельбитов и сделали своей опорой кайситские племена. В связи с этим они с пренебрежением относились к Дамаску, в котором преобладали кельбитские традиции. Своей резиденцией Хишам сделал Русафу, расположенную к северу от Пальмиры (арабского Тадмора). Он восстановил этот заброшенный и почти совершенно разрушившийся город, называвшийся при византийцах Сергиополем.

Халиф Хишам, некоторые омейядские эмиры и халифские наместники проявляли заботу о восстановлении и расширении системы искусственного орошения. Особенно усиленно чистили заброшенные и копали новые каналы во владениях халифа. Ирригационные работы, приводившие к расширению посевных площадей, имели своей целью повышение податной платежеспособности земледельцев. В тех же фискальных целях государственный налогово-податный аппарат был приведен в такое состояние, которое и впоследствии считалось образцовым.

Деятельность сборщиков налогов при Хишаме приняла совершенно беспощадные, даже злодейские формы. Они рассматривали как злостного неплательщика любого подданного, не имевшего возможности внести подати в поло-

женный срок. Тюрьмы были переполнены неплательщиками. В качестве наиболее эффективного средства воздействия применялись пытки: тех, кто не заплатил подать, выставляли к позорному столбу, часами держали под палящими лучами солнца; наиболее упорным поливали головы кипящим маслом. Путем применения таких методов государственная казна, уменьшившаяся при Омаре II, снова стала обильно пополняться.

В правление Хишама арабские и берберские войска, обеспечившие арабское господство на Пиренейском полуострове, продолжали совершать глубокие рейды в бассейне Гаронны, в Аквитании, затем двинулись по старой римской дороге из Лиона на северо-запад. В 732 году между Туром и Пуатье они вступили в сражение с франкским войском Карла Мартелла и, потерпев поражение, отступили. Начавшееся в 739 году восстание берберов против арабского господства в Северной Африке послужило причиной прекращения арабских завоеваний в Западной Европе. К тому же добыча, захватывавшаяся в Галлии, оседала в Андалусии и не доходила до Сирии. Поэтому Хишам не видел смысла продолжать завоевательную политику в Европе.

Увеличение податей, сопровождавшееся жестокими экзекуциями, вызвало активное сопротивление населения, выразившееся в ряде восстаний. Наиболее крупные произошли в Средней Азии и Северной Африке. В Мавераннахре повстанцы вступили в союз со среднеазиатскими тюрками, что значительно осложнило действия арабов. Тем не менее восстание 736—737 годов было беспощадно подавлено войсками хорасанского наместника.

Вскоре после подавления этого восстания, в 739—740 годах, в Северном Марокко поднялись берберы, в авангарде которых выступили непримиримые хариджиты. Сирийское войско (численностью 25 тыс. бойцов), направленное против них Хишамом, потерпело поражение. В 742 году это восстание распространилось на весь Магриб. Повстанцы, возглавляемые хариджитами, вторглись в Ифрикию и создали непосредственную угрозу Кайруану. Однако халифскому войску все-таки удалось взять верх над повстанческой армией. Тем

не менее волнения и восстания берберских масс в Магрибе продолжались. В Ираке относительное спокойствие тоже нарушалось часто, и здесь главным образом причиной тому были хариджиты. В Сирии, этом самом надежном оплоте Омейядов, ориентация халифа Хишама и его преемников на кайситов вызывала недовольство и раздражение кельбитов, составлявших большинство арабского населения страны.

Падение Омейядов

Большие средства государственной казны, накопленные при Хишаме, были расхищены при его политически ничтожных и бездеятельных преемниках. Его считавшийся образцовым административно-фискальный аппарат и хорошо организованное войско быстро деградировали. В течение двух лет (743—744) на престоле сменились три халифа (внуки Абд ал-Малика). Из них наиболее колоритной фигурой был Валид II. Совершенно не занимаясь государственными делами, он увлекался псовой и соколиной охотой, а ночи проводил в кутежах. Претендуя на обладание артистическими дарованиями и поэтическим талантом, он соревновался с многочисленными поэтами, танцорами, певцами и музыкантами обоего пола, которые помогали ему растрачивать деньги, собранные Хишамом. В своем пренебрежительном отношении к предписаниям ислама он, видимо, превосходил других омейядских халифов. Его, во всяком случае, обвиняли в отсутствии веры и благочестия больше, чем кого-либо другого. Некоторые последующие арабоязычные историки, неприязненно относившиеся к Омейядам, приписывали ему кощунственные поступки. Он якобы использовал рукопись Корана как мишень для своих упражнений в стрельбе из лука и продырявливал священные листы стрелами, а в качестве имама посылал в мечеть на пятничное богослужение одну из своих наложниц. Своей резиденцией Валид II избрал охотничий замок, построенный в пустыне, к востоку от Иордана. Там он и пал жертвой заговора, организованного его сородичами.

Его ничтожный преемник Йазид III получил прозвище Накис, что значит «уменьшающий», так как при нем вследствие недостатка средств в казне были уменьшены денежные выдачи войску. Такая крайняя мера способствовала дальнейшей деморализации вооруженных сил Халифата. В Сирии наступила смута, осложнявшаяся междоусобной борьбой кайситов и кельбитов. Повсюду появлялись самозванцы из числа омейядских эмиров, претендовавших на звание халифа, а подати, взимавшиеся самочинными властями, естественно, не попадали в государственную казну.

Смута продолжилась и при последнем омейядском халифе Мерване II (744—750). Этот халиф, захвативший верховную власть в 60-летнем возрасте, был энергичным и опытным военачальником. Он командовал арабскими войсками, сражавшимися против византийцев в Малой Азии, затем был наместником в Армении и Месопотамии (ал-Джазире). Став халифом, он избрал своей резиденцией Харран в Месопотамии, перенес туда государственную казну и перевел служащих центральных учреждений.

Чтобы привести к покорности население Сирии, Мерван II совершил несколько походов, дважды осаждал Химс и приказал разрушить крепостные стены крупных сирийских городов, надеясь таким образом облегчить себе борьбу с горожанами.

В Месопотамии и Ираке Мерван II вел упорную борьбу с хариджитами, которые к тому времени приобрели большой военный опыт, улучшили свою военную организацию и стали применять более сложную тактику. Тяжелое положение населения благоприятствовало хариджитской пропаганде. На сторону хариджитов стали переходить даже некоторые кельбиты, расквартированные в Ираке.

Одновременно широко развернулась шиитская пропаганда. Шиитские проповедники-агитаторы призывали к низвержению Омейядов как узурпаторов, лишивших потомков пророка их законного права на верховную власть. Особенно подходящую почву эта пропаганда нашла в Хорасане и Мавераннахре, где экономические интересы населения сочетались со стремлением к освобождению от иноземного господства.

Восстание здесь началось в 747 году в Мервском оазисе, где по призыву талантливого военачальника перса Абу Муслима собрались многочисленные отряды крестьян. Затем оно быстро распространилось по Западному Ирану и перекинулось в Ирак. Повстанческое войско пришло в соприкосновение с войском Мервана II на реке Большой Заб, левом притоке Тигра. Спешно набранное и не обладавшее нужными боевыми качествами халифское войско потерпело сокрушительное поражение и быстро рассеялось. Мерван II во главе небольшого отряда бежал в Сирию и попытался набрать новое войско, но это встретило такое противодействие населения, что, испугавшись нового восстания, он бежал дальше, в Египет.

Дело его было окончательно проиграно. Все, на что еще оказались способны халиф и оставшиеся при нем воины, это учинить насилие в женском монастыре в Гизе. Отсюда Мерван собирался бежать в Магриб, но был схвачен и убит местными арабами. Ненависть к нему была столь велика, что его труп распяли и выставили в таком виде на всеобщее обозрение.

Глава V Багдадский халифат в VIII–IX веках

Источники

Изучая историю Багдадского халифата в первые полтора столетия его существования, востоковеды обращаются к произведениям арабоязычных историков, о которых уже говорилось в предыдущей главе. Наиболее полным и надежным источником считается «Всеобщая история» ат-Табари. Рядом с ней можно поставить замечательную хронику Ибн ал-Асира (1160—1233) «Ал-камил фи-т-тарих» («Полный свод истории»), в которой сочинение ат-Табари умело переработано и частично дополнено. Сравнительно с трудами ат-Табари и Ибн ал-Асира сочинение Ибн Халдуна (1332—1406) «Китаб ал-ибар» («Книга поучительных примеров») имеет меньшее значение для изучения истории азиатских провинций Багдадского халифата и Египта, но зато это исключительно ценный источник по истории Магриба. Весьма интересные и ценные сведения содержатся также в сочинениях ал-Масуди.

Наряду с повествованиями, созданными мусульманскими авторами «всеобщих историй», большое значение для изучения истории Багдадского халифата приобретают сочинения, написанные учеными и собирателями разных сведений из числа высокопоставленных служащих центральных правительственных учреждений и придворных аббасидских халифов.

Произведения арабоязычной географической литературы имеют исключительное значение для изучения экономики Багдадского халифата и торгового обмена между различными областями этого обширного государства и с зарубежными странами. Эти произведения изданы М. де Гье в серии «*Bibliotheca geographorum arabicorum*». Сведения арабоязычных географов о Сирии (в широком значении этого названия) даны в переводе на русский язык в труде Н. А. Медникова «Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам».

Важное значение в качестве исторического источника имеют специальные «книги о налоге», справочники для правителей и служащих административно-финансового аппарата. Особое внимание востоковедов заслужила «Книга о харадже» («*Китаб ал-харадж*») Абу Йусуфа Йакуба ал-Ансари (731—798). Это произведение представляет собой обстоятельную докладную записку, составленную по предписанию Харуна ар-Рашида, видимо, пытавшегося разобраться в сложной и довольно запутанной податной системе эксплуатации подданных. Автор этой «записки» занимал важный пост главного судьи в Багдаде при халифах Махди, Хади и Харуне ар-Рашиде. Он был любимым учеником и ревностным последователем знаменитого правоведа Абу Ханифы, основателя одного из четырех мусульманских правоверных мазхабов, и сам приобрел репутацию выдающегося и весьма авторитетного правоведа. Моральный облик Абу Йусуфа не гарантирует ни беспристрастности, ни объективности его суждений. Он был карьеристом и благодаря чрезвычайной изворотливости пользовался неизменной благосклонностью трех халифов. Впрочем, это не исключает его эрудицию в мусульманском праве⁹⁷.

Содержание «Китаб ал-харадж» Абу Йусуфа весьма разнообразно. Прежде всего автор обращает внимание на различные формы податей и в связи с этим рассматривает разнообразные категории землевладения и землепользования. Как это принято у ортодоксальных правоведов, он все существовавшие в его время аграрные отношения возводит ко временам пророка Мухаммеда и халифа Омара I; из других исторических деятелей упоминается только омейядский халиф Омар ибн Абд ал-Азиз. В подтверждение своих суждений и выводов он приводит материалы мусульманского предания (хадисы), не считая нужным подвергать сомнению их подлинность. Европейские медиевисты охотно пользуются произведением Абу Йусуфа, но никто из них пока еще не подверг этот источник научно-критическому анализу.

Другим источником того же типа может служить «Китаб ал-харадж» Йахьи ибн Адама. Арабский подлинник этого сочинения издан голландским арабистом Йейнболлом в 1896 году, английский перевод — Бен Шемешом в 1958 году⁹⁸.

Аббасиды

Обширное государство, в котором верховная власть принадлежала халифам из династии Аббасидов, обычно называют Багдадским халифатом, по его столице Багдаду. Этот город, официально называвшийся Мединат ас-Салам (что значит «город мира, благоденствия»), был основан в 762 году вторым аббасидским халифом Мансуром на правом берегу Тигра, к северу от большого канала Сарат, соединявшего эту реку с Евфратом, на месте незначительного населенного пункта, известного у местных жителей под названием «сук Багдад», то есть «рынок Багдад».

В первый период арабских завоеваний некто из жителей Хиры сообщил арабскому военачальнику Мусанне, что в местечке Багдаде проходит ежегодное торжище, на которое богатые купцы из Ктесифона привозят много денег и ценных товаров. Получив это сообщение, Мусанна устремился

к Багдаду, перебил одних купцов, заставил бежать других и захватил богатую добычу. Настолько богатую, что Мусанна приказал своим воинам взять с собой только «желтое и белое» (то есть золото и серебро), а остальное сколько удастся унести.

Халифы новой династии вели свое происхождение от Аббаса, дяди пророка Мухаммеда. Следовательно, они наравне с потомками Али ибн Абу Талиба принадлежали к «дому посланника Аллаха». Присягать представителю этого дома призывали агитаторы антиомейядского восстания в Хорасане и Средней Азии. Абу-л-Аббас, основатель династии Аббасидов, до конца 749 года скрывался в Куфе, опасаясь стать жертвой репрессий со стороны халифа Мервана II. Когда же вполне выяснилось, что Мерван терпит поражение, он выступил в куфийской главной мечети как носитель верховной власти, обещал куфейцам щедрое вознаграждение за их преданность и пригрозил их противникам жестокой расправой. Он заявил, что принимает царское прозвище ас-Саффах, что значит «щедрый». Это слово в древнеарабской поэзии обычно применялось к человеку, который не жалел своего скота, дабы угостить гостей.

После принятия присяги от жителей Куфы Абу-л-Аббас перебрался в город Анбар и основал в его окрестностях резиденцию. Он назвал ее ал-Хашимия, по имени рода бену-хашим, к которому принадлежал его предок Аббас. Сюда стали стекаться его родственники, старые и вновь объявившиеся приверженцы рода Аббаса, чтобы получить места в свите и при дворе нового халифа и назначения на посты в правительстве и армии.

Почти все члены рода омейя (более 80 человек) были убиты, хотя и выразили готовность подчиниться Абу-л-Аббасу. Избежали истребления только грудные младенцы да несколько человек, нашедших пристанище в Андалусии, где обосновался омейядский эмир Абд ар-Рахман. Ему удалось бежать из своего имения в Ираке, когда туда прибыли подсланные к нему убийцы, и после блужданий по Северной Африке захватить в 756 году при поддержке кельбитских племен власть в Кордове.

Несколько восстаний, поднятых в Сирии омейядскими военачальниками против Аббасидов, был легко подавлены.

Расправа была учинена не только над живыми омейядами, но и над трупами бывших омейядских халифов. Правда, хорошо сохранились только останки халифа Хишама. Их извлекли из могилы, били кнутом, затем распяли, сожгли, а пепел развеяли по ветру.

Халиф Абу-л-Аббас (749—754), умерший в возрасте тридцати с небольшим лет (возможно, от оспы), назначил преемником своего брата Абу Джафара, который при вступлении на престол принял царское имя ал-Мансур (что значит «победоносный»). Халиф Мансур (754—775), сын рабыни-берберки, проявлял свойства государя макиавеллиевского типа. По его приказу был предательски убит Абу Муслим, популярность и влияние которого в народе представлялись халифу опасными для своего пребывания на троне. Во время продолжительного правления Мансура усилилась политическая роль иранских феодалов, представители которых — семья Бармакидов, — занимая должность везиров, возглавляли административный аппарат Халифата.

Народные восстания при Мансуре имели локальный характер и без особого труда подавлялись халифским наемным войском, которое пришло на смену ополчениям арабских племен, составлявшим вооруженные силы предшествовавшей династии. Но политическая обстановка была непростой из-за непрекращающихся дворцовых интриг. Склоки у трона продолжались и при халифе Махди (775—785), сыне и преемнике Мансура, и особенно при последующих Аббасидах. Борьба придворных группировок привела к убийству халифа Хади (785—786), сына Махди, и к воцарению его другого сына — Харуна.

Халиф Харун ар-Рашид (786—809) не в меру и незаслуженно прославлен на Востоке и Западе. Причиной славы этого халифа как доброго, справедливого и мудрого государя явились увлекательные сказки, вошедшие в свод «Тысяча и одна ночь». В этих сказках, ставших известными европейским читателям в XVIII веке во французском переводе, Харун ар-Рашид представлен в привлекательном виде, совершенно

не соответствующем исторической действительности. На самом деле это был жестокий и коварный деспот, которого с полным основанием ненавидели его подданные. Он боялся жить в Багдаде, так как столичное население часто выражало активное недовольство его правлением, и предпочитал проводить время под Анбаром, в замке, по соседству с которым не было беспокойного и враждебного городского населения. В Багдад он иногда прибывал, дабы лично проследить за сбором недоимок, и во время его пребывания в столице ее жителей подвергали побоям и сажали в тюрьмы.

С присущим ему коварством, полагая таким путем укрепить свою власть, он устранил от власти и приказал казнить Бармакидов, завидуя их влиянию и богатству. Неожиданная и необоснованная расправа с этими представителями иранской аристократии вызвала резкое возмущение иранских и иных феодалов, бывших заинтересованными сторонниками Бармакидов. Это возмущение грозило сильно подорвать положение Харуна. Однако его спас хитрый ход: еще за год до убийства Бармакидов он назначил своего старшего сына Мамуна, мать которого была иранская рабыня-наложница, несменяемым наместником восточных провинций. Тем самым Иран получил относительную автономию, и это расширило пути к обогащению иранской верхушки.

Но в правление халифа Амина (809—813), сына и преемника Харуна ар-Рашида, «иранская партия» все-таки взбунтовалась, и началась междоусобная война. Сформированное в Иране войско Мамуна осадило и взяло Багдад. Амин был убит во время бегства из столицы, и халифом стал его брат.

Халиф Мамун (813—833) получил широкую известность как крупный деятель культуры, оказывавший покровительство и тем содействовавший развитию арабоязычной науки и литературы. Под его покровительством развернулась переводческая деятельность (начавшаяся еще при Мансуре), благодаря которой множество выдающихся произведений древнегреческой и эллинистической науки и философии стало доступно арабоязычным ученым. Одновременно продолжалось усвоение некоторых достижений иранской и индийской культур. При Мамуне в Багдаде появился «дом му-

дрости» с богатым собранием рукописей, и в окрестностях города была воздвигнута обсерватория. Культурный подъем сказался даже на вероучении ислама. При непосредственном участии этого просвещенного халифа мусульманская догматика подверглась влиянию античной философии. Было разработано мутазилитское вероучение, объявленное официальной идеологией и положившее начало каламу — мусульманскому богословию.

Заслуги Мамуна в области культуры сгладили в памяти последующих поколений те жестокости, с которыми он подавлял восстания, часто вспыхивающие в его правление. Наиболее упорным и ожесточенным было восстание хуррамитов под предводительством Бабека. Оно началось в 815/816 году и продолжалось более двадцати лет, охватив горные районы Азербайджана, Армении и Северо-Западного Ирана. В это же время, в 829–832 годах, произошло восстание в Египте. Мамун отправился в Египет, где учинил жестокую расправу с повстанцами, но на Бабека сил у него уже хватило. В 833 году он умер, оставив престол своему брату Мутасиму (833–842).

При преемниках Мамуна важную политическую роль в Халифате стала играть халифская тюркская гвардия. Она формировалась из пленных тюрков, которых захватывали в ходе почти непрерывных пограничных войн со степняками за Джейхуном (Амударьей) и Сейхуном (Сырдарьей), обращали в рабство и продавали на невольничьих рынках в Средней Азии и Иране. Эти воины-рабы были безотказным орудием для усмирения беспокойного и легко возбуждавшегося населения столицы. Преимущество их, с точки зрения Мамуна, заключалось в том, что они ничем не были связаны с жителями Багдада, а следовательно, и не могли проникнуться интересами горожан. Они были надежной защитой халифа от его подданных.

Эти тюрки представляли собой значительную военную силу уже при Мамуне. Его преемник халиф Мутасим, напуганный постоянными восстаниями багдадского населения, покинул столицу и сделал своей резиденцией Самарру на Тигре. Близ этого городка были построены дворец халифа

и казармы для тюркской гвардии. Это убежище багдадских халифов стали называть Сурра Манраа, что значит «образован, кто увидел». В этой новой халифской резиденции в 838 году был казнен Бабек, предательски захваченный после того, как войскам халифа удалось в результате упорной и ожесточенной горной войны одолеть силы повстанцев.

Но, бежав от своих багдадских подданных, халифы в Самарре скоро оказались в тяжелой зависимости от тюркских гвардейцев. Постепенно их командиры обрели такое влияние, что стали вмешиваться в дела престолонаследия. В конце концов тюркские военачальники, используя подчиненную им буйную солдатню, стали запросто низлагать одних халифов и возводить на престол других, от которых они получали весьма щедрые подачки.

Халиф Васик (842—847), сын Мутасима и его рабыни-гречанки, стремился продолжать культурную деятельность, широко развернувшуюся при Мамуне. После его смерти два тюркских военачальника поставили халифом его брата Мутаваккила, сына рабыни-хорезмийки. Мутаваккил (847—861), желая найти опору вне своей гвардии, стал на путь правоверной реакции. При нем мутазилиты и другие противники ортодоксального ислама подверглись гонению. Были изданы предписания, ставившие христиан и иудеев в неравноправное положение по сравнению с мусульманами-суннитами. Рассчитывая на сочувствие правоверного населения Ирака и поддержку суннитского духовенства, Мутаваккил пытался избавиться от засилья тюркской гвардии. С этой целью он перебрался в новую резиденцию, которой дал название Джафарийя. Но бегство из Самарры не спасло халифа. В Самарре он был убит двумя военачальниками гвардии с согласия и при соучастии своего старшего сына. Последний, став халифом под именем Мунтасир, пробыл на престоле всего полгода (861—862); возможно, он был отравлен.

Халиф Мустаин (862—866), внук Мутасима и сын рабыни-славянки, был жалкой пешкой в руках тюркских командиров. Борьба между ними привела к бегству двух из них в Багдад, причем с собой они прихватили беспомощного халифа, надеясь использовать его как религиозно-поли-

тическое орудие. Однако их противники не дремали: они явились в Багдад с войском и потребовали отречения Мустаина в пользу своего ставленника. Мустаин в надежде сохранить себе жизнь покорно отрекся от престола и отправился в ссылку в «священные города», в Аравию, но по пути был убит по приказу своего преемника Мутазза. Голова Мустаина была послана новому халифу, а обезглавленный труп валялся на дороге, пока его не похоронили сердобольные местные жители.

Халиф Мутазз (866—869), сын Мутаваккила, возведенный на престол группировкой тюркских командиров, возымел, как и отец, намерение освободиться от их несносной опеки с помощью берберов. Но попытка не увенчалась успехом. Тюркские гвардейцы низложили халифа и бросили его в тюрьму, где он через шесть дней умер, вероятно, при содействии тех же гвардейцев. Мутазз так боялся одного из своих военачальников, что, опасаясь его неожиданного нападения, не расставался со своим оружием ни днем, ни ночью. Он обедал, держа наготове меч и копье, а на ночь клал их себе в постель.

Возведенный на престол Мухтади, сын Васи́ка и рабыни-гречанки, царствовал только одиннадцать месяцев (869—870). Он стремился быть благочестивым и правосудным правителем: не пил вина, избегал увеселений и сам разбирал некоторые судебные дела. Но и ему стоило жизни намерение смирить бесчинствовавшую тюркскую гвардию. Пьяные гвардейцы убили его в спальне. В царствование этого халифа началось восстание зинджей в Южном Ираке.

Халиф Мутамид (870—892), сын Мутаваккила и рабыни-арабки, бездарный и развратный человек, видевший смысл жизни в скотских удовольствиях, продержался необычно долго на халифском престоле только благодаря снисходительности своего брата Муваффака, способного и деятельного военачальника, которому удавалось если не держать тюркскую гвардию в узде, то, во всяком случае, с нею договариваться. Войско, приобретшее высокую боеспособность под его командованием, избавило Багдад, снова ставший резиденцией халифа, от опасности завоевания как со сторо-

ны иранского предводителя Йакуба ибн Лейса ас-Саффара, так и со стороны восставших зинджей.

После смерти Муваффака летом 891 года ничтожный Мутамид недолго продержался на престоле. По одной версии, он умер от обжорства, по другой — был отравлен. Его сменил Мутаид, сын Муваффака и рабыни-гречанки. Халиф Мутаид (892—902) был довольно деятельным правителем, он не жалел средств, чтобы тешить свое тщеславие, возводя красивые постройки. При этом он славился своими садистскими наклонностями. Мутаид умер во время похода на Византию; вполне возможно, его тоже отравили.

Территория Багдадского халифата

Аббасиды в первые полтора столетия своей власти оказались не в состоянии удержать все те территории, которые входили в состав Халифата при предшествовавшей династии. Прежде всего не вошла в состав Багдадского халифата завоеванная арабами часть Пиренейского полуострова — арабская Андалусия (ал-Андалус). В этой богатой стране установилась власть кордовских Омейядов — династии, основанной эмиром Абд ар-Рахманом I. В конце VIII века от Халифата отпал Дальний Запад (ал-Магриб ал-Акса), территория современного Марокко, где в 788 году власть захватил шиитский имам Идрис, основатель самостоятельной династии Идрисидов (788—985). В 800 году аббасидский наместник Магриба Ибрахим ибн Аглаб стал независимым государем и основателем местной династии Аглабидов (800—909).

Таким образом, к IX веку, когда завершилось образование Багдадского халифата как феодального государства, он представлял собой как бы воспроизведение Иранского царства поздних Сасанидов. Ведь при Хосрове II путем завоеваний в состав этого царства были включены Сирия, Палестина и Египет. Политическим центром государства Аббасидов стал Багдад, построенный недалеко от бывшей сасанидской столицы Ктесифона. Преобладающее экономическое значе-

ние в Багдадском халифате приобрел Ирак, с которым были тесно связаны области Западного Ирана, а также Закавказье и Средняя Азия.

Аббасиды в отличие от Омейядов не проводили активной завоевательной политики. Только как бы по инерции, шедшей от предыдущего периода, в 751 году произошло сражение арабских войск с китайскими на реке Талас, в Средней Азии. Арабо-византийские войны, происходившие в Северной Сирии, Анатолии и Месопотамии, не приводили к крупным территориальным приобретениям. Военные столкновения с тюркскими племенами на границах среднеазиатских степей имели оборонительный характер.

Экономическое состояние Багдадского халифата. Земледелие и скотоводство

В первое столетие господства Аббасидов (во второй половине VIII и в первой половине IX века) в Багдадском халифате быстро развивались ремесленное производство, торговля и культура. При этом В. В. Бартольд констатирует, «что та культурная работа, которой впоследствии прославились Багдад, Исфахан и другие главные города мусульманского мира, при первых Аббасидах едва начиналась...»⁹⁹.

Ко времени прихода Аббасидов к власти оросительная система в Ираке находилась в упадке. Это объяснялось почти непрерывными восстаниями и войнами в период господства Омейядов. Поэтому аббасидские власти направляли усилия земледельцев прежде всего на восстановление и улучшение системы искусственного орошения. Это было сравнительно легко осуществить, так как большинство возделываемых площадей было государственной собственностью и работавшие на них земледельцы находились в непосредственном подчинении у правительственной администрации.

В результате начался бурный рост ирригационного земледелия, особенно в южной части Ирака — Севаде. Здесь давали богатые урожаи поля, засеянные злаковыми растени-

ями, развивались садоводство и культура финиковой пальмы, дававшей особенно сочные и сладкие плоды. В Ираке и соседних с ним областях Ирана успешно выращивался хлопок и сахарный тростник. В низменных местах, на которых долго держалась вода после разлива двух великих рек Месопотамии, выращивали рис.

Наряду с Ираком и Юго-Западным Ираном страной развитого ирригационного земледелия был Египет (и особенно плодородная Дельта). Здесь помимо злаков в большом количестве выращивался лен. В сравнении с этими странами, занимавшими ведущее положение в экономике Багдадского халифата, Сирия, утратившая былое положение привилегированной провинции, имела второстепенное, хотя все еще немалое значение.

Земледелие в Ираке страдало не только от недостатка воды, выводимой на поля, но и от разрушительного действия великих рек (особенно от бурного и стремительного Тигра) в сезон их ежегодных разливов. Для предотвращения стихийных бедствий, при наступлении которых потоки воды смывали возделываемый слой почвы, несли смерть людям и домашним животным, разрушали жилища, необходимо было укреплять берега, возводить дамбы и защитные валы на полях. С другой стороны, в южной части Севада две великие реки, Тигр и Евфрат, сливаясь в одно русло — реку Шатт-ал-араб, оказывали помощь местным земледельцам. Во время прилива морская вода из Персидского (Басрийского) залива ежедневно вступала в русло Шатт-ал-араба, создавая препятствие его течению. Тогда пресная вода реки, уровень которой быстро поднимался, выходила из берегов и затопляла прибрежные сады, виноградники и рощи финиковых пальм. Такое ежедневное наводнение не только орошало затопляемые площади, но и удобряло их, оставляя после отлива слой плодородного ила.

Техника земледелия и орошения находилась на низком уровне. Наиболее сложным устройством считалось большое оросительное колесо (нория), изобретенное еще в древности. К его ободу привязывали глиняные или кожаные сосуды, которые при движении колеса черпали воду из реки или

большого канала, а затем вода выливалась из них в желоб и бежала по нему на поле. Это колесо, способное вращаться на оси, обычно державшейся на двух столбах, приводилось в движение парой буйволов или верблюдов. Более доступным для земледельцев, а потому и более распространенным техническим приспособлением был шадуф — черпак, ручка которого вращалась на деревянном столбе и которым вручную черпали воду и выливали ее на поле. В Египте шадуфы применялись со времен фараонов наряду с архимедовым винтом, появившимся в эллинистическую эпоху.

Сельскохозяйственный инвентарь был еще примитивнее. В повсеместном употреблении были кетмень, лопата, вилы и серп такой формы, какая существовала уже в течение нескольких тысячелетий, во всяком случае, со времен шумеров и строителей египетских пирамид. Плуг тоже сохранял свою древнейшую конструкцию; вернее, это была соха без резака и отвала. По условиям почвы и климата при пахоте не требовалось отваливать землю пластами; достаточно было только разрыхлить ее.

Полный застой в сельскохозяйственной технике в значительной мере объяснялся широким применением рабского труда. Да и свободные земледельцы не были заинтересованы в развитии производства. Весь прибавочный продукт, а нередко и часть самого необходимого отбирался у крестьян в виде налога.

Сбор налогов часто сопровождался злоупотреблениями; среди сборщиков преобладали взяточники и вымогатели, которые использовали в своих корыстных интересах темноту и беззащитность тогдашнего крестьянства. Официальное летосчисление велось по лунному календарю хиджры, а поземельный налог взимали по солнечному календарю, соответствовавшему временам года. Благодаря несоответствию официального календаря с астрономическим солнечным некоторые сборщики ухитрялись взимать налог дважды в год.

При Мансуре с населения земель, обложенных хараджем (это были преимущественно государственные земли), налог взимался или с посевной площади натурой и деньгами, или

в виде части урожая. Кроме того, сохранялись еще земли, с которых подать платилась согласно договорам, восходившим к периоду завоеваний. Помимо хараджных земель имелись земли, бывшие наследственной собственностью земледельцев; такие земли назывались «мульк». С этой категории земель взималась подать ушр (десятина). Наконец, часть земель была освобождена от подати. Это были земли халифа и членов царствующей фамилии, некоторых сановников, а также вакфы, то есть недвижимая (в том числе и земельная) собственность, принадлежавшая мечетям и мусульманским религиозным учреждениям; доходы с вакфных земель поступали в распоряжение духовенства.

Стремление увеличить податные поступления с хараджных земель привело при преемниках Мансура к постепенной замене натуральной подати в виде части урожая денежным налогом в зависимости от размеров посевной площади. Эта мера, особенно усиленно проводившаяся при Харуне ар-Рашиде, значительно ухудшила положение податного населения, но значительно пополнила казну. Прежде неурожай снижал доходы халифа, но гибель посевов (например, вследствие разрушительных наводнений или налетов саранчи) отражалась только на земледельцах, обязанных вносить установленную сумму, независимо от собранного урожая. Лишь при халифе Мамуне в 820 году было дано указание (иногда называемое «законом Мамуна») установить максимум податей в две трети урожая.

Поскольку государство было собственником не только земли, но и воды, ставки податей зависели также от источника орошения полей. Наиболее высокие подати (не менее половины урожая) платили земледельцы, орошавшие свои поля непосредственно из государственной оросительной сети. Ставки снижались, если земледельцы сами проводили канал, по которому вода поступала на их поля.

Абу Йусуф наставлял халифа, что подати должны взиматься неукоснительно. Причем если для мусульман могут быть какие-то послабления, то для всех остальных ни в коем случае. «Да не окажет он снисхождения ни одному из них, против ему часть следуемого», — пишет этот дворцовый право-

вед в «Китаб ал-харадж». Недопустимо также, добавляет Абу Йусуф, чтобы сборщики податей входили в соглашение с представителями иноверческих общин и удовлетворялись предложенной им суммой подати, не проверив численности податного населения. Видимо, нередко бывали случаи, когда сборщик податей (конечно, получив взятку от старосты деревни) снижал сумму податей, причиняя ущерб казне. Взятка вообще была лучшим и наиболее распространенным средством освобождения от уплаты подати.

Абу Йусуф решительно выступает против взимания податей с неимущих, больных и старых, а также против истязаний недоимщиков, из чего можно сделать вывод, что подобные явления были повсеместно распространены. Багдадский правовед считает недопустимым, чтобы зиммиям, добиваясь уплаты поголовной подати, наносили побои, выставляли их на палящее солнце или подвергали иным пыткам. Он полагает, что «с ними надо поступать милостиво, заключая их в тюрьму, пока они не уплатят того, что должны». Он советует халифу отдать распоряжение, чтобы с зиммиями «не поступали несправедливо, чтобы их не обижали, не обременяли их не по силам, ничего не отбирали из их имущества сверх того, что следует с них по праву»¹⁰⁰.

Эти советы, дававшиеся деспоту одним из видных идеологов господствующего класса, имели своей основной целью предотвращение народных восстаний, потрясавших Багдадский халифат.

Наряду с земледелием большое хозяйственное значение имело оседлое скотоводство. Благодаря ему города снабжались молоком и мясом, а кожевенники, которых было множество, не испытывали дефицита сырья; оно также обеспечивало земледелие и отчасти ирригационное хозяйство рабочим скотом. На обширной кочевой периферии было развито верблюдоводство, поставлявшее наиболее распространенное средство транспорта. Торговый обмен по суше между государствами, областями и городами Востока осуществлялся верблюжьими караванами, перевозившими товары на огромные расстояния.

Ремесленное производство, города

Отделение ремесла от земледелия произошло у арабов еще до возникновения ислама, а в странах, завоеванных ими, — в эпоху рабовладельческой древности. Многочисленные ремесленники разнообразных специальностей в Багдадском халифате жили преимущественно в больших городах, но имелись также и целые деревни, население которых занималось не хлебопашеством, а ремеслом, большей частью текстильным или кожевенным.

Наиболее распространенными ремеслами были прядение и ткачество. Высокосортные льняные ткани (холсты и полотна) выделывались в Нижнем Египте. Они находили покупателей далеко его за пределами. В Сирии было развито шелководство. Почти во всех странах Халифата вырабатывали тонкие и прочные сукна, иногда искусно раскрашенные естественными красителями, полученными из сока листьев, коры и корней различных растений.

Большое развитие получила выделка кожи, в частности методы ее дубления. С производством тканей и кожи было тесно связано изготовление одежды и обуви. Повсеместным спросом пользовалась продукция шорников и седельников, изготовлявших верблюжью и конскую сбрую и седла для езды на лошадях, верблюдах, мулах и ослах. Седла именитых и богатых наездников вышивали узорами, украшали металлическими бляхами, жемчугом и самоцветами.

Высокого уровня достигли металлообрабатывающие ремесла, прежде всего изготовление оружия — мечей, копий, щитов, кольчуг, панцирей, шлемов. Особенно славились мечи из дамасской стали, секрет которой мастера хранили в глубокой тайне.

Металлическая (преимущественно медная) посуда — блюда, чаши и кувшины — присутствовала на столах горожан, обладавших материальным достатком. Деревенские жители и городская беднота пользовались глиняной и деревянной посудой. Широкое применение в домашнем быту находили сирийские стеклянные изделия. Во дворцах халифов, их са-

новников, в домах богачей кушанья и напитки подавались в золотой и серебряной посуде, нередко отличавшейся изящной выделкой.

Рост экономики и неравномерное распределение ее плодов приводил к росту числа богачей, что в свою очередь увеличивало спрос на ювелирные изделия. В Багдад и другие крупные города со значительным ремесленным населением морские и речные суда и верблюжьи караваны доставляли слитки серебра из Ирана и рудников в горах Гиндукуша, золото везли из Магриба, из Африки поступали ценные породы дерева и слоновая кость.

Значительного развития достигли также ремесла, связанные с изготовлением пищевых продуктов, в частности сладостей. Спросом пользовались косметические средства и лекарственные снадобья.

Большинство ремесленников были свободными людьми. Обычно они работали на городских базарах, привлекая к своему делу родственников; владельцы больших мастерских иногда использовали рабский труд. Ремесленные мастерские на базарах составляли особые ряды; в каждом ряду работали ремесленники какой-либо отдельной специальности. Ремесло часто не отделялось от торговли, то есть мастерская часто служила лавкой. Объединения ремесленников, подобные западноевропейским цехам, возникли в Халифате значительно позднее.

Города в Халифате были не только военно-административными, но и важными экономическими и культурными центрами отдельных стран и областей. По определению средневековых арабоязычных географов, городом мог называться населенный пункт, в котором имелись мечеть, дворец правителя, баня, школа, хан (гостиница), больница и мейдан (площадь). В больших городах такие здания, заведения и учреждения насчитывались десятками и даже сотнями.

Экономическая роль городов в Халифате имела особое значение вследствие развитых денежных отношений. Следует иметь в виду, что в отличие от раннесредневековой Западной Европы в странах Халифата феодальное поместье никогда не имело ни экономического, ни политического

преобладания над городом. К тому же феодалы в Багдадском халифате проживали не в поместьях, а в городах.

Самым крупным городом в Багдадском халифате была его столица Багдад, которому его основатель халиф Мансур дал официальное название Мединат ас-Салам и который народ стал называть Мединат ал-Мансур (город Мансура). На строительство новой столицы по приказу Мансура были пригнаны работники не только из Месопотамии и Ирака, но также из Сирии и Ирана; их численность достигала, по традиционным арабским данным, 100 тыс. человек. Уже на другой год после закладки, в 763 году, в Багдад из Куфы была перевезена государственная казна и переведены правительственные учреждения (диваны). Строительство «города Мансура» было завершено в 766 году. Еще Багдад называли «круглым городом», поскольку он был опоясан двойным кольцом крепостных стен, сложенных из кирпича-сырца. Впоследствии была возведена третья, внешняя стена, а за нею выкопали ров и наполнили его водой.

В центральной части города, окруженной «внутренней стеной», возвышался дворец халифа, который стали называть Золотыми воротами или Зеленым куполом, так как над тронным залом этого дворца был возведен большой купол, облицованный бирюзовой черепицей. Рядом с дворцом была построена мечеть. В некотором отдалении от дворца располагались правительственные здания, казармы халифской гвардии, палаты особ халифской фамилии и государственных сановников. Наиболее отдаленным от дворца было здание тюрьмы. Четверо ворот (Басрийские, Хорасанские, Сирийские и Куфийские) вели из центра города в ту его часть, которая была расположена между «внутренней» и «главной» стенами. Сюда по приказу Мансура были переселены и распределены по кварталам жители различных населенных пунктов, находившихся в округе. Здесь же поселились ремесленники и купцы из других городов, привлеченные обещанием халифа предоставить столичному населению различные податные и таможенные льготы.

Но, видимо, халиф обманул столичное население, так как оно с самого начала своего проживания в Багдаде проявляло

сильное раздражение. Не вполне полагаясь даже на крепость «внутренней стены» и боясь выезжать за нее, чтобы не встречаться с недовольными подданными, Мансур уже через несколько лет после постройки столицы предписал выселить беспокойных ремесленников и мелких торговцев за пределы городских стен, в пригород Карх. При этом халиф распорядился, чтобы мясной рынок был помещен подальше от городских стен. Свое распоряжение он обосновал тем соображением, что мясники склонны к буйству, а в руках у них — острое железо.

Багдад быстро разрастался и уже в IX веке превратился в один из крупнейших международных центров ремесленного производства и торговли. Начавшись на правом берегу Тигра, разросшийся город занял значительные площади и на левом берегу, где открылись оживленные базары. Разделенные рекой части города сообщались по плашкоутному мосту. Багдад приобрел также ведущее значение как культурный центр Халифата. Он стал пунктом притяжения и средоточием лучших интеллектуальных сил арабоязычной культуры, особенно со времени правления халифа Мамуна.

Другим важным городом, в котором жизнь также была ключом, была Басра — южные торговые ворота Халифата. С ней мог соперничать только порт Сухар в Омане, а позже Маскат. Оживленным портом стал также Сираф на иранском побережье Персидского залива.

Торговля

Срединное положение Багдадского халифата на перекрещивавшихся международных торговых путях, по которым товары из стран Дальнего Востока и Индии поступали в Европу, определило его выдающееся значение в международной транзитной торговле. Но гораздо большее значение для экономики Халифата имели торговые отношения между различными территориями, входившими в состав этого обширного государства, расположенного между двумя океанами — Индийским и Атлантическим — и омывавшегося четырьмя морями — Средиземным, Черным, Красным

и Басрийским (Персидский залив). Базой торгового обмена служили прежде всего развитое ремесленное производство и хорошо освоенная добыча полезных ископаемых.

Крупные города были важными пунктами караванной и морской торговли; склады здесь всегда были наполнены местными и заморскими товарами. Египетские льняные ткани поставлялись не только в Африку и в Азию, но даже в Европу. Хороший сбыт повсюду имели сирийские шелковые и стеклянные изделия, оружие и металлическая посуда. Из Западного Ирана поступали ковры и художественные вышивки; из Хузистана вывозили сахар. В этой же области и в районе Куфы выращивали хлопок. Медь добывали в Иране, Средней Азии, Армении и Ифрикии. Оловом и свинцом были богаты недра Северного и Западного Ирана, где также, в районе Истахра, добывали ртуть. Обилие нефти и асфальта было в Юго-Западном Иране и Северном Ираке. Из Южного Ирана везли опиум и индиго.

Торговые караваны из Северной Африки и Египта проникали в район озера Чад и нередко доходили до экватора. Арабские караванщики проложили тропы через леса, степи и пустыни в областях южнее Сахары. Их привлекала возможность легкой наживы в торговле с населением Западной Африки, у которого они выменивали на соль золото и выгодно покупали большие партии рабов. Из Тимбукту и Гао они, кроме золота, вывозили слоновую кость. Из «черной» Африки доставляли страусовые перья и шкуры диких зверей, в изобилии водившихся в тамошних лесах и саваннах.

Большое развитие получило торговое мореплавание в Индийском океане и Средиземном море. Уже в V веке в Хиру и Оболлу прибывали корабли из Индии и Китая.

До VIII века инициатива торговых сношений по Индийскому океану принадлежала китайцам, которые проявляли больше предприимчивости, чем арабские и иранские купцы. В гавани Сирафа бросали якорь громадные китайские торговые суда, на некоторых из них экипаж состоял из 400—500 человек. Эти корабли были хорошо вооружены на случай встречи с пиратами — на них имелись огнеметы, способные извергать горящую нефть.

Но в начале VIII века басрийские мореходы превзошли китайцев и индийцев в кораблестроении. При Хаджжадже они стали выходить в море на кораблях, при постройке которых применялись металлические гвозди (до этого кораблестроителям были известны только деревянная клепка и веревки).

Басрийцы исследовали все острова в Персидском заливе и освоили имевшиеся там удобные гавани. Затем, выйдя в океан, они основали торговые фактории на островах Сокотре и Занзибаре и побережье Восточной Африки. Из Африки корабли доставляли в Халифат чернокожих рабов, слоновую кость, ценное дерево, золотой песок и драгоценные камни. Слоновая кость и драгоценные камни вывозились также с Цейлона. На западном побережье Индии (так называемом Малабарском берегу) были основаны фактории, в которых мусульманские купцы, подданные аббасидского халифа, насчитывались тысячами. Они построили там мечети, их судебные дела разбирали мусульманские судьи — кади. Индия снабжала Халифат пряностями и текстильными изделиями, в том числе тончайшими шелковыми тканями. Торговые поселения купцов из Халифата имелись и на юго-восточном побережье Индии, на Коромандельском берегу. Там ежегодно продавали по несколько десятков тысяч лошадей, которых везли морем из Сирафа.

Торговая деятельность мусульманских купцов в южных морях отразилась в сказочных приключениях Синдбада-морехода из свода «Тысяча и одна ночь». Синдбад, как полагают, добрался до города Кала в Малакке. Этот полуостров был богат золотом и оловом.

В середине VIII века арабские и иранские купцы знали путь в Китай, куда первое время они плавали на китайских джонках, возвращавшихся из Басры к себе на родину. Вскоре в Гуанчжоу мусульмане уже составляли население нескольких кварталов, и здесь были построены мечети. Мусульманские купцы, получив разрешение китайского правительства, проникали со своими товарами во внутренние области Китая. Но в 878 году колония арабских купцов в Гуанчжоу была уничтожена в ходе мощной крестьянской войны. После этого купцы из Халифата не проникали на восток далее Малакки.

Сношения Арабского Востока с Китаем возобновились только в XIII веке.

Плавание в Китай было настолько налажено, что даже некоторые жители Средней Азии предпочитали отправляться в эту далекую страну южным, морским путем. Так, один самаркандский купец отправился в Китай через Ирак, отплыв с богатыми товарами из Басры, а прибыв на Малакку, проследовал далее на китайском корабле¹⁰¹.

Морская торговля между Халифатом и Китаем не привела к прекращению движения верблюжьих караванов по северному «шелковому пути», который вел в Багдад через Самарканд, Бухару и Хамадан. Далее, из столицы Халифата, одна дорога шла, разветвляясь, на запад, к Трапезунду, где восточные товары грузили на византийские торговые суда, и к сирийским портам Средиземного моря. Другой путь вел на юго-запад, в Аравию и Африку, — через Куфу, Медину, Мекку и красноморские порты или по Суэцкому перешейку.

В хрониках династии Тан (618—907) сохранились имена аббасидских халифов, сильно измененные в китайской передаче. Но вопрос об обмене официальными посольствами между халифами и богдыханами до сих пор остается открытым. В арабоязычных источниках не сохранилось сведений о приеме какого-либо китайского посольства в Багдаде или в Самарре. Есть версия, что некоторые купцы, прибывавшие в Китай из Халифата, выдавали себя за официальных послов халифа, чтобы получить таможенные льготы и предотвратить разграбление своих товаров местными властями.

Торговые сношения Халифата с Индией, Индонезией и Китаем оставили значительный след в арабоязычной литературе. В IX веке, когда морские пути в эти далекие и до того неизвестные страны были освоены арабскими и персидскими купцами, в большом изобилии создавались рассказы, которые И. Ю. Крачковский называет «географическими сказками». Эти «сказки», в которых правдивые сведения о чужих странах и народах перемешивались с необузданным вымыслом, находили множество слушателей в Басре, Сирафе и Багдаде¹⁰².

К середине IX века относятся рассказы «купца Сулеймана», получившие литературную обработку в следующем столетии. Этот предприимчивый искатель наживы предпринял несколько поездок с торговыми целями в Индию, а оттуда, через Малаккский пролив, в Китай, и довольно живо, с подробностями, описал свои путешествия. Позже рассказы Сулеймана были дополнены Ибн Вахбом, другим купцом-путешественником, который побывал в этой столице танского Китая Хумдане (Синаньфу).

Торговле Халифата с Византией мешали частые арабо-византийские войны. Однако торговый обмен между ними не прекращался, и «корабли румов» постоянно посещали гавань Трапезунда, бывшего северными торговыми воротами Халифата. Византия нуждалась в восточных товарах, которые она могла получать только от мусульманских купцов.

Арабский торговый флот господствовал в Средиземном море. Здесь Египет играл такую же важную роль, как Ирак в Индийском океане. Долина Нила находилась в торговых отношениях с Магрибом, Андалусией и Западной Европой. Однако если торговый обмен Андалусии и Магриба с Египтом, а через него с азиатской территорией Халифата был регулярным, то торговля с Западной Европой имела скорее спорадический характер. Существует теория, разработанная бельгийским историком Анри Пиренном, что арабские завоевания и образование Халифата нарушили экономические связи, установившиеся в эпоху Античности между Востоком и Западной Европой¹⁰³. Она встретила скептическое отношение со стороны европейских медиевистов, хотя, как нам кажется, основные выводы этого ученого, базирующиеся на большом и интересном фактическом материале, заслуживают серьезного внимания. В частности, не подлежит сомнению, что морская торговля сирийцев с франкским королевством Меровингов в V–VI веках была довольно оживленной, но после установления арабского господства в Сирии почти совершенно прекратилась. Она не получила развития и при Каролингах, династия которых утвердилась в 751 году, то есть почти одновременно с приходом к власти Аббасидов.

В прямой связи с «франко-мусульманскими» торговыми отношениями стоит вопрос о дипломатических связях между аббасидскими халифами и франкскими государями. В западноевропейской историографии утвердилось мнение, что они были установлены при Пипине Коротком (751—768), современнике халифа Мансура, и получили развитие при Карле Великом (768—814), современнике Харуна ар-Рашида. Но академик В. В. Бартольд в своем исследовании «Карл Великий и Харун-ар-Рашид»¹⁰⁴ обращает внимание читателей на полное молчание арабоязычных авторов о каких-либо сношениях аббасидского халифа с императором Карлом Великим. Более того, в Халифате ничего не знали об этом императоре; даже его имя не было известно. Равным образом Эйнхард и другие франкские летописцы ничего не сообщают о Халифате и не знают имен халифов. Таким образом, В. В. Бартольд сделал вывод о том, что дипломатических контактов между халифами и франкскими правителями не существовало.

Против выводов В. В. Бартольда выступил известный византист А. А. Васильев в «Византийском временнике»¹⁰⁵. В ответ ему В. В. Бартольд выступил со второй статьей «К вопросу о франко-мусульманских отношениях»¹⁰⁶. После этой дискуссии на страницах научных журналов положение В. В. Бартольда о легендарности дипломатических отношений между Аббасидами и Каролингами можно признать вполне доказанным.

Это, впрочем, не исключает поручений разведывательно-дипломатического свойства, которые могли даваться купцам. Почти вся торговля, связывающая Западную Европу с Востоком в это время, находилась в руках еврейских купцов; об их деятельности знали и арабоязычные географы. Эти купцы везли из Западной Европы в страны Востока рабов, бобровые и горностаевые меха и мечи. Путь их лежал по Средиземному морю, затем через Египет в Красное море и далее в Индию и Китай. С Востока в Европу они доставляли мускус, пряности, камфару и прочие ценные товары, потребителями которых была прежде всего придворная знать. При дворе Карла эти купцы пользовались почетом и доверием. Франк-

ский император давал им разного рода задания. Такое задание, например, было возложено на купца Исаака, который в самом конце VIII века отправился на Восток и пробыл там несколько лет. Он вернулся через Тунис и Сицилию в Италию, привез с собой слона и другие подарки, якобы присланные Харуном ар-Рашидом, и выдал себя за халифского посла. В глазах европейцев слон, носивший кличку Абу-л-Аббас, совершенно затмил самозваного посла. Невиданное в Европе животное повсюду собирало огромные толпы зевак. Пройдя Италию, слон преодолел Альпы и в 802 году оказался в Аахене, куда ко двору Карла Великого прибыл и сам Исаак. В 810 году этот слон, увековеченный упоминанием во франкской летописи, скоропостижно околел. Что же до подарков, присланных халифом императору (водяные часы с фигурами, шелковый шатер и др.), то они не могли сохраниться, так как в действительности их и не было¹⁰⁷.

Торговля Халифата с Восточной Европой в изучаемый нами период еще не получила развития. Но уже были известны пути по Каспийскому морю и Нижней Волге в Хазарский каганат, устанавливались сношения с Киевской Русью. От киевских славян и русов по торговому пути «из варяг в греки» арабы получали янтарь, привозимый с берегов Балтийского моря. Из Восточной Европы в Халифат пригоняли белых рабов, привозили мед и воск.

Государственный строй

По своей структуре и официальной идеологии Багдадский халифат в VIII–IX веках был феодальной теократической деспотией. Согласно нормам суннитского государственного права, аббасидский халиф совмещал в своем лице полномочия и функции верховного имама и верховного эмира, то есть обладал всей полнотой духовной и светской верховной власти. Как глава мусульманской общины, преемник и заместитель посланника Аллаха и даже представитель Аллаха на земле халиф считался верховным собственником всей земли и воды в государстве. Он обладал самодержавной

властью, которая ничем не ограничивалась, кроме меча гвардейцев (при преемниках Мамуна).

В первое столетие господства Аббасидов халифское самодержавие было политической реальностью. Верхушка господствующего класса, составлявшая непосредственное окружение халифа, стремилась проводить централизаторскую политику. Наместники провинций и военачальники назначались халифом и подчинялись только его распоряжениям. Подати, налоги и прочие сборы с населения поступали в Багдад, составляя актив государственной казны. Присвоение налоговых поступлений наместниками и другими должностными лицами рассматривалось как незаконное и наказуемое деяние.

Арабская аристократия утратила свое исключительное положение и была вынуждена разделить власть и доходы с крупными иранскими феодалами. Из их среды выделились высшие государственные сановники — везиры. Такой должности и звания не было при Омейядах. Она была учреждена Мансуром, который взял за образец организацию правительства при Сасанидах. Эту высшую правительственную должность в течение половины столетия занимали Бармакиды, крупные землевладельцы из области Балха и потомки буддийских жрецов этого города.

Главный везир, считавшийся первым помощником и наиболее авторитетным советником халифа, имел в своем подчинении центральный административно-финансовый аппарат, войско и ведомство государственного контроля. Его деятельность ничем, кроме произвола халифа, не ограничивалась. Как хранитель халифской печати он обладал всеми функциями верховной власти. Везир мог ставить эту печать на документах, не испрашивая предварительного разрешения халифа, хотя и обязан был докладывать о каждом случае использования печати. Таким образом, благодаря Бармакидам иранские феодалы держали арабского халифа под своим контролем.

Но, как мы уже говорили, Харун ар-Рашид лишил Бармакидов власти и жизни. В художественную литературу попала несостоятельная версия, согласно которой причиной падения Бармакидов послужила романтическая история Аббасы,

сестры Харуна ар-Рашида, и везира Джафара ибн Яхьи Бармакида. Эта просвещенная принцесса, уже трижды бывшая замужем и трижды овдовевшая, часто принимала участие в вечерних беседах и развлечениях, участниками которых были халиф и его везир. Чтобы избежать нарушения шариата, запрещающего пребывание женщины в обществе мужчины, не связанного с ней брачными или близкими родственными узами, халиф предписал заключить фиктивный брак между своей сестрой и везиром. Когда же халиф узнал, что брак стал фактическим, он пришел в состояние крайнего раздражения и необдуманно приказал казнить Джафара, а заодно и других Бармакидов. Недостоверность этого рассказа показал еще Ибн Халдун, приведя его в виде примера легковерия историков.

Политика военно-административной централизации нередко встречала противодействие со стороны провинциальных правителей и военачальников. В конце концов, основной задачей каждого из них было личное обогащение. Наместники халифа нередко произвольно повышали подати с подчиненного им населения, присваивали значительную часть податных поступлений, захватывали земли и другую недвижимость, приносящую доход. Халифы и начальники центральных учреждений, оберегая свои доходы, вели борьбу против их самоуправления и порой даже прибегали к вооруженной силе. Однако в тяжелых и опасных условиях народных восстаний они ради подавления сил повстанцев предоставляли в распоряжение наместников все средства провинций. Иногда халифы были вынуждены отступать. Так, они примирились с образованием самостоятельных и полусамостоятельных государств в Северной Африке, Средней Азии, Афганистане и Иране.

Информацию о деятельности провинциальных правителей собирал барид — по сути, ведомство контроля и сыска. Первоначально, при халифе Муавии, этим словом называли верхового гонца, перевозившего правительственную корреспонденцию. При Абд ал-Малике так стали называть почтовую службу, обеспечивавшую переписку халифа с его наместниками и военачальниками в провинциях. В правление халифа Мансура барид превратился в одно из важных правительственных ведомств (диванов), а его начальник

(сахиб ал-барид) стал очень крупным и влиятельным должностным лицом в Багдаде. В его подчинении находились служащие многочисленных «почтовых станций», разбросанных по всей огромной территории Халифата — в городах и на дорогах, проложенных еще при Ахеменидах и Сасанидах, при римском и византийском господстве. На каждой станции в распоряжении ее начальника постоянно имелись гонцы и верховые животные; в зависимости от условий местности это были лошади, верблюды или ослы.

Обязанности служащих барида не ограничивались пересылкой правительственной корреспонденции. Они должны были собирать и сообщать в Багдад точные сведения о состоянии земледелия и искусственного орошения, о настроениях местного населения, о деятельности провинциальной администрации и о количестве вычеканенной золотой и серебряной монеты на местном монетном дворе (если, конечно, он имелся). Эти сведения в виде письменных докладов регулярно поступали в Багдад, в канцелярию сахиб ал-барида, который на основании сводок, составленных служащими его ведомства, ежедневно докладывал везиру о положении в государстве. В случае особо важных происшествий сахиб ал-барид имел право помимо везира беспрепятственно просить аудиенцию у халифа.

С баридом были связаны довольно многочисленные шпионы-осведомители обоего пола, действовавшие как в Халифате, так и в зарубежных странах. Содержание этого ведомства обходилось казне в 159 тыс. динаров.

Архивы диван ал-барида и имевшиеся в нем подробные маршруты послужили надежными материалами для сочинений по экономической географии типа «масалик вал-мамалик» (пути и государства).

Отношения между Халифатом и Византией

Когда Аббасиды пришли к власти в Халифате, верховная власть в Византии принадлежала императорам Исаврийской династии (717—802). Следовательно, первые пять

аббасидских халифов были современниками императоров этой династии. Ее основатель Лев III Исавр (717—741), выдающийся государственный и военный деятель, происходил из Сирии, вследствие чего владел арабским языком и имел точное представление о положении дел в Омейядском халифате. Через несколько месяцев после его вступления на престол арабские войска, занимавшие важные стратегические пункты в Малой Азии, форсировали Геллеспонт и при поддержке огромного флота осадили Константинополь. После неудачи арабов под стенами византийской столицы арабо-византийская война была перенесена в Малую Азию, где в конце правления Льва III арабское войско потерпело поражение при Акроиноне, современном Карахисаре, и отступило в Восточную Анатолию. На этой территории вплоть до начала IX века военные действия выражались в пограничных стычках и набегах¹⁰⁸.

В течение IX века арабы проявляли большую военную активность как на сухопутной границе с Византией, так и на Средиземном море. На арабо-византийской границе их форпостом была область, которой дали название ал-Авасым, что значит «защищающие» (города), от арабского глагола «асама» — «удерживать», «предохранять», «защищать». Наиболее крупным пунктом этой области была Антиохия. Кроме нее, в ал-Авасыме важную роль играли города Балис на Евфрате, Манбидж, Самосат. Для защиты этих городов и всей области от неожиданных вторжений неприятеля была построена у самой границы линия крепостей, получившая название «сугур» — передние зубы. Из этих крепостей наибольшее значение имела Таре, расположенная у Киликийского горного прохода. Арабы почти ежегодно (весной и летом, а иногда и зимой) предпринимали набеги на византийскую территорию. Эти набеги не сопровождались территориальными приобретениями, но причиняли немалый ущерб хозяйству населения пограничных районов.

И арабы, и византийцы стремились использовать внутренние осложнения в государстве противника. В правление халифа Мамуна власть в Византии перешла к Аморийской династии (820—867). В царствование первого ее предста-

вителя — Михаила II Травла (Косноязычного) (820—829) развернулось мощное восстание в Малой Азии под предводительством Фомы Славянина, который претендовал на императорский титул. Фома в обмен на помощь пообещал халифу сделать территориальные уступки в Малой Азии, после чего получил разрешение Мамуна короноваться в Антиохии. Дело, казалось, шло к победе Фомы. На его сторону перешел византийский военный флот в Эгейском море, что дало повстанцам возможность переправиться и осадить Константинополь. Но войску Михаила II, которому оказала активную помощь болгарская знать, удалось оттеснить силы повстанцев. В 823 году Фома попал в плен и был казнен. Ставка Мамуна на Фому оказалась битой.

В то же время Византию ждала неудача на Средиземном море — в 825 году она потеряла Крит, имевший большое стратегическое и торговое значение. Этот плодородный остров, на котором было много городов и селений, захватили жители Кордовы, изгнанные из Андалусии в 814 году, после восстания против омейядского эмира Хакама I. Покинув Пиренейский полуостров, они — около 15 тыс. человек, не считая женщин и детей, — высадились в Египте. Через четыре года, в 818/819 году, воспользовавшись восстанием египетского наместника против халифа Мамуна, андалусцы овладели Александрией и, казалось, расположились там надолго, но в 825 году Абдуллах ибн Тахир, ставший правителем Египта, потребовал, чтобы они покинули пределы долины Нила. Снова сев на корабли, андалусцы направились к Криту и захватили его, не встретив сопротивления, так как в то время византийские сухопутные войска и флот были заняты борьбой с приверженцами Фомы Славянина. Крит после этого стал гнездом мусульманских пиратов, нападавших на острова и побережья Эгейского моря. Попытки византийцев восстановить свою власть на острове долго (до 961 года) не имели успеха.

В Западном Средиземноморье успех также был на стороне арабов. Здесь они весьма удачно воспользовались восстанием командующего византийским флотом Евфимия, который объявил себя правителем Сицилии. Однако далеко не все

города и области Сицилии признали власть новоявленного правителя, и тогда он обратился за военной помощью к Зийадет-аллаху I, правителю Ифрикии из династии Аглабидов. Войска, направленные Зийадет-аллахом I, высадились в Сицилии и приступили к завоеванию острова. Евфимий был убит сторонниками византийского императора. Аглабидские же войска заняли Палермо, Мессину и большинство других городов острова; только Сиракузы оставались под управлением византийской администрации вплоть до падения Аморийской династии¹⁰⁹.

Из Сицилии североафриканские арабы переправились на Апеннинский полуостров и захватили Тарент, принадлежавший беневентскому герцогу. Затем овладели несколькими пунктами в принадлежавших Византии Калабрии и Апулии, в том числе важным портовым городом Бари, нанесли тяжелое поражение венецианскому флоту, пришедшему в Тарентский залив, и разбили войско под командованием императора Запада Людовика II.

С этого времени в гаванях сицилийских приморских городов обосновались арабские пираты, нападавшие отсюда на побережья Италии и Южной Франции и на острова в западной части Средиземного моря. Они захватывали богатую добычу на суше и в море, в том числе немало пленников, которых затем продавали на невольничьих рынках в городах Северной Африки. Дошло до того, что в 840 году арабские пиратские корабли вошли в устье Тибра и создали угрозу Риму, население которого охватила неопишуемая паника.

Византийцы, в свою очередь, сумели использовать мощное движение хуррамитов, происходившее под предводительством Бабека в 815/816–837 годах. В стремлении помешать военному союзу Византии и хуррамитов Мамун вынужден был совершить четыре похода в византийскую Малую Азию — в 830, 831, 832 и 833 годах¹¹⁰. После подавления хуррамитского движения и казни Бабека халифское войско в 838 году, уже при Мутасиме, предприняло новое вторжение в Малую Азию и после продолжительной осады взяло хорошо укрепленный город Аморий, давший имя

династии. Это был столь значительный военный успех, что Мутасим стал строить планы о походе на Константинополь, однако осуществить их ему не удалось.

Восстание Бабека

Вероучение хуррамитов было смесью идей маздакизма с христианско-исламскими элементами. Они верили в постоянную борьбу света и мрака, и само названия движения, возможно, происходит от персидского слова «хуррам» — «ясный, светлый». Допустимо производить его и от «хур», «хвар» — «солнце», «огонь»¹¹¹. Хуррамиты были известны также под названием «мухаммира» — «красные» или «сурх алем» — «краснознаменные». Красный цвет — цвет крови — выражал у них готовность жертвовать собой во имя свободы.

Восстание хуррамитов, начавшись в Азербайджане как крестьянское возмущение, распространилось на огромной территории: им были охвачены Хорасан, Джибал, Армения, Табаристан, Джурджан, Дейлем и область Хамадана вплоть до Исфахана. Оно продолжалось более двадцати лет, до 837 года, и только в Азербайджане в нем участвовало около 300 тыс. человек. Прежде всего оно было направлено против арабского господства. Это обстоятельство побудило примкнуть к нему многих местных феодалов, причем не только мелких и средних, но и феодальную аристократию и даже правителей областей.

О размахе движения, численности его участников и их высоком боевом духе можно судить по неизменным успехам, которые они достигали в сражениях с халифскими войсками. Первую крупную военную победу над арабами хуррамиты одержали в 820 году. Затем, в 823/824, 828 и 829/830 годах, были разбиты еще три войска, посланных Мамуном, причем одно из них насчитывало в своих рядах 30 тыс. воинов.

Немалое значение для побед хуррамитов имели также организаторские способности и военный талант Бабека, в молодости бывшего погонщиком верблюдов в торговых караванах. Став во главе движения, охватившего огромную

территорию, Бабек проявил себя как весьма способный военачальник и расчетливый политик, сумевший правильно оценить международную обстановку и прежде всего арабо-византийские отношения.

Одержав ряд побед над арабами и заставив с собой считаться, он вступил в переписку с византийским императором Феофилом (829—842) и предложил ему вести совместные военные действия против Халифата. По некоторым сведениям, Бабек в переписке выдавал себя за христианина и обещал обратить в христианство всех своих последователей¹¹². Это не следует рассматривать только как дипломатический маневр. Ведь хуррамиты по своей идеологии стояли ближе к христианству, чем к исламу.

Известно, что женщины у хуррамитов не носили покрывала и стесняющей движения одежды вроде паранджи и понятия не имели о затворничестве. Они сидели за одним столом (вернее, на одном ковре) с мужчинами, сами имели право выбирать себе женихов и мужей (то есть выходили замуж по любви), в случаях надобности принимали участие в сражениях, а некоторые из них участвовали в военных совещаниях. Такое положение женщин представлялось мусульманским идеологам проявлением безнравственности и даже разврата. На этой почве выросло и нелепое представление об «общности женщин» у хуррамитов.

В 830 году в византийские владения перешли 14 тыс. хуррамитов, из которых византийское военное командование сформировало особые отряды, получившие известность как «персидские турмы». О том, сколь большое значение придавали хуррамитами в Византии, говорит тот факт, что местные власти позаботились даже о том, чтобы подыскать жен для воинов из этих турм.

В первые годы правления Мутасима (833—842) на борьбу с повстанцами Бабека были направлены основные усилия халифского правительства. Едва став халифом, в том же 833 году, Мутасим устроил против хуррамитов свой первый поход — в отличие от походов Мамуна удачный. В сражении под Хамаданом арабам удалось нанести поражение до того непобедимым повстанцам, перебив почти 60 тыс. человек.

Немногие спасшиеся от истребления хуррамиты ушли на византийскую территорию¹¹³.

С этого момента все складывалось против хуррамитов. Основные силы Византии были заняты в Сицилии, на арабо-византийской границе не происходило никаких военных действий, и установившееся фактическое перемирие в Малой Азии позволило арабам бросить все наличные военные силы (в том числе и взятые из пограничной области ал-Авасым) против Бабека.

В 835 году халиф Мутасим назначил главнокомандующим войсками, направлявшимися против хуррамитов, тюрка Афшина, выказавшего большие полководческие способности еще при Мамуне, во время подавления восстания в Египте. Халиф приказал выплачивать Афшину повышенное жалование: 5 тыс. дирхемов в день и 10 тыс. дирхемов в те дни, когда происходили сражения с хуррамидами¹¹⁴. В подчинении у Афшина состояли лучшие арабские командиры Джафар ал-Хайят и Итах ат-Таббах. Как не без иронии заметил Бабек в письме императору Феофилу, халиф направил против хуррамитов всех своих людей, в их числе даже своего портного и своего повара. Здесь имеет место игра слов: по-арабски «хайят» значит портной, а «таббах» — повар.

Бабек просил Феофила начать в войну с Халифатом. Он резонно полагал, что в случае угрозы со стороны Византии халиф будет вынужден снять значительную часть сил с хуррамитского фронта, чтобы противопоставить их византийцам. И действительно, византийское военное командование, воспользовавшись малочисленностью арабских войск в пограничной области, совершило вторжение на территорию Халифата. В 837 году византийцы предприняли поход на Запетру (Зибарту), крепость в Месопотамии. В рядах византийских войск сражались те хуррамиты, которые в свое время ушли на византийскую территорию. Запетра была взята и сожжена, мужское население крепости перебито, женщины и дети уведены в рабство. Были взяты также города Малатия и Самосата, где были совершены довольно обычные для византийцев зверства: многим пленным выкололи глаза, у других отрезали носы и уши.

Но вторжение византийских войск никак не улучшило положения хуррамитов. Мутасим не отозвал из войска Афшина ни одного воина. Арабы продолжили теснить их и заставляли все дальше отступать в горные районы Азербайджана. Правда, хуррамиты еще представляли собой грозную силу, и Афшин даже вступил в тайные переговоры с Бабеком и с поддерживающим его правителем Табаристана Мазьяром. Халифский главнокомандующий надеялся использовать их в своих целях, которые простирались очень далеко, — Афшин подумывал о том, чтобы низложить Мутасима и самому стать халифом. Бабеку и Мазьяру в обмен на содействие он предлагал власть на некоторых территориях. Но соглашение не состоялось, и военные действия разгорелись с новой силой.

В войне с хуррамитами Афшин применял не только живую силу и осадную технику. Он придавал большое значение деятельности своей агентуры в тылу противника. Его агенты не только вели разведку, но и склоняли на сторону халифа влиятельных феодалов, которые пошли было за хуррамитами. Военные успехи халифских войск в 835–837 годах напугали этих попутчиков Бабека, которые теперь боялись потерять свои земли и привилегии, а то и попасть на расправу к халифским палачам.

В конце 837 года Афшина осадил резиденцию Бабека крепость Базз. Когда стало ясно, что падение крепости неминуемо, Бабек ушел из нее по подземному ходу. Он намеревался пробраться в Византию, чтобы с помощью войск императора Феофила продолжать борьбу против Халифата. Но в Армении местный феодал Сахл Смбатьян, давний его союзник, предательски захватил его и выдал Афшину. Тот приказал отправить Бабека на слоне в резиденцию халифа Самарру, куда и сам прибыл с большим триумфом. Казнь Бабека поражает своей жестокостью: сначала палач отрубил ему правую руку и ударил его этой рукой несколько раз по лицу, то же самое проделали с левой рукой, затем отрубили ноги, вспороли живот и только после этого обезглавили. Тело Бабека прибили к кресту, дабы каждый мог убедиться, что кара настигла мятежника.

Восстание зинджей

Одной из характерных и специфических особенностей феодального общества в Багдадском халифате был рабовладельческий уклад. Рабство, процветающее в раннефеодальных обществах Востока, после арабских завоеваний не только сохранилось, но и получило значительное развитие. Потребность в рабах в общественном производстве и широкое развитие домашнего рабства вызывали весьма оживленную работорговлю. Караваны невольников с севера и корабли, набитые рабами, с юга прибывали в Багдадский халифат сотнями. Особенно много рабов поступало из Занзибара (по-арабски аз-Зиндж). Это название в арабоязычной географии прилагалось не только к острову Занзибар, но также ко всему побережью Восточной Африки. Сам остров был известен многолюдными рынками чернокожих рабов. В Халифате рабы, привезенные из Африки, были известны как «зинджи», по названию острова.

В окрестностях Басры всегда наблюдалось большое скопление зинджей, привезенных арабскими и персидскими работорговцами и ожидавших своих покупателей. В IX веке часть рабов отбиралась для халифского войска, большинство же их направлялось в Южный Ирак и в иранский Хузистан, где они подвергались весьма жестокой эксплуатации на государственных и частновладельческих землях. Рабы копали каналы, осушали болота, очищали солончаки, снимая с них верхний покров соли, добывали селитру и вываривали соль из морской воды. Также их труд применялся на плантациях хлопка и сахарного тростника.

Размещенные по лагерям (от 500 до 5000 человек в каждом) зинджи существовали в весьма тяжелых условиях. Они жили в убогих шалашах, сделанных из камыша и пальмовых листьев. Суточный пищевой рацион одного раба состоял из нескольких горстей муки и фиников. Они страдали и погибали от болотной лихорадки, от истощения и от зверского обращения надсмотрщиков. Иногда рабы поднимали восстания,

которые беспощадно подавлялись; первое такое восстание произошло в 694 году.

Самое же крупное восстание зинджей, продолжавшееся четырнадцать лет, началось в 869 году. Довольно подробные сведения о нем сообщает во «Всеобщей истории» ат-Табари, который был его современником. Некоторые сведения об этом восстании содержатся также в трудах Масуди.

Восстание чернокожих рабов вспыхнуло в окрестностях Басры. В 255 году хиджры (868/869 год) здесь, как пишет ат-Табари, «появился человек, и собрались к нему зинджи, которые очищали солончаки»¹¹⁵. Это был Али ибн Мухаммед, будущий предводитель и идеолог зинджей. О его происхождении и раннем периоде деятельности сохранились неопределенные и разноречивые сведения. Видимо, впервые он объявился в Хаджаре, в Восточной Аравии, где объявил себя пророком и прямым потомком халифа Али; точных сведений о содержании его проповедей не имеется. Многие жители Хаджара примкнули к нему, и между его приверженцами и противниками произошли кровавые столкновения. Позже Али ибн Мухаммед перебрался в Бахрейн, жители которого признали его пророком. Однако когда он попытался собирать с них подати, его прогнали. Тогда Али ибн Мухаммед с отрядом своих приверженцев стал бродить в ал-Хасе, переходя из одного бедуинского становища в другое и проповедуя какие-то новые, до того неизвестные стихи Корана. Постепенно к нему примкнуло много новых приверженцев, и он выступил с ними против бахрейнцев. Но те нанесли поражение его «войску», и оно быстро рассеялось. Али ибн Мухаммед, покинутый всеми, оказался в безнадежном положении, но тут, как передавали впоследствии его приверженцы, он услышал из грозовой тучи таинственный голос, который приказал ему идти в Басру¹¹⁶.

В 868 году он прибыл в Басру, где в то время происходила междоусобная борьба между двумя группами населения. Попытка Али ибн Мухаммеда возглавить одну из групп, подчинив ее своему влиянию, успеха не имела. Правитель города посадил в тюрьму тех немногих горожан, которые примкнули к Али ибн Мухаммеду. В тюрьме также оказались его жена,

сын, дочь и невольница, но сам он бежал в Багдад, где проповедью снискал себе новых сторонников. Однако вскоре правитель Басры был смещен, заключенные вышли из тюрем. Узнав об этом, Али ибн Мухаммед в Рамадан 255 года хиджры (в августе 869 года) вернулся в Басру¹¹⁷.

Под этим годом ат-Табари¹¹⁸ приводит рассказ одного раба. Али ибн Мухаммед, встретившись с этим рабом под Басрой, расспрашивал его, сколько получает каждый раб муки, похлебки и фиников. Затем он предложил привести к нему других рабов, и, когда пришли 150 рабов из одного места, 500 — из другого и еще много рабов из разных мест, он обратился к ним с речью. В своем первом выступлении перед зинджами Али ибн Мухаммед обещал им «власть и имущество» и поклялся, что не обманет и не покинет их. Затем он приказал привести к нему владельцев этих рабов и надсмотрщиков и пригрозил им казнью за угнетение рабов. Эту угрозу он отчасти привел в исполнение, приказав рабам нанести по 500 ударов свежими пальмовыми ветвями каждому рабовладельцу и надсмотрщику.

Как бы то ни было, уже в первом году восстания в окрестностях Басры вокруг Али ибн Мухаммеда собралось около 15 тыс. рабов. Обращаясь к ним с речью, он заявил, что хочет улучшить их положение и самих их сделать владельцами рабов, имущества и жилищ¹¹⁹.

Идеология Али ибн Мухаммеда была синкретичной. Он был шиитом, выступавшим в роли «скрытого имама», прямого потомка Али ибн Абу Талиба, и даже выдавал себя за воплощение бога, а потому скрывал свое лицо под покрывалом. Но в ходе восстания он вполне определенно проявил себя как проводник учения хариджитов в его крайнем выражении, какое оно приняло у азракитов. К последним его причисляет Масуди и в доказательство его принадлежности к этой секте приводит убийства женщин, младенцев и стариков, производившиеся по его приказам, а также хариджитские лозунги и формулы, употреблявшиеся им в публичных выступлениях¹²⁰.

Масса зинджей, конечно, не имела ни желания, ни возможности воспринимать хариджитское вероучение. По свое-

му умственному развитию и культурному уровню они стояли гораздо ниже даже темных, неграмотных иракских крестьян. К тому же они не понимали арабских речей своего предводителя, который вынужден был обращаться к ним через переводчиков. Но при том обилии языков и наречий, на которых говорили африканские рабы, привезенные из разных стран «черного континента», найти достаточное число разноязычных переводчиков было совершенно невозможно. Следовательно, для многих зинджей их красноречивый предводитель-проповедник был как бы немым, а они были глухи к его проповедям.

Зинджи, испытавшие позор и жестокость рабства, пылали безотчетной ненавистью; их главной целью было наполнить свои желудки, истощенные длительным голоданием. И уж точно они были далеки от любых высоких идей.

Взять Басру, опоясанную высокими и крепкими стенами, восставшие не могли, а возможно, и не ставили перед собой такой задачи, так как еще не были организованы в военном отношении, не имели даже ручного оружия, не говоря уже о штурмовых приспособлениях. Но в окрестностях города и в его области рабы убили рабовладельцев и надсмотрщиков, которые не смогли убежать, и захватили богатую добычу.

Али ибн Мухаммед тем временем проявлял незаурядную энергию и распорядительность. Он разделил восставших на отряды, назначил командиров, запретил им пить вино. Улучшение организации повстанческой армии принесло успехи. В 256 году хиджры (869/870 год) зинджи взяли и разграбили Оболлу, после чего им сдался Абадан. В том же году восстание распространилось на Хузистан. Зинджи сравнительно легко овладели главным городом этой области Ахвазом и захватили в плен его правителя. Затем они нанесли поражение халифскому отряду, прибывшему на подавление восстания; остатки этого отряда бежали под защиту крепостных стен Басры.

Успехи зинджей вызвали панику в Басре. Многие жители спешно покинули город и бежали на север. Особенно отток басрийцев усилился, когда зинджи разбили еще один посланный против них халифский отряд¹²¹. В 257 году хиджры

(870/871 год) они одержали еще несколько побед над халифскими войсками.

Причинами военных успехов восставших рабов было не только их крайнее ожесточение и тактика стремительных ночных нападений на лагерь халифских войск. Гораздо большее значение имело другое обстоятельство: многие контингенты халифских войск, сформированные из зинджей, без сопротивления переходили на сторону своих восставших собратьев. Такое пополнение значительно повышало боеспособность войска Али ибн Мухаммеда, так как переходящие на сторону рабов воины-зинджи были обучены военному делу и хорошо вооружены. Благодаря им прежде всего через два года после начала восстания повстанческие отряды превратились в настоящую армию.

Осенью 871 года зинджи наконец взяли Басру. Много жителей погибло (по сведениям Масуди, 300 тыс. человек)¹²², пожары уничтожили значительную часть города, имущество было разграблено. Но зинджи не превратили Басру в свой главный военно-политический пункт, так как это не соответствовало их военной стратегии. Они предпочитали создавать себе укрепленные убежища на островах, образованных протоками Шатт-ал-араба и каналами. Там, окруженные земляными валами, под защитой болот отряды зинджей отсиживались, когда не считали возможным вступать в сражение с халифскими войсками. Сюда же они сносили добычу. Из убежища, бывшего резиденцией Али ибн Мухаммеда, к юго-западу от Куфы вырос большой укрепленный город ал-Мухтара, который впоследствии стал столицей государства зинджей.

В общем, война между зинджами и Халифатом до конца 70-х годов IX века шла с перевесом войск Али ибн Мухаммеда. В 875 году у зинджей появился невольный союзник в лице иранского военачальника Йакуба ибн Лейса ас-Саффара, который выступил против аббасидского халифа. Однако его поход на Багдад завершился поражением. Наместник Йакуба в Хузистане выступил совместно с зинджами, но их соединенные силы были в 876 году разбиты. Последовавшие за этой неудачей разногласия между Йакубом и зинджами быстро перешли во враждебные отношения, и Али ибн Му-

хаммеду пришлось, чтобы избавиться от новой угрозы, откупиться от Йакуба, уступив ему Ахваз.

В 265 году хиджры (878/879 год) зинджи взяли Васит и, продвинувшись к северу от него, оказались на пути в Багдад. Но уже в следующем году халифское войско под командованием Абу-л-Аббаса (будущего халифа Мутадида), сына Муваффака, нанесло поражение зинджам и вступило в Васит. В том же году сам Муваффак принял командование войском, направлявшимся против зинджей. Это войско сопровождал многочисленный речной флот, состоявший из множества разных судов, на которых было возможно проникать по протокам и каналам к убежищам зинджей.

К тому времени в среде зинджей произошли весьма существенные изменения, ставшие причиной их поражения. Рабы-зинджи, освободившись от угнетения, не отменили рабства и сами стали превращаться в рабовладельцев, как, собственно, и обещал им еще в самом начале восстания Али ибн Мухаммед. Причем с расширением территории восстания число рабов при зинджах возрастало за счет обращения в рабство пленных и части свободного населения. Как сообщает Масуди, зинджи продавали на аукционах арабских женщин знатного происхождения — алидок, курейшиток и др. Видимо, на этих аукционах предложение превышало спрос, так как можно было купить молодую девушку по ничтожно низкой цене — за 2–3 дирхема. Каждый зиндж, как уверяет Масуди, владел 10, 20 и даже 30 женщинами, находившимися у него на положении рабынь-наложниц¹²³.

Крестьяне, являвшиеся самым важным союзником зинджей, не получили освобождения от податного ярма на территориях, захваченных вчерашними рабами. Горожане (особенно богатые) понесли большие потери от пожаров и грабежей, не говоря уже об избиениях населения. На территории господства зинджей сократилась торговля, что отразилось на положении купцов и ремесленников. Таким образом, социальная база зинджей была ненадежной — они держались только на силе оружия.

Командная верхушка зинджей к концу 870-х годов превратилась в группировку крупных землевладельцев и рабов-

ладельцев. Владея земельной собственностью и рабами, эта группировка обирала рядовых зинджей, присваивая себе большую часть добычи и податей. По сути, она признала халифскую деспотию идеалом государственного устройства. Али ибн Мухаммед провозгласил себя халифом на территории, завоеванной зинджами, приказал молиться за себя в мечетях как за суверенного государя и чеканить монеты со своим именем. Таким образом, возник как бы «малый халифат» зинджей, а в среде самих зинджей стали нарастать социально-экономические противоречия. В их рядах наблюдались разочарование и неуверенность. Все это снижало боеспособность их войск.

Войска и флот под командованием Муваффака медленно продвигались на юг, и это движение не смогло остановить даже то, что в 880 году зинджи разбили еще один халифский отряд. В отличие от своих военачальников, которые истребляли всех зинджей, попадавших им в руки, Муваффак проводил разумную политику: он снисходительно обращался с пленными, запретил своим воинам убивать и мучить их¹²⁴. Таким обращением с зинджами он, несомненно, стремился не доводить их до отчаяния и тем самым ослабить их сопротивление.

По мере продвижения войск Муваффака зинджи перешли к обороне, рассредоточившись по укрепленным лагерям, которые воинам халифа пришлось брать штурмом. Наличие речного флота давало им возможность проникать к любому укрепленному пункту зинджей и подавлять сопротивление его защитников. Ал-Мухтара, резиденция Али ибн Мухаммеда, выдержал трехлетнюю осаду; его отчаянно сопротивлявшийся гарнизон отбил несколько штурмов халифских войск. Муваффаку пришлось построить хорошо укрепленный лагерь, чтобы предотвратить большие людские потери, причинявшиеся смелыми ночными вылазками осажденных. Он предлагал Али ибн Мухаммеду капитулировать и принести присягу халифу, за что обещал ему помилование¹²⁵, но предводитель зинджей отказался прекратить сопротивление, которое становилось все более безнадежным. Наконец в 883 году истощенный гарнизон ал-Мухтары не выдержал

штурма, и эта крепость пала. Голова Али ибн Мухаммеда была брошена к ногам Муваффака.

После подавления восстания зинджи подверглись жестокой расправе. Многие были уничтожены, остальные снова обращены в рабство. Беспощадные репрессии обрушились и на их соучастников — азракитов. В Басре после взятия этого города зинджами руководящую политическую роль играл Мухаллиби, один из ближайших сподвижников Али ибн Мухаммеда. В своих проповедях и молитвах он призвал благословение божие на предводителя зинджей и двух первых халифов, Абу Бакра и Омара, и проклинал Аббасидов как деспотов и тиранов. Среди басрийцев оказалось немало единомышленников этого пламенного азракита, которые не отказались от своих убеждений и после того, как город опять оказался во власти халифа. Большинство их было убито и брошено в реку. Но было немало и таких, которым, как утверждает Масуди, долго удавалось скрываться в колодцах, а пищей им служили собаки, кошки, крысы и даже трупы умерших соратников¹²⁶.

Примечания

- ¹ *Н. В. Пигулевская*. Византия на путях в Индию. М. — Л., 1951.
- ² *Ш.-А. Жюльен*. История Северной Африки. Т. I, гл. 10. М., 1961.
- ³ *И. Ю. Крачковский*. Аш-Шанфара. Песнь пустыни // Избранные сочинения. Т. II. М. — Л., 1956. С. 238.
- ⁴ *Géographie d'Aboulféda*, traduit de l'arabe en français par Reinaud. Т. II. Paris 1848. P. 99.
- ⁵ *А. А. Крубер*. Общее землеведение. М. — Л., 1938. С. 320, 321.
- ⁶ *Э. Гиббон*. История упадка и разрушения Римской империи. М., 1885. С. 467.
- ⁷ *L. Caetani*. Studi di storia orientale. Milano, 1911. Vol. I. P. 53
- ⁸ *C. Niebuhr*. Description de l'Arabie. D'après les observations et recherches faites dans le pays meme. Copenhague, 1773.
- ⁹ См.: *В. В. Бартольд*. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925. С. 22.
- ¹⁰ *H. Lammens*. La Cité Arabe de Tif à la Veille de l'Hégire. Beyrouth, 1922. P. 22.
- ¹¹ *J. L. Burckhardt*. Voyages en Arabic. Т. I. Paris, 1835. P. 111, 112.
- ¹² *E. Rutter*. The Holy Cities of Arabia. London, 1930. P. 354.
- ¹³ *J. B. Philby*. The heart of Arabia: a record of travel & exploration. London, 1922. Vol. I. P. 13, 14.
- ¹⁴ *B. Thomas*. Arabia Felix: across the Empty Quarter of Arabia. London, 1932. P. XXIII.
- ¹⁵ «Муаллака Имру-уль-Кайса». Араб. текст и пер. Г. Муркос. СПб., 1885. С. 23.
- ¹⁶ *C. M. Doughty*. Travels in Arabia Deserta. Vol. II. London, 1924. P. 324.
- ¹⁷ *J. B. Philby*. The heart of Arabia... Vol. II. P. 43.

- ¹⁸ *C. M. Doughty*. Travels in Arabia Deserta. Vol. II. P. 532.
- ¹⁹ *T. E. Lawrence*. Revolt in the Desert. New York, 1927. P. 94.
- ²⁰ *B. Thomas*. Arabia Felix... P. 184.
- ²¹ *J. B. Philby*. The Empty Quarter: being a description of the Great South Desert of Arabia known as Rub-al-Khali. London, 1993. P. XVII.
- ²² Ibid. P. 58.
- ²³ *J. B. Philby*. The heart of Arabia... Vol. I. P. 41, 46.
- ²⁴ *A. Rihani*. Ibn Sa'oud of Arabia, his people and his land. London, 1928. P. 107, 108.
- ²⁵ *A. Blunt*. A pilgrimage to Nejd. Vol. I. London, 1881. P. 158–160.
- ²⁶ *H. Lammens*. Le berceau de l'islam. Rome, 1914. P. 57.
- ²⁷ *R. F. Burton*. Personal Narrative of a Pilgrimage to Al-Madinah and Meccah. Vol. II. London, 1855.
- ²⁸ *C. M. Doughty*. Travels in Arabia Deserta. Vol. I. P. 379.
- ²⁹ *M. Oppenheim*. Vom Mittelmeer zum Persischen Golf, durch den Hauran, die syrische Wüste und Mesopotamien. Bd. I. Berlin 1899. S. 89, 201.
- ³⁰ *Я. Я. Стрейс*. Три путешествия. М., 1935. С. 341.
- ³¹ *S. M. Zwemer*. Arabia: the Cradle of Islam. London, 1900. P. 80.
- ³² *И. Ю. Крачковский*. Аш-Шанфара. Песнь пустыни. С. 243.
- ³³ *H. Lammens*. Le berceau de l'islam. P. 23. 24.
- ³⁴ *Насир-и Хусрай*. Сафар-наме. М. — Л., 1933. С. 135.
- ³⁵ Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd. XIV. Leipzig, 1891. S. 361.
- ³⁶ *И. Ю. Крачковский*. Арабская поэзия // Избранные сочинения. Т. II. С. 51.
- ³⁷ *А. Крымский*. Арабская литература в очерках и образцах. М., 1911. С. 184.
- ³⁸ *С. П. Олферьев*. Из области древнеарабской лирической поэзии // Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера. М., 1900. С. 269.
- ³⁹ *В. А. Крачковская*. К столетию изучения Хадрамаута // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 75. Вып. 4. М. — Л., 1943. С. 31–45.
- ⁴⁰ *J. R. Wellsted*. Travels in Arabia. Vol. I. London, 1838.
- ⁴¹ *В. В. Бартольд*. Мусейлима // Известия АН СССР. 1925. № 12–15. С. 502.
- ⁴² *Геродот*. История в девяти книгах. Кн. III. М., 1885. С. 8.
- ⁴³ *J. Henninger*. La societè bedouine ancienne // L'antica società beduina. Rome, 1959. P. 81.
- ⁴⁴ *F. Gabrieli*. La letteratura beduina preislamica // L'antica società beduina. P. 102.

- ⁴⁵ Происхождение ислама. М. — Л., 1931. С. 87.
- ⁴⁶ R. A. Nicholson. A Literary History of the Arabs. London, 1923. P. 115.
- ⁴⁷ И. Ю. Крачковский. Аш-Шанфари. Песнь пустыни. С. 240.
- ⁴⁸ Там же. С. 241.
- ⁴⁹ R. A. Nicholson. A Literary History of the Arabs. P. 82.
- ⁵⁰ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. М., 1955—1981. Т. 21. С. 32.
- ⁵¹ И. Гольдциэр. Культ святых в исламе. М., 1938. С. 152—154.
- ⁵² См. об этом: В. В. Бартольд. Коран и море // Азиатский музей Российской Академии наук. Записки коллегии востоковедов. Т. I. Л., 1925. С. 106—110.
- ⁵³ И. Ю. Крачковский. Арабская поэзия. С. 247, 248.
- ⁵⁴ Das Götzenbuch. Kitâb al-AÛnâm des Ibn al-Kal-bî. Übersetzung mit Einleitung und Kommentar von R. Klinke-Rosenberger. Leipzig, 1941.
- ⁵⁵ Происхождение ислама. С. 84—88.
- ⁵⁶ В. В. Бартольд. Ислам. Пг., 1918. С. 10.
- ⁵⁷ Известны также переводы Корана на русский язык Т. А. Шумовского (1995), В. М. Пороховой (1995), В. Д. Ушакова (1998), Э. Р. Кулиева (2002) и др. — *Прим. ред.*
- ⁵⁸ А. Крымский. Источники для истории Мохаммеда и литература о нем. М., 1902; Historians of the Middle East. Ed. by V. Lewis and P. M. Holt. London, 1962. P. 23—34.
- ⁵⁹ K. Ch. Snouck Hurgronje. Mekka in the Latter Part of the 19th Century. London, 1931. P. 18.
- ⁶⁰ Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir at Tabari cum aliis / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum. Vol. I. 1879. P. 1271 (далее — Табари).
- ⁶¹ Там же. С. 1339.
- ⁶² Там же. С. 1586.
- ⁶³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 111.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Табари. I, 1097, 1098.
- ⁶⁶ Там же. С. 1097.
- ⁶⁷ H. Lammens. Les «Ahabis» et l'organisation militaire de la Mecque au siecle de l'Hegire // Journal asiatique. T. VIII. Paris, 1916.
- ⁶⁸ M. Gaudefroy Demombynes. Mahomet. Paris, 1969. P. 242—253.
- ⁶⁹ Das Leben Muhammed's nach Muhammed ibn Ishâk bearbeitet von Abd El-malik Ibn Hischâm. Aus den Handschriften zu Berlin, Leipzig, Gotha und Leyden herausgegeben von Dr. Ferdinand Wüslenfeld. Bd. 1—2. Göttingen, 1858—1860. P. 416—432 (далее — Ибн-Исхак).

- ⁷⁰ History of Muhammad's Campaigns by Aboo Abdallah Mohammad Ibn Omar al-Wakidy. Ed. by A. Kremer. Calcutta, 1856. P. 196.
- ⁷¹ Ибн-Исхак. С. 776, 777.
- ⁷² *H. Lammens*. La Cité Arabe de Tif à la Veille de l'Hégire. Ch. VIII.
- ⁷³ *Н. А. Медников*. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. Т. II // Православный Палестинский сборник. Т. XVI. Вып. 2. СПб., 1897–1903. С. 40–41.
- ⁷⁴ Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir at Tabari cum aliis / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum. Ser. 1–111. 1879–1890.
- ⁷⁵ Liber expugnationis regionum, auctore Imamo Ahmed ibn Jahia ibn Djabir al-Beladsori / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1866.
- ⁷⁶ *Abou Hanifa ad-Dinaweri*. Kitab al-ahbar at-tiwal / Publié par V. Guirgass. Leiden, 1888; Ibn Wadhîh, qui dicitur al Ja'qubi historiae / Ed. M. Th. Houtsma. Vol. 1–2. Lugduni Batavorum. 1883.
- ⁷⁷ Заглавие этого сочинения ранее неправильно переводилось как «Золотые луга».
- ⁷⁸ Раби ал-авваль 11 года = 27 мая — 25 июня 632 года.
- ⁷⁹ Цит. по: *Н. А. Медников*. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. Т. II. С. 47.
- ⁸⁰ Там же. С. 54.
- ⁸¹ *H. Lammens*. La Syrie. Précis Historique. Vol. I. Beyrouth, 1921. P. 56.
- ⁸² Цит. по: *Н. А. Медников*. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. Т. II. С. 50.
- ⁸³ Там же. С. 68.
- ⁸⁴ Там же. С. 70.
- ⁸⁵ Цит. по: Всемирная история. Т. III. М., 1957. С. 112.
- ⁸⁶ Цит. по: *Н. А. Медников*. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. Т. II. С. 82.
- ⁸⁷ *Maçoudî*. Les prairies d'or. Texte arabe et traduction, par C. Barbier de Meynard et A. Pavet de V. Gourteille. T. IV. Paris, 1865. P. 263.
- ⁸⁸ Ibid. P. 253–255.
- ⁸⁹ *Г. Дельбрюк*. История военного искусства. Т. III. М., 1938. С. 158.
- ⁹⁰ *И. Ю. Крачковский*. Арабская географическая литература // Избранные сочинения. Т. IV. М. — Л., 1957.
- ⁹¹ *L. Caetani*. Annali dell' islam. 10 vol. Milano, 1905–1907.
- ⁹² *H. Lammens*. La Syrie. Vol. I. P. 73.
- ⁹³ См.: Труды Первой сессии арабистов / М. — Л., 1937. С. 29.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ *В. В. Бартольд*. Халиф Омар II и противоречивые известия о его личности // Христианский Восток. Т. VI. Вып. 3. Пг., 1922.
- ⁹⁶ Там же. С. 213.

- ⁹⁷ См.: *Н. А. Медников*. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. Т. IV // Православный Палестинский сборник. Т. XVI. Вып. 2. СПб., 1897–1903. С. 1307.
- ⁹⁸ *Le livre de l'impôt foncier de Yahya ibn Adam / Publié par Th. W. Juynboll, Leiden, 1896; англ. перевод: Taxation in islam. Vol. I. Yahya ben Adam's Kitab al-Kharaj / Ed. translated and provided with an introduction and notes by A. Ben Shemesh. Leiden, 1958.*
- ⁹⁹ *В. В. Бартольд*. Халиф и султан // Мир ислама. Т. I. № 2. 1912. С. 214, 215.
- ¹⁰⁰ Цит. по: *Н. А. Медников*. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. Т. IV. С. 1311–1314.
- ¹⁰¹ *И. Ю. Крачковский*. Арабская географическая литература. С. 144.
- ¹⁰² Там же. С. 141.
- ¹⁰³ *Н. Pirenne*. Mahomet et Charlemagne. 2 ed. Paris, 1937.
- ¹⁰⁴ *В. В. Бартольд*. Карл Великий и Харун-ар-Рашид // Христианский Восток. Т. I. Вып. 1. 1912. С. 69–94.
- ¹⁰⁵ *А. А. Васильев*. Карл Великий и Харун-ар-Рашид // Византийский временник». Т. XX. Вып. I. Отд. 1. 1913. С. 63–116.
- ¹⁰⁶ *В. В. Бартольд*. К вопросу о франко-мусульманских отношениях // Христианский Восток. Т. III. Вып. 3. СПб., 1914. С. 263–296.
- ¹⁰⁷ *В. В. Бартольд*. Карл Великий и Харун-ар-Рашид. С. 76–77.
- ¹⁰⁸ *А. А. Васильев*. Лекции по истории Византии. Пг., 1917. С. 212–213.
- ¹⁰⁹ *А. А. Васильев*. Византия и арабы. С. 53–75; *А. А. Васильев*. Лекции по истории Византии. С. 262–263.
- ¹¹⁰ *А. А. Васильев*. Византия и арабы. С. 82–104.
- ¹¹¹ См.: *З. М. Бунятов*. Азербайджан в VII–IX веках. Автореферат диссертации. Баку, 1963. С. 33.
- ¹¹² *А. А. Васильев*. Византия и арабы. С. 114.
- ¹¹³ Там же. С. 104.
- ¹¹⁴ *З. М. Бунятов*. Азербайджан в VII–IX веках.
- ¹¹⁵ Табари, III, 1742.
- ¹¹⁶ Там же, 1743–1745.
- ¹¹⁷ Там же, 1746–1747.
- ¹¹⁸ Там же, 1748.
- ¹¹⁹ Там же, 1751.
- ¹²⁰ *Maçoudi*. Les prairies d'or. Т. VIII. P. 31–32.
- ¹²¹ Табари, III, 1834–1838.
- ¹²² *Maçoudi*. Les prairies d'or. Т. VIII. P. 58.
- ¹²³ Ibid. P. 60.
- ¹²⁴ Табари, III, 1972.
- ¹²⁵ Там же, 1981.
- ¹²⁶ *Maçoudi*. Les prairies d'or. Т. VIII. P. 58, 59.

Содержание

Введение	5
Глава I	
Аравия и арабы в V–VI веках.	11
Глава II	
Возникновение ислама.	61
Глава III	
Образование Халифата	94
Глава IV	
Халифат Омейядов	127
Глава V	
Багдадский халифат в VIII–IX веках	165
<i>Примечания</i>	208

Беляев Е.

Б44 Арабский Халифат в раннее Средневековье / Евгений Беляев. — М. : Ломоносовъ. — 2018. — 224 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-467-1

В этой книге рассказывается, как жили арабы до появления ислама, как Мухаммед впервые выступил с проповедью в Мекке и как возникла в Медине мусульманская община — умма, как спорили за власть после смерти основателя ислама мекканцы и мединцы, как образовался и начал свои завоевания Арабский Халифат и как расширялось это государство, включая в себя все новые территории — Аравийский полуостров, Ирак, Иран, Закавказье, Среднюю Азию, Сирию, Палестину, Египет, Северную Африку, Пиренеи. А также о том, как управлялись завоеванные страны, как подавлялись бунты, как развивались города, как постепенно вызревала арабская культура, как строились отношения между Халифатом и Византией и о многом другом. Фундаментальный труд по ранней истории ислама и Арабского Халифата Евгения Беляева выходит в новой редакции.

Евгений Беляев (1895—1964) — арабист, доктор исторических наук, заведовал кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока в Московском институте востоковедения, был научным сотрудником Института востоковедения АН СССР.

УДК 94(53)

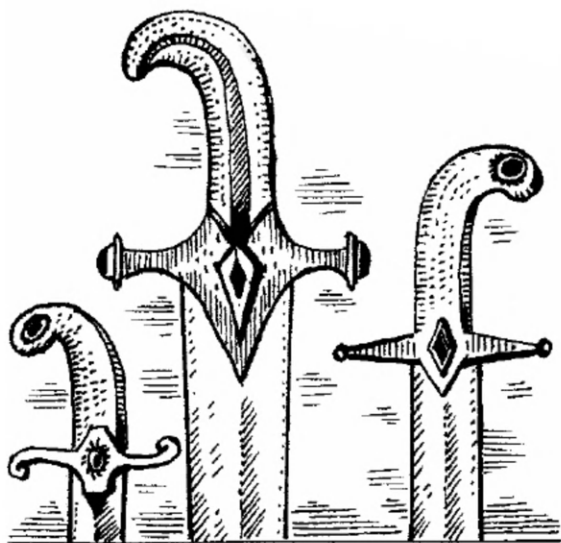
ББК 63.3(0)4

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Евгений Беляев

Арабский Халифат в раннее Средневековье

Редактор Ф. Мочалов
Верстка А. Петровой
Корректор М. Малоян

Подписано в печать 23.07.2018.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 14. Тираж 1000 экз.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300 Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpk.ru, E-mail: sales@chpk.ru, 8 (495) 988-63-87